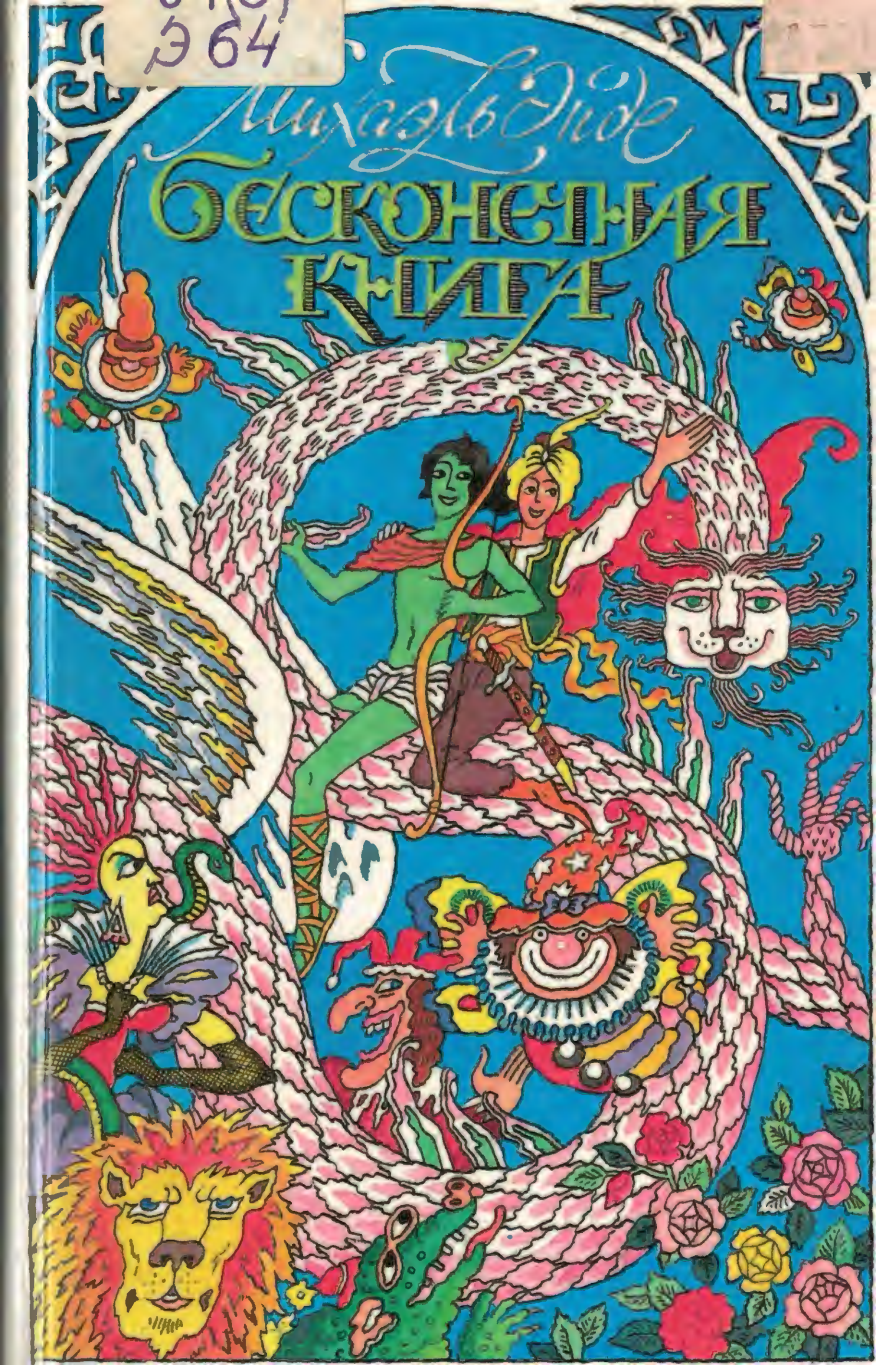
Э 64

Михаэль Энде

Бесконечная книга



Михаэль Энде
Бесконечная книга

Михаэль Энде

Бесконечная книга

с рисунками от А до Я

МОСКВА
ЗНАМЕНИТАЯ КНИГА
1993

Стихи в переводе
Александра ПОЗДНЯКОВА

Пересказ с немецкого
Татьяны НАБАТНИКОВОЙ

Михаэль Энде

БЕСКОНЕЧНАЯ КНИГА

Художник Е. Р. Соколов

Редактор *Т. Ю. Кудина*
Художественный редактор *Е. Р. Соколов*
Технический редактор *Т. В. Тужилкина*
Корректор *С. И. Крягина*

Подписано к печати 01.12.93. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. п. л. 18,48. Уч. изд. л. 16,65.
Тираж 100000 экз. Заказ № 2529
Издательство «ЗнаК», 117421, Москва, ул. Новаторов, 14, корп. 1.
Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического концерна «ШАРК». 70008 Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

Энде М.
Э 64

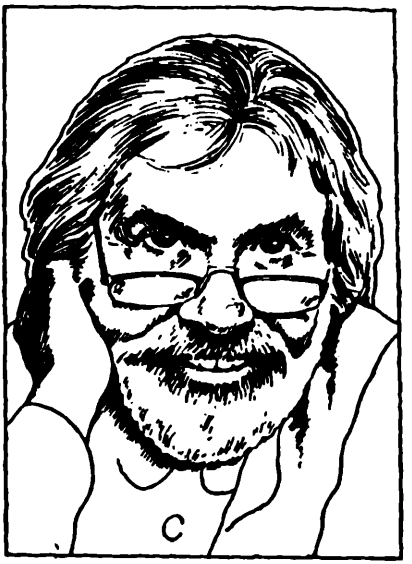
Бесконечная Книга: Сказочная повесть. Пер. с нем.—М—: ЗнаК, 1993.—352 с.

ISBN—8350—0016—2

Михаэль Энде — детский писатель с мировой славой. Книги его читают на всех основных языках, включая японский и китайский, а по «Бесконечной Книге» снят фильм «Бесконечная История», знакомый и нашему зрителю.

«Бесконечная Книга» впервые увидела свет в 1979 году и сразу же стала знаменитой. Ее герои, заговорив на многих языках мира, стали друзьями детей разных стран. И вот теперь, наконец, с удивительной «Бесконечной Книгой» могут познакомиться и у нас — перед вами первое издание на русском языке прекрасной сказки о приключениях мальчика Бастиана в стране Фантазии.

Почти все книги М. Энде отмечены большими литературными премиями, в том числе и самой престижной — Андерсеновской.



Михаэль Энде родился в Германии в 1929 году в семье известного художника-сюрреалиста Эдгара Энде. Был актером, театральным режиссером, написал несколько пьес. Литературная известность пришла к нему в 1960 году с первой же книгой «Джим Пуговица и Лукас-машинист».

«Как писатель и деятель культуры я возлагаю большие надежды на открытие европейского Востока,— говорит М. Энде.— Я считаю, для нас, немцев, связь со славянской культурой всегда была очень важна — может быть, важнее, чем с романскими культурами. В последние десятилетия из-за отрезанности европейского Востока Германия попала под избыточное американское влияние, а это имеет печальные последствия: немцы утрачивают свою национальную душу».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗнаК» БЛАГОДАРИТ МИХАЭЛЯ ЭНДЕ ЗА ЕГО СКАЗОЧНЫЙ ПОДАРОК ВСЕМ ДЕТЯМ НАШЕЙ СТРАНЫ

Michael Ende

«Die unendliche Geschichte»

АНТИКВАРИАТ

Карл Конрад Роггенбр

Так выглядела надпись на стеклянной двери маленькой лавки, если смотреть на улицу изнутри.

Было серое ноябрьское утро, моросил дождь. Капли скатывались по стеклу, переваливаясь через завитки букв. На улице было сыро, тихо, пустынно.

Вдруг дверь распахнулась, латунный колокольчик отчаянно зазвонил и долго не мог успокоиться.

Возмутителем тишины был толстый мальчик лет десяти или одиннадцати. Мокрые волосы прилипли ко лбу, с пальто капало, на плече висела школьная сумка. Похоже, он не знал, куда попал, и потому застыл на пороге как вкопанный.

От пола до потолка помещение занимали книги. Они стояли на стеллажах вдоль стен, громоздились связками прямо на полу, лежали на столах — переплетенные в кожу и поблескивающие золотом на обрезах.

В углу стеной из книг был отгорожен закуток, там горела настольная лампа. Оттуда выплывали кольца дыма, росли и растворялись в темноте. Это походило на сигнальные знаки, которыми индейцы передают друг другу вести, зажигая костры на вершинах гор.

Мальчик услышал из-за книжной стены недовольный голос:

— Послушайте, вы можете любоваться сколько угодно, только закройте дверь! Дует.

Мальчик послушно прикрыл дверь. Потом приблизился к книжной загородке и осторожно заглянул за нее. В истертом кожаном кресле сидел приземистый человек, одетый в старый, мятый и даже, кажется, пыльный костюм. Цветастая жилетка поддерживала живот, над ушами топорщились клочки седых волос. Багровое лицо наводило на мысль о кусачем бульдоге. На мясистом носу сидели маленькие золотые очки, а в углу рта, окончательно перекосив его, висела изогнутая трубка. Книгу, которую только что читал, он заложил толстым указательным пальцем.

Вот он снял очки, оглядел мальчишку, сощурившись, отчего впечатление кусачести усилилось, и пробормотал:

— Ах ты господи!

Потом снова раскрыл книгу и продолжил чтение.

Мальчик не знал, что ему делать, и глядел на мужчину широко раскрытыми глазами. Наконец тот захлопнул книгу, опять заложив страницу пальцем, и проворчал:

— Послушай-ка, мальчик, я терпеть не могу детей. Нынче, правда, модно с вами носиться, весь мир только бы и делал, что развлекал вас, —

но меня увольте! Для меня все дети лишь крикуны и мучители, которые всё ломают, пачкают книги повидлом и вырывают страницы; им наплевать, что они добавляют взрослым забот. Все это я тебе говорю затем, чтобы ты сразу понял: детских книг у меня нет, а другие я тебе не продам. Так что, надеюсь, мы с тобой объяснились!

Все это он проговорил, не вынимая трубки изо рта. Потом снова раскрыл книгу и продолжил чтение. Мальчик кивнул и повернулся, чтобы уйти, но почувствовал, что не может оставить эту речь без ответа.

— Только не ВСЕ такие, — тихо сказал он.

Мужчина медленно поднял глаза и снова снял очки.

— А, ты еще здесь? Что бы такое сделать, чтобы ты ушел? Не посоветуешь? Ты, кажется, сказал сейчас что-то чрезвычайно важное?

— Ничего особенного. Я хотел только... не все дети такие, как вы говорите.

— Ах вон оно что! — Мужчина с наигранным удивлением поднял брови. — По всей видимости, ты и есть исключение, да?

Толстый мальчик пожал плечами и снова повернулся, чтобы уйти.

— А манеры-то! — услышал он позади ворчливый голос. — За такие манеры гроша ломаного не дашь. Во всяком случае, тебе следовало бы с самого начала представиться.

— Меня зовут Бастиан, — сказал мальчик. — Бастиан Балтазар Букс.

— Что ж, имя примечательное, — пробурчал человек. — С тремя Б. Ну, да твоей заслуги в том нет, имена не выбирают. А меня зовут Карл Конрад Кореандр.

— С тремя К, — серьезно произнес мальчик.

— Гм, и верно! — старик выпустил несколько колец дыма. — Впрочем, какая разница, как нас зовут, если мы все равно больше не увидимся. Я бы только хотел полюбопытствовать, из-за чего ты с таким шумом ворвался в мою лавку. Такое впечатление, что за тобой гнались.

Бастиан кивнул. Его круглое лицо побледнело, а глаза расширились.

— Наверно, ты ограбил кассу, — предположил господин Кореандр. — Или сбил с ног старушку. Или чего вы там еще такого учиняете. За тобой гонится полиция?

Бастиан отрицательно покачал головой.

— Ну-ка, говори сейчас же, — потребовал господин Кореандр, — от кого ты убегал?

— От мальчишек из нашего класса.

— Почему?

— Они... они пристают ко мне.

— Каким же образом?

— Они подстерегают меня перед школой.

— А потом?

— Потом они кричат всякое. Толкаются и дразнят меня.

— И ты им это спускаешь с рук? — господин Кореандр глядел на мальчишку с укором. — Почему бы тебе не надавать им по роже?

Бастиан испуганно вскинул взгляд.

— Нет, я не хочу. И потом, с боксом у меня не очень.

— А как насчет борьбы? — осведомился господин Кореандр. — А насчет бега, плаванья, футбола, гимнастики? Или ты вообще ничего не можешь?

Мальчик опустил голову.

— Другими словами, ты слабак. Что, нет?

Бастиан пожал плечами.

— Но разговаривать-то ты, по крайней мере, умеешь? — нашел выход господин Кореандр. — Мог бы им достойно ответить, когда они тебя дразнят.

— Да я попробовал один раз...

— Ну и?

— Они засунули меня в мусорный бак и привязали крышку. Я два часа кричал, пока меня не услышали.

— Гм, — пробормотал господин Кореандр, — и теперь, значит, ты больше не отваживаешься?

Бастиан кивнул.

— Итак,— сделал вывод господин Кореандр, — ко всему прочему, ты еще и трус.

Бастиан опустил голову.

— По-видимому, ты отличник, да? Выскочка, любимчик всех учителей, так?

— Нет, — Бастиан еще ниже опустил голову. — Я второгодник.

— Бог ты мой! — воскликнул господин Кореандр. — Итак, неудачник по всем линиям!

Бастиан ничего не ответил. Он стоял, опустив руки, и молчал, с пальто его все так же капало.

— Ну, и как же они дразнят тебя? — спросил господин Кореандр.

— А всяко!

— Ну, например?

— «Пузо-пузо — три арбуза, полтора мешка кишок, пузо село на горшок, затрещал горшок под грузом».

— Не особенно смешно,— сказал господин Кореандр. — А еще как?

Бастиан помедлил, прежде чем выговорить:

— Недотепа, чокнутый, врун, хвастун...

— Чокнутый? Почему?

— Я иногда разговариваю сам с собой.

— Ну и что ты, к примеру, говоришь?

— Я придумываю всякие истории, имена и слова, которых нет, и все такое.

— И все это ты рассказываешь самому себе?

— А больше некому. Это больше никому не интересно.

Господин Кореандр задумчиво помолчал.

— А что говорят твои родители?

— Отец ничего не говорит. Он никогда ничего не говорит. Ему все безразлично.

— А мать что же?

— Мать — ее больше нет.

— Что, твои родители разошлись?

— Нет, — сказал Бастиан. — Она умерла.

В это время зазвонил телефон. Господин Кореандр тяжело поднялся из своего кресла и прошаркал в маленький кабинет за дверью. Он снял там трубку и назвался, потом дверь закрылась, и стало слышно только глухое бормотание.

Бастиан стоял и не мог понять, что заставило его так разоткровенничаться. Обычно он не выносил расспросов.

Вдруг он вспомнил, что надо бежать в школу — он уже опаздывал.

Но что-то удерживало его. Из кабинета доносился приглушенный голос, там шел долгий телефонный разговор. Все это время Бастиан не сводил глаз с книги, которую господин Кореандр оставил в кресле. От нее как будто исходила таинственная, притягательная, магнетическая сила.

Он подошел к креслу, медленно протянул руку, прикоснулся к книге — и в тот же миг в нем будто включилось что-то, он почти расслышал

внутри себя щелчок: «кликк!» — будто захлопнулась западня. У Бастиана возникло смутное ощущение, что с этим прикосновением началось что-то неизбежное и непоправимое. Он взял книгу и повертел ее в руках. Тисненый шелковый переплет цвета меди переливался и поблескивал. Бегло перелистав страницы, Бастиан увидел, что шрифт в книге двух цветов — то зеленый, то красный. Картинок, кажется, не было, зато начальные буквы глав были причудливо разрисованы и шли в алфавитном порядке. Когда он еще раз взглянул на переплет, то заметил на нем тисненый рисунок: две змеи, светлая и темная, заглотив друг у друга хвосты, образовали овал. Внутри этого овала стояло заглавие:

БЕСКОНЕЧНАЯ КНИГА

...Увлечения людей — дело весьма загадочное, хоть у взрослых, хоть у детей. Есть люди, одержимые страстью покорять горные вершины. Никто из них не в состоянии объяснить зачем. Другие лезут из кожи вон, чтобы завоевать сердце какой-нибудь особы, которая ничего не хочет о них слышать. Третьи гибнут, не в силах справиться с желанием съесть что-нибудь вкусное. Некоторые проигрывают все деньги в карты или в рулетку, а иные жертвуют всем ради какой-нибудь неосуществимой идеи. Одни думают, что обретут счастье только на новом месте — и всю жизнь путешествуют. А другие не находят покоя, пока не станут силачами. Короче говоря, сколько людей, столько и причуд.

Страстью Бастиана Балтазара Букса были книги.

Кто никогда не просиживал над книгой день напролет, не помня, обедал ли —

Кто никогда не читал тайком под одеялом при свете фонарика, потому что электричество уже выключили, чтоб вам выспаться —

Кто никогда не лил горьких слез из-за того, что волшебная повесть подошла к концу и приходится расставаться с героями —

Кто ничего этого не знает из собственного опыта, тому никогда не понять того, что сделал Бастиан.

Он глядел на заглавие книги, и его бросало то в жар, то в холод. Вот оно, о чем он всегда мечтал: книга, которая никогда не кончается! Он должен заполучить ее во что бы то ни стало!

Легко сказать! Даже если бы у него были деньги, разве этот неприветливый господин Кореандр не дал понять, что ничего ему не продаст?

И все же Бастиан чувствовал, что не может уйти отсюда без этой книги. Да ради нее он тут и очутился, эта книга загадочным образом притянула его, она сама к нему просилась, она всегда принадлежала только ему!

Бастиан прислушался, господин Кореандр все еще говорил по телефону. Толком ничего не сообразив, Бастиан сунул книгу под пальто и прижал е к себе обеими руками. Пятясь, он пробрался к выходу, не спуская глаз с двери кабинета. Осторожно, чтобы не задеть латунный колокольчик, выскользнул наружу — и только тогда пустился бежать. Тетради, учебники и пенал прыгали в портфеле, в боку кололо, но он не останавливался. Дождь затекал за воротник, но Бастиану было жарко — и не только от бега.

Его совесть, которая в лавке даже и не пискнула, теперь вдруг зашевелилась. Все причины, которые казались ему такими убедительными,

вдруг растаяли, как снеговик в огненном дыхании дракона.

Он — украл! Он стал вором.

То, что он сделал, было даже хуже воровства. Эта книга наверняка существовала в единственном экземпляре и была бесценна. Наверняка она составляла главное сокровище господина Кореандра. Украсть у скрипача его неповторимый инструмент или у короля его корону — это ведь нечто другое, чем деньги из кассы.

Но Бастиан бежал, крепко прижимая книгу к себе. Он не хотел ее лишиться, это было все, что у него осталось в этом мире.

Ведь домой теперь он уже не вернется.

Он представил, как отец сидит в большой комнате, оборудованной под лабораторию, вокруг него множество гипсовых слепков челюстей: он — зубной техник. Бастиан никогда раньше не задумывался, любит ли отец свою работу. А теперь уже не спросишь — некого.

Если бы он сейчас явился домой, отец вышел бы в своем белом халате, может, с гипсовой челюстью в руках, и спросил бы: «Уже вернулся?» — «Да», — ответил бы Бастиан. «Что, отменили занятия?» Он представил себе тихое, печальное лицо отца — нет, он не смог бы ему солгать. Но и правду сказать тоже не смог был. Единственное, что ему оставалось — бежать дальше, куда глаза глядят, отец не должен узнать, что его сын стал вором.

А может, он и не заметит, что Бастиана больше нет. Эта мысль даже утешила его.

Бастиан увидел в конце улицы свою школу. Значит, он машинально бежал привычной дорогой. Улица показалась ему пустынной — так всегда кажется, когда опоздаешь. Бастиан перешел

на шаг, чувствуя, как страх нарастает в нем. Он всегда испытывал страх перед школой — местом его ежедневных поражений. Он боялся учителей, которые вечно стыдили его и ругали, боялся одноклассников, которые дразнили его, издеваясь над его неловкостью и беспомощностью. Школа всегда казалась ему тюрьмой, которую приходится терпеть, пока ты не вырос.

В гулком коридоре пахло промокшими пальто, тишина подстерегала за каждым поворотом. Он очутился перед дверью своего класса, выкрашенной зеленой краской, и понял, что отныне ему и здесь не место.

Вот только куда идти? Бастиан читал в книжках, как мальчики прятались на кораблях и уплывали странствовать по свету. Одни становились пиратами или героями, другие возвращались в родные места уже взрослыми, и никто их не узнавал. Но себя Бастиан не мог представить на их месте. Разве приняли бы его корабельным юнгой? Да и как добраться до портовых городов, где стоят большие корабли?

И вдруг он вспомнил про одно местечко, где его никто сейчас не станет искать.

Чердак был большой и темный. Пахло пылью. Ни звука не доносилось сюда, кроме стука дождя по крыше. Почерневшие стропила пересекались наверху, ряды их терялись в темноте. Тут и там, словно рыбацкая сеть, свисала паутина, едва заметно колеблясь. Сквозь слуховое окно проникал бледный свет. Пробежавшая мышка оставила в пыли крохотные следы, тонкая борозда прочерчена ее хвостиком. Бастиан закрыл за собой скрипучую дверь, вставил ключ изнутри, по-

вернул его и для верности даже заперся на задвижку. Наконец-то он в недосягаемости. Тут его не найдут. Приходят сюда редко, он это знал. И даже если кто-то поднимется сюда как назло именно сегодня, он найдет дверь запертой, а ключа не окажется на месте. И даже если кому-то удастся отпереть дверь, Бастиан успеет спрятаться.

Постепенно его глаза привыкли к темноте. Полгода назад школьный сторож велел Бастиану помочь ему занести сюда большую коробку со старыми формулярами. Тогда-то он и увидел, что ключ от чердака хранится в стенном шкафчике на верхней площадке лестницы. Раньше он и не думал об этом.

Пальто Бастиана промокло насквозь, и он продрог. Для начала следовало подыскать местечко поуютнее. Может, здесь придется пробыть долго. Но об этом он еще не думал, как и о том, что когда-нибудь проголодается и захочет пить.

Он походил кругом, осматриваясь. Повсюду громоздилась рухлядь, штабеля сломанных парт, стойка, на которой висели старые географические карты, доски с облупившейся черной краской, гимнастический конь с клочьями набивки, полки с ненужными бумагами, а чуть подальше — чучела животных, изъеденные молью: большая сова, горный орел и лиса. Тут же были реактивы в сосудах и ретортах для химических опытов, а над ними, как костюм на вешалке, висел человеческий скелет.

Бастиан решил расположиться на гимнастических матах. Он подтащил их под слуховое окно, где было побольше света. Тут же лежали стопкой серые армейские одеяла, правда, пыльные и

рваные. Бастиан снял мокрое пальто и повесил его рядом со скелетом. Потревоженный скелет зашевелился, но Бастиана такие вещи не пугали: он привык к ним дома. Промокшие ботинки он тоже снял. В одних носках он по-турецки уселся на маты и накинул на плечи, как индеец, серое одеяло.

«Там внизу, в классе, — подумал он, — сейчас как раз идет урок родного языка. Может быть, они пишут сочинение на какую-нибудь смертельно скучную тему».

Бастиан взглянул на книгу.

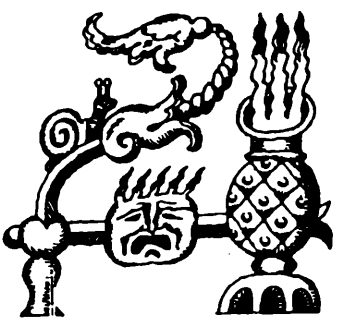
— Хотел бы я знать, — сказал он сам себе, — что, собственно, такое книга? Напечатанные буквы? Но когда раскрываешь ее, вдруг появляются люди, которых прежде не знал, и начинаются приключения, битвы и шторма, или оказываешься в чужих странах и городах, и все это — из-за книги. Конечно, ее для этого нужно прочитать. Однако еще ДО ТОГО что-то уже случается. Но что?

И вдруг его охватило почти праздничное предчувствие. Он выпрямился, бережно открыл первую страницу, и началась

БЕС-
КОНЕЧ-
НАЯ
КНИГА

Глава I

ФАНТАЗИЯ В БЕДЕ



В Ревучем лесу все зверье попряталось в норы, берлоги и гнезда. Была полночь, верхушки могучих деревьев гудели от ветра. Стволы толщиной с башню стонали и скрежетали.

Вдруг промелькнул слабый свет, зигзагами прочерчивая темноту. Вот он задрожал на месте, вот взлетел вверх, осел на ветку, но тотчас же пустился дальше. Это был светящийся шарик величиной с детский мяч, он передвигался прыжками, касался земли и снова подскакивал вверх. Но это был не мячик. Это был блуждающий огонек. И он заблудился. То есть это был заблудившийся блуждающий огонек, а такое даже в Фантазии случается не часто. Обычно как раз наоборот: блуждающие огоньки вводят в заблуждение других.

Внутри светящегося шара можно было различить подвижную фигурку. Это был не мальчик и не девочка, у блуждающих огоньков вообще нет такого различия. В руке у фигурки трепетал

крохотный белый флажок: видимо, это был парламентер или посланник.

Можно было не опасаться, что в темноте он наткнется на дерево или корягу: блуждающие огоньки невероятно проворны, они умеют менять направление прямо посреди прыжка. Отсюда и зигзаги, хотя в целом он двигался в определенном направлении. Пока не достиг подножия скалы. Тут он испуганно отпрянул назад.

Высунув язык, как загнанная собачка, он укрылся в древесном дупле и немножко поразмыслил, прежде чем снова отважился заглянуть за выступ скалы.

Там горел лесной костер, и вокруг этого костра сидели три странника, весьма различные по облику и по величине. Трехметровый великан, весь будто вырубленный из серого камня, лежал, растянувшись на животе и опершись на локти, и задумчиво глядел в костер. На его обветренном лице, несоразмерно маленьком на могучих плечах, сильно выдавалась челюсть, напоминающая ряд стальных зубил. Блуждающий огонек узнал в нем представителя племени скалоедов. Эти существа жили далеко от Ревучего леса В ГОРАХ. При этом они жили С ГОР. Это значит — они питались горами. По счастью, скалоеды неприхотливы и могут недели и даже месяцы обходиться одним кусочком скалы. К тому же их не так много, а горы довольно большие. Но, поскольку они обитают в тех краях давно, горы приобрели с течением времени причудливый вид: они стали походить на громадные ломти сыра в дырках и пещерах. Поэтому их еще называли Сквозными горами.

Но скалоеды не только питаются камнем, они из камня делают все, что им нужно: мебель, шляпы, ботинки, инструменты и даже часы с ку-

кушкой. Так что не было ничего удивительного в том, что позади этого скалоеда стоял своего рода велосипед, целиком сделанный из камня. Два его колеса напоминали мельничные жернова, а весь он был похож на асфальтовый каток с педалями.

Вторым у костра был маленький ночной альб, ростом чуть больше блуждающего огонька. Он походил на черную мохнатую гусеницу. Разговаривая, альб жестикулировал крохотными розовыми ручками, и в том месте, где под лохматой шерстью предполагалось лицо, светились большие глаза, круглые, как две луны.

Ночные альбы самых разных видов есть повсюду в Фантазии, поэтому сразу не определишь, откуда прибыл этот. Похоже, издалека, судя по присутствию обычного для ночных альбов ездового животного: большой летучей мыши, которая висела вниз головой на ветке, сложив крылья, как зонтик.

Третьего блуждающий огонек заметил у костра не сразу. Это существо принадлежало к роду крохотулек и представляло собой малюсенького паренька в пестром костюмчике и с цилиндром на голове.

О крохотульках блуждающий огонек знал только, что свои города они строят на ветвях деревьев, а вместо улиц у них лесенки и канаты. Но живут эти существа в очень далеком краю безграничного государства Фантазии, еще дальше скалоедов. Тем удивительнее, что ездовым животным этого крохотульки была улитка. Она сидела позади него, на ее розовом домике поблескивало серебряное седло, и вожжи, привязанные к ее рожкам, были сделаны из серебряных нитей.

Блуждающий огонек подивился, с чего это собрались вместе столь разные существа, ведь в Фантазии часто случаются войны, кое-где существует многовековая вражда племен, есть фантазийцы и хищные, и злые, и свирепые. Да и сам блуждающий огонек принадлежал к семейству, которое есть в чем упрекнуть, особенно в части правдивости и надежности.

Однако вскоре блуждающий огонек заметил, что у каждого из собравшихся есть при себе либо белый флажок, либо белая повязка через плечо. Значит, и они были парламентерами, вот почему они так мирно держались друг с другом.

Уж не та ли самая причина погнала их в путь? Слов не было слышно из-за ревущего ветра, который бесчинствовал в верхушках деревьев. Но если они признали друг друга как парламентеры, не окажут ли они и блуждающему огоньку подобающий прием? К тому же надо у кого-то спросить дорогу. Скрепя сердце он вышел из своего укрытия, помахал белым флажком и, дрожа, замер в воздухе.

Скалоед, лежавший к нему лицом, первым заметил его.

— Ну и беспокойная сегодня ночь,— сказал он скрипучим голосом.— Вот еще один прибыл.

— Хо-хо, блуждающий огонек! — прожурчал ночной альб, и его луноподобные глаза засияли.

— Очень приятно, очень приятно!

Крохотулька сделал несколько шагов к новоприбывшему и пропищал:

— Если я не ошибаюсь, и вы исполняете миссию посланника?

— Да,— ответил блуждающий огонек.

Крохотулька приподнял свой красный цилиндр, поклонился и прощебетал:

— О, так подходите поближе, милости просим. Мы тоже посланники.

— Большое спасибо,— блуждающий огонек робко переминался. — Я постою. Позвольте представиться: меня зовут Блубб.

— Очень рады, — отвечал крохотулька. — А меня Укюк.

— Мое имя — Вушвузуль, — сидя поклонился ночной альб.

— Рад познакомиться, — проскрипел скалоед. — Я Пюрнрахцарак.

Все трое смотрели на блуждающего огонька, а ведь блуждающим огонькам крайне неприятно, просто нестерпимо, когда на них смотрят.

— Не присядете ли, дорогой Блубб? — пригласил крохотулька.

— Собственно говоря, я очень спешу и хотел только спросить, в какую сторону отсюда надо двигаться к Башне Слоновой Кости?

— Хо-хо! — понял ночной альб. — Тоже к Детской Королеве?

— Совершенно верно. Я должен передать ей очень важную весть.

— Какую же? — скрипнул скалоед.

— Ну... Это совершенно секретное сообщение.

— И мы спешим туда же, куда и ты, хо-хо! — отвечал ему ночной альб Вушвузуль. — Ты среди своих коллег.

— Может, у нас и весть одинаковая, — сказал Укюк.

— Садись и рассказывай, — проскрежетал Пюрнрахцарак.

Блуждающий огонек опустился на свободное место.

— Моя родина, — начал он после короткого раздумья, — находится далеко отсюда — не

знаю, известно ли это кому-нибудь из присутствующих. Она называется Гнилое Болото.

— У-у-у! — восхищенно вздохнул ночной альб. — Чудесный край!

— Да, не правда ли? — слабо улыбнулся блуждающий огонек.

— И это все? — скрипнул Пюрнрахцарак.

— Из-за чего ты в пути, Блубб?

— У нас в Гнилом Болоте, — начал заикаться блуждающий огонек, — что-то произошло... что-то непостижимое... то есть это и сейчас продолжается... это трудно описать, это началось с того, что... в общем, на востоке нашего края есть озеро... точнее, оно БЫЛО, оно называлось Бурливый Бульон. Его однажды не стало, оно просто исчезло, понимаете?

— Дыра? — охнул скалоед.

— Нет, и не дыра, — блуждающий огонек мучился, подбирая определение.

— Дыра — это все же хоть что-то. А тут — ничего.

Трое остальных переглянулись.

— А как же оно выглядит, хо-хо, это Ничего? — спросил ночной альб.

— Вот это как раз и трудно описать, — сбивчиво объяснял несчастный блуждающий огонек. — Оно вообще никак не выглядит. Это... это как... ах, для этого нет подходящих слов!

— Это, — пришел на помощь крохотулька, — как если бы ты был слепой, когда глядишь на это место, так?

Блуждающий огонек уставился на него, раскрыв рот.

— Это самое точное определение! — вскричал он. — Но откуда... я хочу сказать, как... значит, вам это тоже знакомо?

— Минуточку, — остановил Пюрнрахцарак. — Скажи, это остается на одном месте?

— Вначале да, — рассказывал блуждающий огонек. — То есть само это место становится все больше и больше. Старая Унке Умпф, что жила со своим народом возле Бурливого Бульона, однажды просто исчезла, и все. Остальные начали разбегаться. Но потом все это началось и в других местах Гнилого Болота. Иногда это очень маленькое Ничто, не больше яйца. Но потом оно разрастается. Если кто по неосторожности ступит туда ногой, ноги больше нет, или руки, или чем туда попадешь. И это вовсе не больно, просто какой-то части тела нет, и все. А некоторые сами бросались туда, оказавшись близко к этому Ничто. От него исходит неодолимая притягательная сила. Никто не может объяснить, что это такое и как быть. Потому и решено было отправить к Детской Королеве посланника за советом и помощью. Я и есть этот посланник.

Остальные молчали.

— Хо-хо! — наконец вздохнул ночной альб. — Там, откуда пришел я, творится то же самое. И я в пути из-за того же, хо-хо!

— Каждый из нас, — пискнул крохотулька, — прибыл из своего края Фантазии. Мы встретились здесь случайно, но весть для Детской Королевы у всех одна:

— Это означает, — вздохнул скалоед, — что вся Фантазия в опасности.

Насмерть перепуганный блуждающий огонек переводил взгляд с одного на другого.

— Но тогда, — вскричал он, вскочив с места, — нам нельзя терять больше ни минуты!

— Да мы и так уже собирались, — пояснил крохотулька. — Нас держала только темнота в

этом лесу. Но теперь, когда ты с нами, Блубб, ты мог бы нам посветить.

— Э нет, не получится, — воскликнул блуждающий огонек. — Я не могу ждать того, кто едет на улитке! Весьма сожалею!

— Но это же гончая улитка! — обиделся крохотулька.

— И кроме того, хо-хо, — прожурчал ночной альб, — как же иначе мы покажем тебе правильную дорогу?

— Кому вы всё это говорите? — проскрипел скалоед.

И действительно, блуждающий огонек уже давно не слышал посланников, а длинными прыжками мчался сквозь лес.

— Впрочем, — сказал Укюк, вскакивая в седло своей гончей улитки, — в качестве фонаря блуждающий огонек едва ли подошел бы.

— Мне тоже предпочтительнее, — сказал ночной альб, подзывая свою летучую мышь, — чтобы каждый из нас полагался на себя. Полетели!

И — фьють! — только его и видели.

Скалоед потушил огонь, хлопнув несколько раз ладонью по костру.

— Мне тоже лучше одному, — слышалось в темноте, — по крайней мере хоть не боишься невзначай раздавить какую-нибудь мелочь.

И он со скрежетом и треском поехал напролом по чаще на своем могучем велосипеде, время от времени сшибая стволы. Шум удалялся и постепенно стих. Крохотулька Укюк остался один. Он натянул серебряные вожжи и сказал:

— Ну что ж, посмотрим, кто придет первым. Но, старушка, но! — И прищелкнул языком.

Больше ничего не было слышно в Ревучем лесу, кроме бури, что бушевала в верхушках деревьев.

Часы на башне пробили девять, вернув Бастиана к действительности. Как хорошо, что Бесконечная Книга не имеет с этой действительностью ничего общего. Ему не нравились книги, в которых обыкновенные люди занимались будничными делами. Мало ему самой жизни, чтобы еще читать об этом! К тому же в таких книгах всегда замаскированы поучения, а он их терпеть не мог! Бастиан любил приключенческие, веселые книги. Он и сам выдумывал для себя всевозможные истории и тогда забывал про все на свете. И эта книга была именно такой. Читая, Бастиан слышал скрип стволов и даже, казалось, вдыхал запах мха и лесной земли.

Внизу в классе сейчас начался урок природоведения. Обычно он состоит из разговоров про тычинки и пестики. Как хорошо, что Бастиан сейчас здесь, а не там!

Спустя неделю Вушвузуль, ночной альб, первым достиг цели. Точнее сказать, он был уверен, что прибыл первым, ведь он летел по воздуху.

Стоял закатный час и облака вечернего неба плавились золотом, когда его летучая мышь приблизилась к Лабиринту. Так называлась широкая долина от горизонта до горизонта, представляющая собой громадный цветущий сад, полный запахов и красок. Среди кустов, живых изгородей, клумб и лужаек пробегали широкие дорожки и вились узкие тропинки, причудливо петляя, так что изнутри сад казался бесконечным и безвыходным. Но все это было устроено для удовольствия, а вовсе не для того, чтобы кто-нибудь тут по-настоящему заблудился. И уж тем более не для того, чтобы защититься от нападения врагов. Детская Королева не нуждалась в за-

щите. Во всем безграничном королевстве Фантазии не было ни одного существа, от которого ей надо было бы защищаться. Почему — скоро узнаем.

Пролетая на своей летучей мыши над Лабиринтом, ночной альб видел множество редких животных. На поляне среди сирени играли молодые единороги, а однажды ему даже почудилось, что под гигантским голубым колокольчиком мелькнула сказочная птица Феникс, но он не стал возвращаться, чтобы не потерять время. Перед ним уже возникла сверкающая белизной Башня Слоновой Кости — сердце Фантазии, место обитания Детской Королевы.

Издали Башня выглядела как горный пик, закрученный спиралью наподобие улиткина домика. Вершина ее достигала облачной высоты. Только вблизи можно было разглядеть, что весь этот причудливый торт состоит из множества башенок, куполов, крыш, террас, сводов и лестниц, вырезанных из белейшей слоновой кости.

Башню населяли придворные Детской Королевы: служанки и камеристки, звездочеты и ведуньи, маги и шуты, посланники, повара и акробаты, канатоходцы и сказители, герольды, садовники, стражники, портные, сапожники и алхимики. И на самой вершине, в павильоне в виде бутона магнолии, жила Детская Королева. Иногда ночами полнолуния лепестки магнолии раскрывались, и в середине цветка возникала Детская Королева.

Маленький ночной альб приземлился на своей летучей мыши на одну из нижних террас, где располагались стойла для ездовых животных. Его встретили пятеро королевских конюших. Они помогли ему выбраться из седла, поклонились и поднесли приветственный напиток. Вуш-

вузуль пригубил, каждый из конюших тоже сделал по глотку из кубка, потом они снова поклонились и увели летучую мышь в предназначенное для нее место.

В стойлах содержались самые разнообразные ездовые животные: розовые и голубые слоны, гигантская птица грифон, у которой верхняя половина тела орлиная, а нижняя львиная. Еще там был белый крылатый конь, имя которого славилось когда-то и за пределами Фантазии, а теперь забыто; несколько летучих собак и даже стрекозы и бабочки для особенно маленьких наездников. Были и другие ездовые животные, которые не летали, а бегали, ползали, прыгали или плавали. И у каждого вида был свой конюший.

Обычно здесь царил многоголосый шум: рев, лай, писк, кваканье и трепет крыльев. Но сейчас стояла полная тишина. Маленький ночной альб, оставленный конюшими, вдруг почувствовал себя разбитым от усталости, и даже мысль, что он прибыл первым, не радовала его.

— Эй,— вдруг услышал он писклявый голосок, — не ты ли это, приятель Вушвузуль? Как хорошо, что ты, наконец, тоже здесь!

Ночной альб оглянулся, и его луноподобные глаза расширились от удивления: на балюстраде, удобно облокотившись о перила, стоял крохотулька Укюк и помахивал красным цилиндром.

— Хо-хо! — удивился ночной альб, не понимая, как это может быть. — Хо-хо! — больше ему ничего не приходило в голову.

— А двое остальных, — сказал крохотулька, — еще не прибыли. Я здесь со вчерашнего дня.

— Как это, хо-хо, как это так вышло? — спросил ночной альб.

— Я же вам говорил, что моя улитка — гончая.

Ночной альб поскреб розовой ручкой в своем мохнатом затылке.

— Я должен немедленно отправиться к Детской Королеве, — сказал он чуть не плача.

— Гм... — задумался крохотулька. — Да, пожалуй. Я уже вчера записался.

— Записался? — переспросил ночной альб. — Разве к ней нельзя сразу?

— Боюсь, что нет, — пискнул Укюк. — Придется ждать. Тут сейчас, как бы это выразиться, большой наплыв посланников.

— Хо-хо! А что ж такое?

— Будет лучше, если ты увидишь все своими глазами. Идем, дорогой Вушвузуль, идем!

Главная улица вилась вокруг Башни Слоновой Кости спиралью, все более сужающейся кверху, и была полна самых разнообразных существ. Великаны, джины в тюрбанах, крохотные кобольды, трехглавые тролли, бородатые гномы, лучезарные феи, козлоногие фавны, лохматые ведьмы, сверкающие снежные духи и другие бесчисленные фантазийцы двигались по улице вверх и вниз, стояли группами и беседовали или молча сидели на обочине, скорбно глядя перед собой.

— Хо-хо! — остановился Вушвузуль. — Что все они здесь делают?

— То же, что и мы, — тихо пояснил Укюк. — Это посланники из разных краев Фантазии. У всех одна и та же весть. Я уже со многими говорил. Похоже, всюду происходит одно и то же.

— А знает кто-нибудь, что это такое?

— Боюсь, что нет. Никто не может этого объяснить.

— И даже Детская Королева?

— Детская Королева больна, — тихо сказал крохотулька. — Очень, очень больна. Может

быть, это и есть причина несчастья, постигшего Фантазию. Наверху, во дворце, собралось великое множество врачей, но никто из них не знает, отчего она заболела и как ее лечить.

— Это, — мрачно сказал ночной альб, — это, хо-хо, катастрофа!

— Да, — согласился крохотулька, — видимо, так.

Два дня спустя прибыл блуждающий огонек, который, конечно, заблудился и сделал громадный крюк.

И, наконец, спустя еще три дня появился скалоед Пюрнрахцарак. Он притопал пешком, потому что в пути внезапно проголодался и вынужден был съесть свой велосипед.

За время долгого ожидания все они, столь не похожие друг на друга, сдружились между собой. Дружба их продолжалась и впредь. Но это уже другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

Глава II

ДЕТСКАЯ КОРОЛЕВА ПРИЗЫВАЕТ АТРЕЯ

Большой консилиум собрался в тронном зале несколькими этажами ниже Магнолиевого павильона. Четыреста девяносто девять лучших врачей со всех краев Фантазии, собравшись маленькими и большими группами, шепотом или вполголоса говорили между собой. Каждый из них уже нанес визит Детской Королеве, и каждый попытался помочь ей своими средствами. Но никому это не удалось. Сейчас у пациентки был пятисотый, самый знаменитый врач Фантазии, легенды о котором гласили, что нет такой целебной травы, такого волшебного средства или такой природной тайны, которая была бы неведома ему. Все ждали результата главного обследования.

Конечно, такой консилиум не похож на обычное совещание врачей в человеческом мире. Существа, населяющие Фантазию, многообразны, и таков же был собравшийся консилиум. Седобородые гномы, феи в переливчатых одея-

ниях со сверкающими в волосах звездами, горбатые колдуны и водяные с водорослями на руках и ногах (для них даже устроили здесь специальные ванны), белые змеи, свернувшиеся клубочком на столе среди зала, пчелиные эльфы и даже ведьмы, вампиры и привидения, которые в обычном смысле мало пригодны для исцелений и благотворных воздействий.

Детская Королева хоть и была — как указано в ее титуле — правительницей всех бесчисленных краев безграничного королевства, однако в действительности она представляла собой нечто гораздо большее, а лучше сказать — нечто совершенно другое.

Она вообще не нуждалась в применении власти и могущества, она ничего не приказывала и никого не казнила, и никогда у нее не было нужды опасаться нападения, потому что никому бы в голову не пришло выступить против нее. Она царствовала особенным образом: она была средоточием всей жизни в Фантазии. И любое существо, злое ли, доброе ли, прекрасное или безобразное, веселое или грустное, глупое или мудрое — все, все жили лишь постольку, поскольку существовала она. Без нее ничто здесь не выжило бы, как не выживет человек без сердца.

Никто не мог толком уразуметь этой тайны, но все знали, что так уж оно есть. И все существа Фантазии почитали ее, и все заботились о ее благополучии. Ибо ее смерть означала бы одновременно гибель всего безграничного королевства.

Бастиан оторвался от книги. Он вдруг вспомнил длинный коридор больницы, где оперировали маму. Он просидел в этом коридоре с отцом мно-

го часов в ожидании результата. Врачи и сестры сновали туда и сюда. Если отец кого-нибудь спрашивал, как идет операция, ему отвечали уклончиво. Потом вышел человек в белом халате, усталый и изможденный, и сказал, что все усилия оказались тщетными и что он очень сожалеет. Он пожал им обоим руки и пробормотал соболезнования.

После этого жизнь Бастиана изменилась. У него было все, в чем он нуждался: и велосипед с тремя скоростями, и электрическая железная дорога, и витамины, и пятьдесят три книжки, хомячок, аквариум с подогревом воды, маленький фотоаппарат, шесть перочинных ножей и еще много чего. Но ему, в сущности, нужно было совсем не это.

Когда-то отец часто шутил с ним, рассказывал разные истории или читал. Теперь он словно вмерз в глыбу льда, и никто не мог к нему пробиться. Даже если Бастиан сидел рядом, отец молчал и глядел отрешенно, и Бастиан не знал, видит ли его отец вообще. И перед телевизором, Бастиан замечал, мысли отца уходили далеко. А за книгой он часами не перелистывал страницу.

Конечно, Бастиан понимал, что отец тоскует. Он и сам вначале плакал по ночам, но постепенно это прошло. Почему же отец никогда не поговорит с ним — ни про маму, ни про другие важные вещи?

— Знать бы, — сказал худой огненный дух с бородой из красного пламени, — в чем, собственно, состоит ее болезнь. У нее нет температуры, она не потеет, нет ни сердцебиения, ни воспаления. Она как будто угасает, и всё — неизвестно почему.

Когда он говорил, изо рта вырывались клубы

дыма и образовывали фигуры. В конце получился вопросительный знак.

Старый растрепанный ворон, больше похожий на картофелину, в которую как попало натыкали перьев, отвечал хриплым голосом (он был специалист по простудным заболеваниям):

— Она не кашляет, у нее нет насморка, у нее вообще нет никакой болезни в научном смысле, — он поправил очки на своем клюве и вопросительно оглядел всех присутствующих.

— Одно кажется мне очевидным, — сказал жук скарабей. — Между ее болезнью и теми ужасами, о которых рассказывают посланники из разных краев Фантазии, есть какая-то таинственная связь.

— Да бросьте вы, — насмешливо обронил чернильный человечек, — так можно повсюду усмотреть таинственную связь всего со всем.

— Вы не видите дальше края своей чернильницы! — рассердился скарабей.

— Многоуважаемые коллеги, — вмешался призрак с провалившимися щеками. — Давайте не будем ссориться по пустякам. И говорите тише!

Похожие беседы происходили всюду в тронном зале. Может показаться странным, что такие разные создания находили общий язык, но в Фантазии все существа владели по меньшей мере двумя языками: родным и всеобщим, который у них назывался Большим языком.

Вдруг в зале воцарилась тишина, и все взгляды обратились к распахнувшейся двери. Оттуда вышел Сайрон, тот знаменитый, овеянный легендами мастер врачебного искусства.

Он был тем, кого в старые времена называли кентаврами. Конь с человеческим торсом и головой. Сайрон жил в южном краю, и человече-

ская половина его была чернокожая, только волосы и борода седые и курчавые. На шее его висел золотой амулет, на котором изображались две змеи, светлая и темная, заглотившие хвосты друг друга, образовав овал.

Бастиан, пораженный, перестал читать. Он захлопнул книгу, заложив страницу пальцем, и еще раз взглянул на переплет. Те же две змеи! Что бы мог обозначать этот странный знак?

Любой в Фантазии знал, что это за медальон: его мог носить тот, кто действовал именем Королевы и по ее поручению — как если бы это была она сама. Носитель этого знака получал таинственную силу, хотя никто не знал точно, какую именно. Название медальона знал каждый: АУРИН.

Итак, книга тоже носила знак Детской Королевы!

Шепот разнесся по залу, были слышны даже возгласы удивления.

Давно уже никто не видел АУРИНА. Сайрон топнул копытом, призывая к тишине, и потом произнес низким голосом:

— Друзья, не удивляйтесь, я надел АУРИН лишь ненадолго. Скоро я передам его достойнейшему.

Полная тишина воцарилась в зале.

— Я не хочу смягчать степень нашего профессионального поражения. Мы оказались бес-

сильны против болезни Детской Королевы. Мы не знаем, болезнь ли это вообще. Мы знаем только, что уничтожение Фантазии и эта болезнь начались одновременно. Мы, собравшиеся здесь, возможно, обладаем не всеми познаниями и не всей мудростью — надеюсь, никто не обидится на мои слова. Может быть, где-нибудь в безграничном нашем королевстве отыщется существо мудрее нас, и мы получим от него совет и помощь. Одно ясно: поиск средства спасения требует следопыта, который не убоится никакой опасности и никаких испытаний. Одним словом, нужен герой. И Детская Королева назвала мне имя этого героя, которому она вверяет и наши судьбы, и всех нас. Его зовут Атрей, он живет в краю Травяного моря за Серебряными горами. Ему я передам АУРИН и пошлю его на Великий Поиск. Теперь вы знаете все, — с этими словами кентавр покинул зал.

Оставшиеся в замешательстве переглядывались.

— Как, он сказал, имя героя? — спрашивали друг друга.

— Атрей или что-то в этом роде.

— Никогда не слыхал!

И все четыреста девяносто девять врачей озабоченно покачали головами.

Башенные часы пробили десять. Бастиан удивлялся, как быстро летит время. На уроках каждый час тянется, как маленькая вечность. Сейчас в классе господин Дорн ведет урок истории. Этот худой мрачный человек с особенным удовольствием высмеивал Бастиана, потому что тот никак не мог запомнить даты великих битв, рождений и годы правления монархов.

Травяное море было удалено от Башни Слоновой Кости на много, много дней пути. Росшие там сочные травы достигали высоты человеческого роста, и когда дул ветер, он гнал по равнине волны, словно в океане, а трава шумела, как вода.

Здесь жили зеленокожие — племя охотников, которые все необходимое для жизни добывали от пурпурных буйволов. Охотники жили неприхотливо и строго, их дети воспитывались отважными и гордыми — и мальчики, и девочки. Они должны были стойко переносить жару, холод и лишения.

Пурпурные буйволы были примерно вдвое больше быков — с блестящей пурпурно-красной шерстью и острыми, как кинжалы, рогами. Обычно они вели себя мирно, но при нападении стояли насмерть. Только зеленокожие отваживались охотиться на этих животных. Они вели битву верхом на лошади и не признавали другого оружия, кроме лука и стрел. Такая охота превращалась в опасный поединок. Гордые зеленокожие охотники могли позволить себе убивать этих великолепных животных лишь потому, что сами были готовы погибнуть в любой момент.

До этих мест не дошли вести о болезни Детской Королевы и о беде, что угрожала Фантазии. Давно уже странники не посещали стойбище зеленокожих. Трава росла сочная, дни стояли светлые, а ночи полные звезд, и всё, казалось, шло хорошо.

Но в один прекрасный день в стойбище появился седой чернокожий кентавр с изможденным лицом. Пот лил с него ручьями, на шее висел золотой амулет. Это был Сайрон.

Он вышел на площадь посреди стойбища. Обычно здесь проходили празднества и собра-

ния, но сейчас вокруг пришельца с любопытством столпились лишь старухи да дети.

— Где охотники и охотницы? — спросил кентавр, вытирая со лба пот.

— Они все на охоте. Вернутся дня через четыре, — ответила старуха с младенцем на руках.

— Атрей тоже с ними?

— Да, пришелец, но откуда ты его знаешь?

— Я не знаю его. Приведите его сюда!

— Пришелец, — отвечал старик с клюкой, — вряд ли он захочет прийти, ведь сегодня ЕГО охота — знаешь ли ты, что это значит?

Сайрон тряхнул головой и топнул копытом.

— Я не знаю, и это не имеет значения, потому что его ждет нечто гораздо более важное. Вам известен знак, который я ношу? Меня зовут Сайрон, если вам это о чем-нибудь говорит. Итак, приведите его сюда!

Одна сгорбленная старуха протиснулась вперед и воскликнула:

— Да, я узнаю его! Я видела его однажды, когда была еще ребенком. Это самый знаменитый, самый великий врач во всей Фантазии!

— Спасибо, женщина! — поклонился кентавр. — А теперь, наконец, не будет ли кто-нибудь любезен привести сюда Атрея? Надо спешить. На карту поставлена жизнь Детской Королевы.

— Я сделаю это! — воскликнула одна маленькая девочка, с виду лет пяти или шести. Она убежала и несколько секунд спустя уже скакала верхом на неоседланной лошади прочь от стойбища.

— Ну наконец-то! — проворчал Сайрон. И рухнул без памяти от усталости.

Когда он пришел в себя, вокруг было темно. Постепенно Сайрон понял, что находится внут-

ри шатра на мягкой лежанке. Была ночь, сквозь щель у входа пробивался мерцающий свет костра.

— Святое копыто! — пробормотал он, пытаясь подняться. — Сколько же я здесь провалялся?

Чья-то голова просунулась в шатер и снова исчезла, кто-то произнес: «Кажется, он проснулся».

Потом полог откинулся, и внутрь вошел мальчик лет десяти. На нем были штаны и сапоги из буйволиной кожи. До пояса он был голый, только на плечи наброшен пурпурно-красный плащ, сотканный из шерсти буйвола. Длинные черные волосы собраны на затылке хвостом и перехвачены шнурком из кожи. На оливковом лице, на лбу и на щеках белой краской нарисован простенький орнамент. Темные глаза гневно посверкивали, но ни один мускул на лице не выдал его чувств.

— Что тебе нужно от меня, пришелец? — спросил он. — Для чего ты лишил меня моей охоты? Если бы я убил сегодня буйвола — а тетива моего лука уже натянулась, когда меня окликнули, — то завтра я стал бы охотником. Теперь мне придется ждать целый год!

Старый кентавр смотрел на него, ничего не понимая.

— Не означает ли все это, — спросил он наконец, — что ты и есть Атрей?

— Да, пришелец.

— Может, есть еще кто-нибудь, взрослый мужчина, опытный охотник с таким же именем?

— Нет, Атрей — это я и никто другой.

Старый Сайрон снова опустился на лежанку и сказал сам себе:

— Ребенок. Маленький мальчик... Поистине,

иногда решения Детской Королевы необъяснимы.

Атрей молча ждал.

— Извини меня, Атрей, — сказал Сайрон, с трудом овладев собой. — Я не хотел обижать тебя, однако все это меня ошеломило. Сказать по правде, я просто в бешенстве! Я не знаю, что и подумать! Понимала ли Детская Королева, что она делает, выбирая такого ребенка, как ты? Это безумие! И если она сделала это, отдавая себе полный отчет, то я не знаю... — Он только тряс головой, не находя слов. — Нет, нет! Если бы я знал, к кому меня послали, я бы отказался выполнить это поручение.

— Какое поручение? — спросил Атрей.

— Это чудовищно! — кипел Сайрон, опять поддавшись негодованию. — Ее задание — это даже для взрослого опытного героя дело почти невероятное, а уж для тебя... Она посылает тебя на поиск неизвестно чего неизвестно куда. Никто не может тебе подсказать, помочь, никто не может предвидеть, с чем ты столкнешься. И ты должен сейчас же решить, берешься ты выполнить это задание или нет. Нельзя терять ни минуты. Я скакал сюда без передышки десять дней и десять ночей. Но теперь — теперь я почти жалею, что добрался. Я очень стар, и силы мои на исходе. Дай мне, пожалуйста, воды!

Атрей принес кувшин воды. Кентавр пил длинными глотками, потом вытер бороду и продолжал уже спокойнее:

— О, спасибо, теперь мне лучше. Послушайка, Атрей, ты ведь можешь и не соглашаться. Детская Королева оставляет решение за тобой. Она не приказывает тебе. Я ей все объясню, и она найдет кого-нибудь другого. Наверное, Ко-

ролева не знала, что ты маленький мальчик. Она что-то перепутала, это единственное объяснение.

— В чем состоит задание? — строго спросил Атрей.

— Найти средство исцелить Детскую Королеву, — отвечал старый кентавр, — и спасти Фантазию.

— Она что, больна? — удивился Атрей.

Сайрон стал рассказывать, что происходит с Детской Королевой и о чем поведали посланники со всех краев королевства. Атрей задавал все новые вопросы, кентавр отвечал, и чем больше Атрей узнавал о постигшем Фантазию несчастье, тем отчетливее на его лице выражалась растерянность.

— И обо всем этом, — прошептал он побелевшими губами, — я даже не знал!

Сайрон взглянул на мальчика из-под своих седых бровей серьезно и задумчиво.

— Теперь ты знаешь. И может быть, теперь ты поймешь, почему я так огорчился, когда увидел тебя. И все же Детская Королева назвала твое имя. «Пойди и разыщи Атрея! — сказала она мне. — Я всецело полагаюсь на него. Спроси его, не отправится ли он ради меня и ради Фантазии в этот Великий Поиск». Так она сказала. Я не знаю, почему ее выбор пал на тебя. Может быть, только дети могут выполнить невыполнимое задание. Я ничего не могу тебе подсказать.

Атрей сидел, опустив голову. Он понимал, что ему предстоит испытание гораздо более суровое, чем охота. Даже взрослому, опытному охотнику это вряд ли было по силам.

— Ну, — тихо осведомился кентавр, — согласен?

— Согласен, — твердо ответил он.

Сайрон медленно кивнул, потом снял с себя цепь с золотым амулетом и надел на шею Атрея.

— АУРИН даст тебе великую власть, — произнес он торжественно, — но ты не должен пользоваться ею. Ибо сама Детская Королева никогда не использует эту власть. АУРИН будет вести и оберегать тебя, но отныне ты не должен ни на кого нападать и ни во что вмешиваться, что бы ни увидел. Твое собственное мнение не должно приниматься в расчет. И потому ты должен отправиться безоружным. Что бы ни совершилось, ты ничему не должен препятствовать — доброму и злому, прекрасному и безобразному, глупому и мудрому. Все должно быть для тебя равным, как равно оно для Детской Королевы. Ты можешь лишь спрашивать и искать, но ни о чем не должен судить. Помни об этом, Атрей!

— АУРИН... — повторил Атрей с трепетом. — Когда мне отправляться?

— Сейчас же. Никто не знает, как долго продлится твой Великий Поиск. Возможно, уже сейчас на счету каждая минута. Попрощайся с родными!

— У меня никого нет, — ответил Атрей. — Мои родители погибли на охоте вскоре после моего рождения.

— Кто воспитал тебя?

— Все племя сообща. Поэтому меня и зовут Атрей, что значит «сын всех».

Кто мог понять это лучше Бастиана! Хоть его отец и жив пока, а у Атрея нет ни отца, ни матери. Правда, Атрей был «сыном всех», а у Бастиана, в сущности, нет никого. Да, он «сын никого». Но Бастиана утешило и то немногое сходство, что нашлось у него с Атреем. В остальном

же — в мужестве и решительности — ему было до Атрея далеко.

— Тогда, — сказал старый кентавр, — будет лучше, если ты отправишься, не прощаясь ни с кем. Я останусь и все объясню.

— Откуда мне начинать? — сурово спросил Атрей.

— Отовсюду и ниоткуда, — отвечал Сайрон. — Отныне ты один, и никто не может тебе подсказать. И так будет до конца Великого Поиска — если он вообще когда-нибудь кончится.

— Прощай, Сайрон!

— Прощай, Атрей! И — удачи тебе.

Мальчик повернулся, чтобы уйти, но кентавр вновь окликнул его. И когда они встали друг против друга, старик положил руки ему на плечи, заглянул в глаза и медленно произнес:

— Кажется, я начинаю понимать, почему выбор Детской Королевы пал именно на тебя, Атрей.

Мальчик слегка наклонил голову в ответ и после этого ушел насовсем.

У шатра стоял его конь Артакс. Он был небольшой, как дикая лошадка, ноги коротковаты и кривоваты, но во всей округе не было быстрее и выносливее его.

— Артакс, отправляемся, — Атрей потрепал коня по шее. — Нам придется ехать далеко, и неизвестно, вернемся ли мы.

— Да, хозяин, — кивнула лошадка. — А как же охота?

— Мы отправляемся на охоту поважнее.

— Ты забыл свое оружие.

— Теперь я должен быть безоружным, Артакс. Ведь на мне АУРИН.

— Хо! — воскликнула лошадка. — Ну, и куда же мы?

— Куда хочешь, Артакс. С этого мгновения мы в Великом Поиске.

И они поскакали прочь, и темнота сомкнулась за ними.

В это время в другом месте Фантазии произошло событие, не видимое никому. Ни Атрей, ни Сайрон, ни Артакс даже не догадывались о нем. На далеком ночном пустыре вдруг стала сгущаться тьма и образовалось темное уплотнение. Тень росла, пока не превратилась в фигуру из сплошной черноты на четырех лапах. Глаза на мощной голове засветились зеленым огнем. Вот огромный зверь поднял морду и принюхался. Постоял так некоторое время. Потом вдруг учуял желанный запах, и глубокое, победное рычание исторглось из его глотки.

Вот он срывается с места и бежит. Широкими беззвучными прыжками это создание мрака мчится по следу сквозь темную ночь.

Башенные часы пробили одиннадцать. Сейчас начнется большая перемена. Из коридора донеслись шум и крики, а потом весь этот гомон вырвался на школьный двор.

У Бастиана затекли ноги, он поднялся, достал из портфеля свой бутерброд и яблоко и немножко побегал по чердаку туда-сюда, чтобы размяться. Затем уселся верхом на гимнастического коня. Бастиан воображал себя Атреем, скачущим сквозь ночь верхом на Артаксе. Он обнял свою лошадку за шею.

— Но! — погонял он. — Но, Артакс, но!

Потом он испугался своей неосторожности. Разве можно ему так громко кричать! А ну как

услышат! Он подождал, прислушиваясь. Но лишь многоголосый крик со школьного двора доносился до чердака.

Пристыженный, Бастиан спустился с коня. Конечно же он вел себя как ребенок!

Бастиан развернул бутерброд, вытер яблоко о штаны, но не надкусил.

— Нет, — сказал он сам себе. — Еду надо экономить. Кто знает, как долго мне придется этим обходиться.

Скрепя сердце он снова завернул бутерброд вместе с яблоком и сунул в портфель. Потом, вздохнув, опустился на гимнастический мат и снова взял книгу.

Глава III

ДРЕВНЯЯ МОРЛА

ночи утих стук копыт Артакса, и Сайрон, старый чернокожий кентавр, снова опустился на лежанку. Силы его иссякли. Женщины из стойбища опасались за его жизнь. Когда возвратились охотники, ему не стало лучше, но он все же смог объяснить им, почему нет Атрея и что он не скоро вернется. Мальчика все любили, поэтому лица охотников посуровели и наполнились тревогой. Но вместе с тем они были горды, что Детская Королева поручила Великий Поиск именно ему — хоть и они не вполне понимали, отчего так вышло.

Старый Сайрон уже не вернулся в Башню Слоновой Кости. Но он не умер и не остался у зеленокожих в Травяном море. Его судьба направилась по иному, в высшей степени непредвиденному пути. Однако это уже другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

А Атрей в ту же ночь достиг подножия Серебряных гор. Светало, когда он сделал первый привал. Пока его конь пасся и пил из горного

ручья, Атрей немного поспал, завернувшись в свой красный плащ. Но едва взошло солнце, они снова были в пути.

В Серебряных горах им была знакома каждая тропинка, и они быстро продвигались вперед. Проголодавшись, мальчик съедал кусочек вяленого буйволиного мяса и две лепешки из травяных семян — из охотничьего запаса.

— Итак, — сказал Бастиан, — все же человеку надо время от времени подкрепляться.

Он достал свой бутерброд из портфеля, развернул, аккуратно разломил пополам, одну половинку снова убрал, а другую съел.

Перемена кончилась, сейчас будет география, которую ведет фрау Карге — она заставляет зубрить названия рек и городов, заучивать число жителей, полезные ископаемые и отрасли промышленности...

На закате Серебряные горы остались позади, и путешественники сделали привал. В эту ночь Атрею приснились пурпурные буйволы. Они паслись вдали в Травяном море, и он скакал к ним, тщетно пытаясь приблизиться. Они все время оставались от него на одном и том же расстоянии, как ни гнал он своего коня...

На другой день они скакали по земле Поющих деревьев. У каждого дерева здесь был свой силуэт, свои особенные листья и кора, а во время роста они издавали нежные звуки. Музыка доносилась со всех сторон, сливаясь в мощную симфонию, и ничто в Фантазии не могло по красоте сравниться с этой музыкой. Путешественник мог остановиться, завороженный, да так и остаться тут, забыв про все на свете. Атрей чув-

ствовал колдовскую мощь этой музыки, но не позволил ей зачаровать себя.

На следующую ночь он опять видел буйволов во сне. На сей раз они большим стадом проходили мимо, за пределами досягаемости его стрелы, а когда он хотел подойти ближе, то обнаружил, что ноги не двигаются с места. От усилий он проснулся, солнце уже всходило, и он тут же вскочил на коня.

На третий день путники увидели стеклянные башни Эрибо. При помощи этих башен местные жители улавливали и собирали свет звезд. Они делали из этого света причудливые вещицы, назначения которых никто в Фантазии, кроме этих жителей, не знал. Жители и сами были прозрачны, точно стекло. Они накормили и приветили Атрея, но средства против болезни Детской Королевы никто из них не знал.

В ночь, которая последовала за этим, Атрей снова видел во сне стада пурпурных буйволов. Вот один из них, особенно мощный и крупный, вдруг отделился от стада и направился к нему, не выказывая ни ярости, ни опаски. Как все настоящие охотники, Атрей сразу стал высматривать у зверя место, куда вернее всего можно было его поразить. Буйвол и сам повернулся так, будто подставлял ему все самое уязвимое.

Атрей вложил стрелу и натянул тетиву, но выстрелить не смог. Его пальцы словно приросли к луку.

То же или нечто похожее снилось ему и в последующие ночи. Раз от разу он все ближе подходил к пурпурному буйволу — это был тот самый, которого он не успел убить на охоте, когда его окликнули. Он узнал этого буйвола по белому пятну на лбу.

Днем он скакал все дальше, сам не зная куда,

и никто из встречных не помог ему советом. Однажды он видел издали пламенные улицы города Броуша, там жили существа из огня, но в этот город лучше было не сворачивать. Он проскакал горной страной Сафраниев, которые рождались старыми, а умирали, становясь грудными младенцами. Он был в храме Муамат, где колонна из лунного камня парила в воздухе, ни на что не опираясь. Но и от монахов Муамата Атрей уехал ни с чем.

На седьмой день пути и в последовавшую затем ночь он пережил два очень сильных потрясения.

Все, что рассказал ему Сайрон об ужасных провалах, возникающих повсюду в Фантазии, конечно, поразило Атрея, но до сих пор все это было для него лишь страшным сном. И вот наконец он увидел это воочию. Атрей скакал темным лесом, меж больших кряжистых деревьев.

Это был тот самый Ревучий лес, где незадолго перед тем встретились четверо посланников. Тут водились древесные тролли — великаны, похожие на кряжистые стволы. В неподвижном состоянии их невозможно отличить от дерева. Тролли эти были очень сильные, но не опасные. Самое большее, что они могли учинить — это невзначай напугать заблудившегося путника.

Атрей выехал на полянку и вдруг услышал позади себя треск и топот могучих шагов.

К нему направлялись трое древесных троллей, при виде которых у него мурашки пробежали по спине. У одного не было ног, так что ему приходилось передвигаться на руках. У второго была громадная сквозная дыра в груди. Третий скакал на одной правой ноге, а левой половины тела у него не было вовсе — как отсекло. Увидев

на груди Атрея амулет, они переглянулись и подошли ближе.

— Не пугайся, — сказал тот, что шел на руках, — голос его напоминал скрип деревьев. — Вид наш не радует, что и говорить, но кроме нас в этом лесу нет никого, кто бы предостерег тебя.

— Предостерег? — переспросил Атрей. — От чего?

— Мы слышали о тебе, — проохал тот, что был с дырявой грудью. — И нам рассказывали, зачем ты пустился в путь. Но в эту сторону тебе не надо ехать — пропадешь.

— С тобой произойдет то же, что с нами, — вздохнул располовиненный.

— Что же с вами случилось? — спросил Атрей.

— Провалы разрастаются все больше, — простонал первый. — Если вообще можно про Ничто сказать, что оно становится больше. Все уже сбежали из Ревучего леса, а мы не захотели покинуть родные места. И ночью с нами сделалось то, что ты теперь видишь.

— Это больно? — с состраданием спросил Атрей.

— Нет, — отвечал дырявый тролль, — этого не чувствуешь. Просто не хватает чего-то, и все. И с каждым днем не хватает все больше. Скоро от нас совсем ничего не останется.

— Покажите мне, где все это началось, — попросил Атрей.

— Хочешь взглянуть? — Третий тролль, у которого уцелела только верхняя половинка, вопросительно взглянул на своих товарищей. Когда те согласно кивнули, он продолжал: — Мы проводим тебя туда. Но обещай не подходить близко, иначе тебя затянет.

— Хорошо, — согласился Атрей. — Я обещаю.

Тролли свернули в лесную чащу, Атрей взял Артакса за поводья и пошел за ними. Они остановились возле могучего дерева в пять обхватов толщиной.

— Взбирайся высоко, как только сможешь, — сказал безногий тролль, — и гляди в сторону восходящего солнца. Там увидишь, а вернее, НЕ УВИДИШЬ.

Атрей подтянулся, ухватившись за выступы ствола, добрался до нижних ветвей. Вскарабкался по следующим, поднимаясь все выше и выше, пока не потерял из виду землю. Ствол сделался тоньше, ветви гуще — путь к вершине стал легче. И когда он наконец очутился на верхушке и повернулся в сторону востока, то он увидел...

Кроны ближайших деревьев были еще зеленые, но листва дальних деревьев потеряла цвет, посерела. Еще дальше она становилась прозрачной, туманной и теряла реальность. А потом не было ничего, абсолютно ничего. Ни голого места, ни темноты, ни света, а было нечто невыносимое глазу — будто бы ты ослеп. Потому что никакое зрение не может вынести вида полного Ничто. Атрей закрыл лицо руками и чуть не сорвался с ветки, но удержавшись, стал быстро спускаться. Теперь он понял, какой ужас постиг Фантазию.

Троллей внизу уже не было, Атрей вскочил на коня и погнал его в другую сторону от этого безудержно растущего Ничто. И лишь когда совсем стемнело и Ревучий лес остался позади, он сделал привал.

И в эту ночь его ожидало второе важное событие, изменившее ход Великого Поиска. Ему приснился — гораздо отчетливее, чем прежде, —

тот пурпурный буйвол, которого он не убил. На сей раз буйвол стоял совсем рядом, возвышаясь громадой над безоружным крошечным Атреем, а потом вдруг заговорил:

— Если бы ты убил меня, ты стал бы охотником. Но ты отказался от этой доли, и теперь я могу помочь тебе, Атрей. Слушай же! Есть в Фантазии существо древнее всех остальных. Далеко-далеко на севере есть болото Уныния. Посреди него возвышается Роговая гора. Там живет древняя Морла. Разыщи ее!

Тут Атрей проснулся.

Башенные часы пробили двенадцать. Одноклассники Бастиана сейчас отправятся на последний урок — в спортзал. Может быть, они будут сегодня играть в мяч, с которым Бастиан особенно неловко управлялся, и потому ни одна из команд не хотела принимать его. Иногда они играли маленьким, твердым, как камень, мячом, от которого, если попадут в тебя, ужасно больно. И Бастиану обычно попадало, уж очень удобной он был мишенью.

А может, они будут сегодня лазать по канату — упражнение, которое Бастиан просто ненавидел. Когда все остальные были уже наверху, он к всеобщему удовольствию болтался на нижнем конце каната, как мешок с мукой, и не мог взобраться выше, чем на полметра от земли. И учитель физкультуры, господин Менге, не скупился на насмешки.

Много бы дал Бастиан, чтобы быть таким, как Атрей. Вот бы он тогда показал им всем.

Бастиан тяжело вздохнул.

Атрей держал путь на север, все дальше на север. Он давал себе и коню лишь самую малую

передышку для сна и еды. Он скакал день и ночь, в жару и в дождь, в грозу и в бурю. Больше он ничего не видел и никого ни о чем не расспрашивал.

Чем дальше на север, тем темнее. Свинцовые сумерки без просвета окутывали землю. Ночами на небе переливалось Полярное сияние. И однажды в призрачном свете утра он увидел наконец болото Уныния. Клочья тумана тянулись над ним, тут и там торчали кривые коряги, стволы их книзу разделялись натрое, начетверо и больше и были похожи на крабов, поднявшихся из черной воды. С коричневых веток свисали воздушные корни, похожие на щупальца. Почти невозможно было определить, где твердая почва, а где лишь зыбкий покров плавучего мха.

Артакс фыркнул от ужаса.

— Что, хозяин, мы должны туда идти?

— Да, — отвечал Атрей, — мы должны отыскать где-то посреди болота Роговую гору.

Конь то и дело пробовал копытом почву под ногами, и продвигались они очень медленно. Наконец Атрей спешился и повел Артакса за поводья. Несколько раз лошадка проваливалась в трясину, однако ей удавалось выбраться. Но чем дальше они углублялись, тем тяжелее становились движения Артакса. Он опустил голову и насилу тащился вперед.

— Артакс, — сказал Атрей. — Что с тобой?

— Я не знаю, хозяин, — отвечал верный конь. — Мне кажется, надо вернуться назад. Все это бессмысленно. Мы подчинились твоему сновидению, но толку не будет. А может, мы уже опоздали, Детская Королева давно умерла, и все тщетно. Давай вернемся, хозяин!

— Раньше ты никогда не падал духом, Ар-

такс! — удивился Атрей. — Что случилось, уж не заболел ли ты?

— Может быть, — отвечал Артакс. — С каждым шагом уныние разрастается в моем сердце. У меня нет больше надежды и веры, хозяин. Я чувствую в сердце такую тяжесть! Боюсь, я не смогу идти дальше.

— Не надо, Артакс! — воскликнул Атрей. — Идем!

Он потянул поводья, но Артакс не двигался с места. Он погрузился в болото уже по брюхо и даже не старался выбраться.

— Артакс! — кричал Атрей. — Идем, не то утонешь!

— Оставь меня, хозяин! — отвечал конь. — Я не могу. Иди дальше один. Я не могу вынести эту тоску. Я хочу умереть.

Атрей отчаянно тянул за поводья, но лошадка погружалась все глубже. Он ничего не мог поделать. Наконец на поверхности осталась лишь голова лошади, и Атрей обнял ее.

— Я держу тебя, Артакс, — шептал он, — я не отпущу тебя, я не дам тебе погибнуть.

Лошадка в последний раз тихонько заржала.

— Со мной все кончено. Мы оба не знали, что ждет нас здесь. Теперь понятно, почему это место называется болотом Уныния. Оно отнимает надежду.

— Но ведь я тоже здесь, — сказал Атрей. — А ничего такого не чувствую.

— На тебе амулет, хозяин, ты защищен.

— Тогда я сейчас же повешу его на тебя, — Атрей схватился за цепь, — может, он и тебя защитит!

— Нет, ты не можешь сделать этого, хозяин, — фыркнула лошадка. — Амулет дан тебе, и

ты не имеешь права никому его передавать. Дальше веди Поиск без меня.

Атрей прижался к лошадке лицом.

— Артакс... — прошептал он, задыхаясь, — верный мой конь!..

— Не согласишься ли ты исполнить мою последнюю просьбу, хозяин? — Атрей молча кивнул. — Тогда я прошу тебя отправляться дальше. Я не хочу, чтобы ты видел мой последний час. Окажешь мне такую услугу?

Атрей медленно поднялся. Голова лошадки уже только наполовину виднелась над поверхностью воды.

— Прощай, Атрей, хозяин мой, будь счастлив! И спасибо тебе!

Атрей стиснул зубы. Он не в силах был что-нибудь произнести. Он еще раз кивнул Артаксу, отвернулся и пошел прочь.

Бастиан всхлипнул. Он не мог сдержаться. Его глаза наполнились слезами, и буквы расплывались. Пришлось ему достать платок и высморкаться, прежде чем он смог продолжать.

Сколько времени он пробирался дальше, Атрей не мог судить. Словно оглохший и ослепший, он просто шел и шел. Туман сгущался все плотнее, и Атрею казалось, что он часами плутает по кругу. Он уже не следил, куда ступает, но каким-то чудом не проваливался глубже, чем по колено. Видимо, знак Детской Королевы вел и хранил его.

Потом он вдруг остановился перед высокой и довольно крутой горой. Ухватился за выступ, подтянулся и стал взбираться на округлую вер-

шину. Вначале он не обратил внимания, что это за скала, но, очутившись наверху, заметил, что она состоит из гигантских роговых пластин, щелях между которыми рос мох.

Итак, он добрался-таки до Роговой горы!

Однако это открытие не принесло ему радости. Гибель Артакса сделала его равнодушным ко всему. Теперь ему предстояло разыскать здесь древнюю Морлу.

Вдруг гора под ним слегка содрогнулась, потом послышалось чудовищное пыхтенье, чавканье, и чей-то голос, исходивший, казалось, из недр земли, произнес:

— Гляди-ка, старая, что это там по нас ползает!

Атрей подбежал к краю горы, откуда доносился голос, но поскользнулся на зарослях мха и покатился под уклон. Ему не удалось ни за что зацепиться, он катился все быстрее и наконец сорвался вниз. По счастью, он упал на какое-то дерево, и ветки удержали его.

Прямо перед ним был громадный грот в горе, там плескалась и хлюпала жижа, что-то там шевелилось и медленно выдвигалось из глубины наружу. Это было нечто громадное, похожее на обломок скалы величиной с дом. И тут Атрей понял, что это не что иное, как голова черепахи на морщинистой шее. Глаза ее напоминали две большие черные лужи, из пасти стекала по водорослям илистая вода. Вся эта Роговая гора — Атрей только теперь догадался — была громадной чудовищной черепахой — древней Морлой!

И снова раздался хриплый булькающий голос:

— Малыш, что ты здесь делаешь?

Атрей схватился за свой амулет и показал его черепахе.

— Ты знаешь, что это такое, Морла?

— Гляди-ка, старая, — не сразу отозвалась черепаха, — АУРИН, давно мы с тобой не видали знака Детской Королевы, давно.

— Детская Королева больна, — торопился Атрей, — ты знаешь об этом?

— Какая нам разница, верно, старая? — ответила Морла. Похоже, она обращалась таким странным образом сама к себе, веками не имея другого собеседника.

— Если мы ее не спасем, она умрет! — настойчиво добавил Атрей.

— Что ж, — отвечала Морла.

— Но вместе с ней погибнет и Фантазия! Уничтожение расползается всюду. Я сам это видел.

Морла глядела на него своими громадными пустыми глазами.

— Мы ничего не имеем против, верно, старая? — булькала она.

— Но ведь мы все погибнем! — закричал Атрей. — Все!

— Гляди-ка, малыш, — отвечала Морла, — какое нам до всего этого дело? Что может быть для нас важного на свете? Разве не все равно?

— Но ведь и ты исчезнешь, Морла! — гневно воскликнул Атрей. — И ты! Или ты думаешь, что ты такая старая, что переживешь саму Фантазию?

— Гляди-ка, — булькала Морла, — мы уже старые, малыш, слишком старые. Мы уже достаточно пожили. Много повидали. Кто узнал так много, как мы, для того уже не осталось на свете ничего важного. Все повторяется, день и ночь, зима и лето, мир пуст и бессмыслен. Все вращается по кругу. Что возникло, должно пройти, что

родилось, должно умереть. Все исчезает, хорошее и плохое, глупое и мудрое, прекрасное и безобразное. Все пусто. Серьезного нет ничего.

Атрей не знал, что сказать. Темный и пустой взгляд Морлы парализовал в нем все мысли. Она сама заговорила через какое-то время:

— Ты молод, малыш. Мы стары. Если бы ты был такой же старый, как мы, ты бы знал, что нет ничего, кроме тоски. Гляди-ка. Почему бы нам всем и не умереть — тебе, мне, Детской Королеве, всем, всем? Разве не пустая видимость все на свете, разве не игра в Ничто? Разве не все равно? Оставь нас в покое, малыш, уходи.

Атрей напряг всю свою волю, чтобы противостоять той парализующей силе, что исходила от ее взгляда.

— Раз ты так много знаешь, — сказал он, — ты должна знать, в чем заключается болезнь Детской Королевы и есть ли от нее лекарство?

— Мы знаем, не так ли, старая, мы знаем, — пыхтела Морла. — Но разве не все равно, спасется она или нет. Почему мы должны говорить тебе это?

— Если тебе действительно ВСЕ равно, — настаивал Атрей, — то почему бы тебе и не сказать?

— Да могли бы и сказать, старушка, не так ли? — пробурчала Морла. — Но неохота.

— Тогда тебе вовсе не ВСЕ равно! Значит, у тебя еще есть предпочтения!

Сперва долго было тихо, потом послышалось глубокое бурчание и отрыжка. Должно быть, это древняя Морла так смеялась, если она вообще могла смеяться. Во всяком случае, она сказала:

— А ты хитрый, малыш. Гляди-ка. Ты хит-

рый. Давно мы так не веселились, правда, старая? Давно. Гляди-ка. Мы действительно могли бы тебе и сказать. Разницы никакой. Может, скажем ему, старая?

Воцарилась тишина. Атрей напряженно ждал ответа Морлы, чтоб не нарушить вопросом медленный ход ее мыслей. Наконец она продолжила:

— Ты живешь мало, малыш. Мы живем давно. Уже слишком давно. Но мы оба живем во времени. Ты недавно. Мы давно. Детская Королева была всегда. Была и до меня. Но она не становится старой. Она всегда юная. Гляди-ка. Ее жизнь измеряется не временем, а именем. Ей требуется новое имя, всегда новое имя. Ты знаешь, как ее зовут, малыш?

— Нет. Я никогда не слышал ее имени.

— Значит, и ты не можешь, — отвечала Морла, — и мы не можем его вспомнить. У нее их было много. И она все их перезабыла. Все прошло. Гляди-ка. А без имени она не может жить. Ей нужно только новое имя, Детской Королеве, тогда она выздоровеет. Однако это не имеет никакого значения.

Она закрыла свои лужеподобные глаза и стала медленно втягивать голову назад в свой панцирь.

— Погоди! — вскричал Атрей. — Откуда она должна получить имя? Кто может дать ей имя? Где я возьму его?

— Никто из нас, — пробормотала Морла, — ни одно существо Фантазии не может дать ей новое имя. Поэтому все тщетно. Не переживай, малыш. Разве не все равно?

— Кто же тогда? — вскричал Атрей вне себя. — Кто может дать ей имя и спасти ее и нас?

— Ох, не шуми так! — сказала Морла. — Оставь нас в покое и уходи. Мы тоже не знаем, кто может это сделать.

— Если ты не знаешь, — кричал Атрей все громче, — кто же тогда может знать?

Она еще раз открыла глаза.

— Если бы на тебе не было амулета, — просипела она, — то мы бы проглотили тебя, чтобы наконец наступил покой. Гляди-ка.

— Кто? — настаивал Атрей. — Скажи мне, кто это знает, и я оставлю тебя в покое сейчас же и навеки!

— Да не все ли равно, — отвечала она. — Может, Уиулала в Южном Оракуле. Возможно, она знает. Какое нам до этого дело.

— А как мне добраться туда?

— Туда вообще нельзя добраться, малыш. Гляди-ка. Даже за десять тысяч дней пути. Твоей жизни не хватит. Ты умрешь раньше, чем доберешься. Это слишком далеко. На юге. Слишком далеко. Поэтому все тщетно. Да разве мы не сказали тебе с самого начала, не так ли, старая? Оставь это, малыш. И прежде всего, оставь в покое нас!

С этими словами она окончательно закрыла глаза и втянула голову в панцирь. Атрей понял, что больше от нее ничего не добьется.

К этому времени зверь, который возник из уплотнившейся тьмы на ночном пустыре, взял след Атрея и был уже на пути к болоту Уныния.

Никто и ничто в Фантазии не могло бы теперь сбить его с этого следа.

Бастиан, подперев рукой голову, задумчиво смотрел перед собой.

— Странно, — сказал он вслух. — Странно, что ни одно существо Фантазии не может дать Детской Королеве имя.

Если все дело только в том, чтобы придумать его, Бастиан очень легко мог им помочь. В этом он был мастак. Но, к сожалению, он сейчас тут, а не в Фантазии, где его способности очень пригодились бы и, может быть, завоевали бы ему уважение и симпатию. С другой стороны, приятно было сознавать, что он здесь, а не там, потому что очутиться в таком месте, как, например, болото Уныния, ему совсем не хотелось.

Вот только этот зверь, который преследует Атрея... А Атрей ни о чем и не подозревает!

Бастиан был бы счастлив предостеречь его, но как? Ничего не остается, как уповать на лучшее и снова взяться за книгу.

Глава IV
ЭРГАМУЛЬ, МНОГИЙ

олод и жажда уже начали мучить Атрея. Минуло два дня, как он выбрался из болота Уныния, и с тех пор блуждал по скалистой пустыне, в которой не было ничего живого. Все, что оставалось у него из еды, утонуло в болоте вместе с Артаксом. Напрасно Атрей искал среди камней хоть какой-нибудь корешок — здесь не росло ни мхов, ни лишайников.

А он еще радовался, ступив из болота на твердую почву. Теперь-то было ясно, что положение его стало еще хуже, чем прежде. Он заблудился. Ориентироваться по небу было невозможно, потому что его сплошь затягивали тучи. Беспрерывно дул холодный ветер, завывая в ущельях.

Атрей карабкался по отрогам и склонам, взбирался вверх и снова спускался вниз, и всюду, насколько хватал глаз, высились горы, за которыми громоздились все новые горы — до самого горизонта. И ничего живого — ни жучка, ни муравья, ни даже коршуна, который обычно терпе-

ливо преследует заблудившегося, пока тот не погибнет.

Сомнений не оставалось: это были Мертвые горы. Лишь немногие видели их, и мало кто вернулся назад. Эти горы упоминались в легендах и сказаниях. Атрей даже вспомнил слова одной старинной песни:

Эй, охотник, не забудь,
Помни: на охоте
Страшно просто утонуть
Где-нибудь в болоте.

Очень страшно, если вдруг
Выйдет зверь навстречу,
А тебе откажет лук —
Защититься нечем.

Но страшней всего в горах
Мертвых заблудиться.
Этот холод, этот страх
С прочим не сравнится.

Не укрыться никому.
Уносите ноги!
Там таится Эргамуль —
Многий.

Даже если б Атрей знал, как вернуться назад, это было уже невозможно: слишком далеко он зашел и раньше умрет от голода и жажды, чем выберется. Если бы дело было только в нем, он скорее всего забрался бы в какую-нибудь пещерку и стал тихо дожидаться смерти, как поступают в безвыходном положении охотники его племени. Но речь шла о жизни Детской Королевы и всей Фантазии. Атрей был в Великом Поиске и не имел права сдаваться.

И он снова поднимался вверх по горам и спускался вниз. Временами ему казалось, что он

двигается как во сне, а душа его витает где-то далеко и очень неохотно возвращается назад.

Бастиан вздрогнул: башенные часы пробили час дня. Конец уроков. Он прислушался к крикам детей, доносившимся снизу, к топоту множества ног на лестнице. Потом шум и крики перенеслись на улицу. И наконец во всей школе воцарилась тишина.

Эта тишина испугала Бастиана. Теперь, кроме него, в школе не осталось ни одной живой души — на всю ночь и кто знает еще на сколько.

Все отправились по домам и теперь обедают. Бастиан тоже был голоден, продрог, хоть и укутался в солдатские одеяла. Он вдруг пожалел обо всем случившемся, ему захотелось домой прямо сейчас же, немедленно! Отец ничего бы не заметил. Бастиану даже не пришлось бы сознаваться, что он прогулял уроки. Конечно, со временем все обнаружится, но ведь не сразу. А как быть с украденной книгой? Что ж, и в этом он бы признался со временем. И отец смирился бы, как он смирялся со всеми огорчениями, которые доставлял ему Бастиан. Скорее всего, он бы сам и сходил к господину Кореандру и все уладил.

Бастиан уже захлопнул книгу, чтобы сунуть ее в портфель, но удержался.

— Нет, — сказал он вслух в полной тишине. — Атрей не сдался бы так скоро. Раз уж начал, надо довести дело до конца. Я зашел уже слишком далеко, чтобы вернуться назад.

Он чувствовал себя очень одиноко, но мысль, что он не отступил перед испытаниями, придала ему гордости. Хоть чуточку, да похож он был на Атрея!

И наступил момент, когда Атрей не смог двигаться дальше. Перед ним зияла Бездонная пропасть. Чудовищный вид ее не поддается описанию. Разрыв Мертвых гор в этом месте шириной в полкилометра, а глубиной... Атрей лег на живот, подполз к краю и заглянул вниз. Темнота простиралась, возможно, до самого центра земли. Он взял камень и бросил вниз. Камень падал и падал, пока не исчез в темноте. Звука падения Атрей так и не дождался. И он пошел вдоль края пропасти, готовый в любой миг встретить ужаснейшего Эргамуля, о котором упоминалось в песне.

Бездонная пропасть пересекала Мертвые горы ломаной линией, и дороги вдоль нее, конечно, никто не вымостил. Атрею приходилось карабкаться по скалам, иногда делая большой крюк, иногда приводя в движение лавины и камнепады, а раз он сам чуть не сорвался вниз.

Если бы он знал, что по пятам его преследует враг, который час от часу ближе, он, пожалуй, допустил бы какую-нибудь оплошность, и она бы дорого ему обошлась. Но Атрей не подозревал о существовании врага, сгустившегося из темноты в ту минуту, когда он пустился в путь. Враг же этот уплотнился так, что можно было разглядеть, каков он из себя. То был громадный черный волк величиной с быка. Все время принюхиваясь к следу, он мчался по Мертвым горам за Атреем. Язык свисал из его пасти, обнажая страшные клыки. След подсказывал, что всего несколько километров отделяют его от жертвы. И расстояние это все сокращалось.

Атрей был как раз в узком ущелье между скалами, когда до него вдруг донесся странный рев, не похожий ни на какие другие звуки, которые ему когда-нибудь приходилось слышать. Это

был и вой, и рычание, и одновременно Атрей почувствовал, как содрогнулись скалы и начались горные обвалы. Он решил, что это землетрясение, однако новых толчков не последовало. Он добрался до края ущелья и осторожно выглянул наружу.

Над мраком Бездонной пропасти, натянутая с одного ее края до другого, висела гигантская паутина. В клейких нитях толщиной с канат запутался белый дракон везения, он бился, извивался, но лишь увязал еще больше.

Драконы везения — одни из самых редкостных животных Фантазии. Они не похожи на обычных драконов, что живут в пещерах, источая смрад и охраняя несметные сокровища. Те исчадия подземелий имеют злобный нрав, у них огнедышащая пасть и перепончатые, как у летучих мышей, крылья, с грохотом подымающие их в воздух. Везучие же драконы, напротив, создания тепла и света, они излучают радость и, несмотря на гигантские размеры, без крыльев парят в воздухе, как рыбы в воде. С земли они кажутся белыми молниями. Но самое чудесное в них — пение. Их голоса звучат как золотой перезвон колоколов. Услышав их пение однажды, не забудешь его вовек и еще внукам будешь рассказывать.

Но тот дракон везения, которого видел сейчас Атрей, был в таком плачевном состоянии, что ему было не до песен. Длинное гибкое тело, чешуинки которого переливались розовым и белым перламутром, было прочно опутано паутиной. Длинные усы, пышная белая грива и кисти на хвосте — все переплелось с канатами, держа его в плену. Только глаза на его львиноподобной голове поблескивали рубиново-красным светом и показывали, что он еще жив.

Многие раны на его теле кровоточили. Ибо, помимо дракона, здесь был еще некто — громадный, с быстротой молнии налетающий на него и беспрерывно меняющий облик. То он был громадным мохнатым пауком с длинными когтями, которыми пытался растерзать везучего дракона, а в следующее мгновение он превращался в гигантского скорпиона, который жалил своим хвостом несчастную жертву.

Битва двух гигантов была страшна. Везучий дракон оборонялся, изрыгая голубое пламя, которое опаляло шерсть нападавшего. Дым поднимался вверх и плыл над скалами; пахло паленым, Атрей чуть не задохнулся. Дракону везения удалось даже откусить противнику длинную ногу. Но откушенная нога не упала в пропасть, а сама по себе в мгновение ока присоединилась к прежнему месту. И так повторилось несколько раз. Казалось, дракон вонзает зубы в пустоту.

Только тут Артей заметил, что нападающий гигант вовсе не был цельным организмом, а состоял из множества маленьких блестящих насекомых, которые роились, как туча разъяренных шершней, все время составляя новые фигуры. Это был Эргамуль, и теперь Атрей знал, почему его еще называли Многий.

Атрей выпрыгнул из укрытия и, взявшись за амулет, громко крикнул:

— Стой! Именем Детской Королевы! Стой!

Но голос его утонул в шуме битвы. Он сам едва расслышал себя.

Не рассуждая, он кинулся по канатам паутины к сражающимся. Сеть качалась под ним, он потерял равновесие, сорвался, но повис на руках над черной пропастью. Подтянувшись вверх, снова встал на ноги и заспешил вперед. Эргамуль вдруг почувствовал его приближение и

молниеносно обернулся — вид его был ужасен: одна громадная морда с налитым кровью глазом и крючковатым носом.

Бастиан не сдержал крика ужаса.

Крик ужаса разнесся над пропастью и эхом отразился от ее краев. Эргамуль повел глазом: кто бы это мог быть, ибо мальчишка перед ним, парализованный страхом, стоял, не раскрывая рта. Но больше никого не было.

«Боже мой, уж не мой ли это крик он услышал? — взволнованно подумал Бастиан. — Но ведь это невозможно!»

И тут Атрей уловил голос Эргамуля, тонкий, вовсе не подходивший к его громадной морде. Рот его при этом не шевелился. Это было жужжание шмелиного роя, которое складывалось в слова:

— Двуногий! Ты очень кстати. После столь долгого голода — сразу два лакомых кусочка! Вот праздник Эргамулю!

Атрей собрал все свои силы. Он выставил амулет прямо перед единственным глазом чудовища и спросил:

— Ты знаешь этот знак?

— Подойди ближе, двуногий! — прожужжал многоголосый хор. — Эргамуль не очень хорошо видит.

Атрей приблизился на несколько шагов. Морда раскрыла пасть, вместо языка в ней рои-

лось бесчисленное множество жал, щупалец и клешней. Вблизи можно было различить отдельных насекомых, из которых она состояла. Существа эти бешено носились туда-сюда, но морда в целом оставалась неподвижной.

— Я Атрей! Я выполняю задание Детской Королевы.

— Ты явился не вовремя, — отвечало гневное жужжание. — Эргамуль занят, как видишь. Что тебе нужно от него?

— Мне нужен этот везучий дракон. Отдай мне его!

— Зачем он тебе, Атрей-Двуногий?

— Я лишился в болоте Уныния своего коня. А мне нужно в Южный Оракул, там Уиулала откроет мне, кто может дать Детской Королеве имя. Без нового имени Королева умрет, а с нею и вся Фантазия и ты, Эргамуль.

— Ах, так вот почему исчезают целые места! — протянул Эргамуль.

— Да! Теперь ты все знаешь. Но Южный Оракул далеко, мне не хватит жизни добраться туда, и мне нужен этот дракон: лететь быстрее.

Из мятущегося роя послышалось что-то вроде хихиканья.

— Ты ошибаешься, Атрей-Двуногий. Я ничего не знаю про Южный Оракул и Уиулалу, но я знаю, что этот дракон не может тебя везти. Не будь он даже так изранен, путь слишком далек, и Детская Королева успеет умереть. Ты должен соизмерять свой Поиск не с твоей жизнью, а с ее!

Взгляд единственного зрачка невозможно было перенести, и Атрей опустил голову.

— Это верно, — тихо проговорил он.

— Кроме того, — продолжало чудовище, — в теле этого дракона уже яд Эргамуля. Ему и жить-то остается один час.

— Тогда спасенья нет, — вздохнул Атрей. — Для всех нас

— Ну, Эргамуль-то, по крайней мере, хоть закусит как следует, — прожужжал голос. — И еще как сказать, в последний ли раз. Может, есть одно средство достигнуть Южного Оракула. И Эргамуль знает это средство. Вопрос только, понравится ли оно тебе, Атрей-Двуногий.

— Что ты имеешь в виду?

— Это тайна Эргамуля. Видишь ли, Атрей-Двуногий, и у жителей Бездонной пропасти есть свои тайны. А с этой тайной Эргамуль еще никогда не расставался. И ты должен поклясться, что никогда никому не выдашь ее. Потому что Эргамулю пойдет во вред, если кто-нибудь ее проведает.

— Я клянусь! Говори!

Поблескивающее сталью лицо слегка наклонилось вперед и прожужжало:

— Я должен укусить тебя.

Атрей в ужасе отпрянул.

— Яд Эргамуля, — тихо продолжал голос, — умерщвляет в течение одного часа, но дает возможность тому, кто носит в себе этот яд, очутиться в том месте Фантазии, в каком пожелает. Подумай только, если бы про это прознали! Тогда любой ускользнул бы от Эргамуля!

— Один час? — воскликнул Атрей. — Но что я успею за один час?

— Ну, — прожужжал рой, — по крайней мере, это больше, чем все часы, которые останутся тебе в противном случае. Выбирай!

Атрей колебался.

— А ты отпустишь на волю везучего дракона, если я попрошу тебя об этом именем Детской Королевы?

— Нет! У тебя нет права просить Эргамуля

об этом, хоть ты и носишь АУРИН. Детская Королева никому из нас не препятствует быть такими, какие мы есть, и делать то, что мы хотим. Потому Эргамуль и чтит ее знак.

Атрей опустил голову. Эргамуль был прав. Личная воля Атрея в расчет не принималась. Он выпрямился и сказал:

— Делай, как ты сказал.

Молниеносно стальной рой ринулся к нему и окутал его собою со всех сторон. Он почувствовал пронзительную боль в левом плече, успел подумать: «В Южный Оракул!» — и у него потемнело в глазах.

Когда, спустя некоторое время, Волк Темноты достиг этого места, он увидел лишь пустую гигантскую паутину. След, по которому он шел, резко оборвался. И, как ни старался, он не смог его больше найти.

Бастиан прервал чтение. Он почувствовал дурноту, будто яд Эргамуля проник и в него.

— Слава Богу, — тихо сказал он, — что я не в Фантазии. К счастью, в жизни таких чудищ не бывает. Все это только в сказках.

Но разве то была лишь сказка? Как же стало возможным, что Эргамуль, а может, и Атрей расслышали крик ужаса, который вырвался у Бастиана?

Книга становилась все более таинственной и непостижимой.

Глава V
ДВОЕЖИТЕЛИ

Долго Атрей озирался вокруг. Он только что очнулся и вначале решил, что Эргамуль обманул его. Кругом все еще была скалистая пустыня.

Он с трудом поднялся. И тут увидел, что местность хоть и дикая, но совсем другая. Ржаво-красные слоистые плиты громоздились башнями и пирамидами. Между ними скудно росли чахлые кустики. Все тонуло в ярком солнечном свете.

Атрей приставил ладонь козырьком и разглядел на расстоянии примерно в милю ворота, сооруженные из грубого камня: опорные столбы и сверху плита. Может, это и есть вход в Южный Оракул? Но позади ворот ничего не видно, кроме бескрайней пустой равнины, — ни здания, ни храма, ни рощи — ничего, что указывало бы на обиталище оракула.

Вдруг Атрея окликнули гулким, как колокольный звон, голосом:

— Атрей! — И снова: — Атрей!

Из-за ржаво-красной скалы возник белый везучий дракон. Кровь текла из его ран, и был он так слаб, что еле двигался, но весело подмигнул своим рубиново-красным глазом и сказал:

— Не удивляйся, что я тут. Я хоть и был без сознания, но услышал слова Эргамуля. И подумал: раз уж он меня ужалил, почему бы и мне не воспользоваться его тайной?

Атрей обрадовался.

— Тяжело мне было бросать тебя на растерзание Эргамулю, но я ничего не мог поделать.

— Тем не менее именно ты спас мне жизнь,— отвечал дракон.

— Спас жизнь, — горько повторил Атрей. — На один час, ведь нам осталось ровно столько. Я чувствую, как действует яд.

— От любого яда есть противоядие, — отвечал белый дракон везения, — вот увидишь, все обойдется.

— Знать бы только как, — сказал Атрей.

— Я тоже не знаю. Но это и неважно. Ведь я как-никак счастливый дракон везения. Даже в паутине я не терял надежды — и, как видишь, не напрасно.

Атрей улыбнулся.

— Скажи, почему ты перенесся именно сюда, а не в какое-нибудь другое место, где скорее бы получил исцеление?

— Моя жизнь принадлежит тебе, — сказал дракон. — Я подумал, ведь тебе для Великого Поиска нужно ездовое животное. Ты сам увидишь, что лететь по воздуху на моей спине — это лучше, чем скрестись на своих двоих или даже скакать верхом на добром коне. Согласен?

— Договорились! — отвечал Атрей.

— Впрочем, — добавил дракон, — меня зовут Фухур.

— Отлично, Фухур! Однако, пока мы тут беседуем, отпущенное нам время тает. Что-то надо делать, но что?

— Быть везучим, что же еще!

Но Атрей уже не слышал его. Он упал без сознания, яд Эргамуля действовал.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Атрей снова открыл глаза. Над ним склонилось сморщенное, как печеное яблоко, личико. Глазки поблескивали на нем, как звезды. Атрей почувствовал, что к губам его поднесли сосуд с питьем.

— Отличное лекарство, замечательное лекарство, — лопотали сморщенные губы. — Пей, детка, пей, поможет!

— А что с белым драконом? — с трудом произнес он, сделав глоток.

— Ему уже лучше, — ответил шелестящий голосок, — не беспокойся, дитя мое. Он выздоровеет. Вы оба выздоровеете. Пей, деточка, пей.

Атрей глотнул еще и снова погрузился в глубокий сон, но теперь это был уже благотворный сон выздоровления.

Башенные часы пробили два. Бастиан вздрогнул и прислушался: внизу раздались шаркающие шаги. Двери классов одна за другой открывались и потом закрывались снова.

Бастиан догадался, что это школьный сторож совершает обход перед тем, как окончательно запереть входную дверь.

Сейчас он сделает это, и Бастиан останется во всей школе один.

Он вздохнул, плотнее завернулся в одеяло и снова взялся за книгу.

Когда Атрей очнулся во второй раз, он почувствовал себя вполне свежим и сильным. Была ночь, луна сияла в полную силу, и Атрей увидел, что находится на том же месте, куда перенесся вместе с Фухуром. Дракон спал, дыша глубоко и спокойно. Все его раны были перевязаны.

Атрей заметил, что и его плечо перевязано травами и волокнами растений. Неподалеку виднелся вход в пещерку, оттуда падал приглушенный свет. Не шевеля левой рукой, Атрей осторожно встал, подошел к низенькому входу и заглянул внутрь. Пещера напоминала маленькую алхимическую лабораторию. В камине плясал огонь, всюду стояли тигельки, горшки и причудливые сосуды. На полках сушились травы.

Атрей услышал покашливание и заметил, что в креслице у камина сидит, углубившись в книгу, маленький старичок. На голове у него была академическая шапочка, на носу поблескивали очки.

Из другой комнатки вышла маленькая тетушка, и Атрей сразу узнал ее. Чепчик и вся ее одежда, похоже, были сделаны из увядших листьев. Что-то бормоча, довольно потирая руки, она принялась помешивать варево в котелке над огнем. Ростом оба эти существа едва доходили Атрею до колен. То были гномы.

— Женщина! — ворчливо сказал человечек. — Уйди, не мельтеши перед глазами! Ты мне не даешь сосредоточиться!

— Эти твои занятия! — отвечала крошечная тетушка. — Кого они интересуют! Куда важнее, чтобы поспел мой целебный эликсир! Он нужен тем двоим!

— Тем двоим, — раздраженно перебил человечек, — куда важнее мой совет и помощь!

— Да ради Бога! Но только когда они выздоровеют! Подвинься!

Человечек ворча отодвинулся вместе с креслом в сторонку.

Атрей кашлянул, чтобы его присутствие заметили. Гномы разом оглянулись.

— Да вот он уже и здоров! — сказал человечек. — Тогда я пошел!

— Ничего подобного! Насколько он здоров, могу судить только я. А ты пойдешь к нему, только когда я скажу: иди! — И она повернулась к Атрею: — Милости просим. Впрочем, для тебя тут тесновато. Погоди, я сама к тебе выйду.

Она растерла что-то в маленькой ступочке, высыпала в котелок, потом вымыла руки и, вытерев их о свой халатик, обратилась к старику:

— А ты сиди здесь, Энгивук, пока я тебя не позову, понял?

— Ну ладно, Ургл, так и быть, — проворчал человечек.

Тетушка-гном вышла из пещерки. Прищурившись, изучающе оглядела Атрея с головы до ног.

— Ну, кажется, у нас все в порядке, да?

Атрей кивнул.

— Больше не болит?

— И говорить не стоит, — отвечал Атрей.

— Все-таки, — сверлила его взглядом тетушка, — болит или нет?

— Еще болит, но мне это уже не мешает.

— Зато мне мешает! — возмутилась тетушка Ургл. — Как эти пациенты любят поучать врачей! Что ты в этом понимаешь, желторотый! Должно болеть, раз еще не зажило. Если бы твоя рука не болела, это означало бы, что она мертвая!

— Прошу прощения! — смутился Атрей. — Я только хотел сказать... я хотел поблагодарить вас.

— Ах, да что там! — сердито перебила тетушка Ургл. — Ведь я лекарь и только исполняю свой долг. К тому же Энгивук, мой старик, увидел у тебя на шее АУРИН.

— А Фухур? — спросил Атрей. — Что с ним?

— Кто это?

— Ну, белый счастливый дракон везения.

— А. Еще не знаю. У него было похуже твоего. Но он выздоровеет, только надо отдохнуть. Что же это за яд был у вас обоих? И откуда вы так внезапно появились? И куда вам надо?

Тут и Энгивук возник у входа в пещерку, чтобы послушать Атрея.

— Замолчи, женщина! — крикнул он. — Я пришел.

Повернувшись к Артею, он снял свою академическую шапочку, поскреб в затылке и сказал:

— Не обращай внимания на ее тон, Атрей. Старушка часто ворчит, но на самом деле она не такая. Меня зовут Энгивук. Нас обоих еще называют Двоежители. Слышал о нас что-нибудь?

— Нет.

Энгивук, похоже, обиделся.

— Ну что ж, — сказал он, — ты ведь не вращаешься в научных кругах, иначе бы тебе сказали, что лучшего советчика, чем я, не сыщешь, если хочешь попасть к Уиулале в Южный Оракул.

— Ради Бога, не сейчас! — воскликнула тетушка Ургл.

Энгивук пропустил ее слова мимо ушей.

— Я все тебе объясню, — продолжал он. — Я изучал это дело всю мою жизнь. Я даже устроил обсерваторию. Скоро я издам научный труд по Оракулу под названием: «Загадка Уиулалы, раз-

решенная профессором Энгивуком». Звучит не плохо, а? К сожалению, мне недостает кое-каких мелочей. Не мог бы ты мне немного помочь, мой мальчик?

— Обсерватория? — переспросил Атрей, не зная этого слова.

Энгивук кивнул, горделиво блеснув глазами, и жестом пригласил Атрея следовать за ним. Между могучими скалами, поднимаясь вверх, вилась узенькая тропка. В слишком крутых местах были вырублены ступени, но для Атрея они оказались маловаты, и он их просто перешагивал. И все же не поспевал за резвым гномом.

— Сегодня такая лунная ночь, — сказал Энгивук, — хорошо видно.

— И я увижу Уиулалу? — спросил Атрей.

Энгивук отмахнулся, карабкаясь все выше. Наконец они взобрались на верхнюю площадку, и Атрей увидел там сложное сооружение с подзорной трубой. Труба была направлена в сторону больших каменных ворот. Энгивук заглянул в трубу, отрегулировал видимость, вращая винты, потом довольно кивнул и подозвал Атрея. Тому пришлось лечь плашмя, опершись на локти.

Он увидел нижнюю часть правой колонны. И тут Атрей разглядел, что у колонны, выпрямившись в свете луны, неподвижно сидит могучий сфинкс. Передние лапы, на которые он опирался, были львиные. Задняя часть тела бычья, на спине огромные крылья, а лицо — человеческое — во всяком случае, по форме, ибо выражение этого лица лучше было бы назвать нечеловеческим. Трудно было определить, то ли это лицо улыбается, то ли выражает непомерную скорбь, то ли полное равнодушие. Сначала оно показалось Атрею злым и свирепым, а потом, наоборот, веселым.

— Оставь это! — сказал ему гном. — Все равно не определишь. Это со всеми так. Со мной тоже. Смотрю на них целую жизнь, но до сих пор так и не понял этого выражения. Оно все время меняется!

Он покрутил какой-то винт, и рамка сместилась влево, миновав пустую равнину позади ворот. Стала видна левая колонна. Тут сидел в такой же позе второй сфинкс. Его могучее тело светилось в лунном свете, как расплавленное серебро. Оба сфинкса неотрывно смотрели друг на друга.

— Это статуи? — тихо спросил Атрей, не в силах отвести глаз.

— О нет, — ответил Энгивук и засмеялся. — Это настоящие, живые сфинксы, и еще какие живые! На первый раз ты увидел достаточно. Идем вниз. Я все тебе объясню.

И он заслонил рукой объектив подзорной трубы.

Обратный путь они проделали молча.

Глава VI
ТРОЕ ЗАКОЛДОВАННЫХ ВОРОТ

да дымилась на столе перед пещеркой, когда Атрей и Энгивук возвратились назад. Старая Ургл хлопотала у стола. Чего тут только не было! Всевозможные кушанья можно было запивать сладким соком, выжатым из ягод, и душистым травяным чаем. Горели две крохотные лампы.

— Присаживайтесь! — распорядилась тетушка-гном. — Атрею нужно как следует поесть, чтобы набраться сил. Одних лекарств недостаточно.

— Спасибо, — сказал Атрей. — Я уже чувствую себя очень хорошо.

— Никаких возражений! — фыркнула Ургл. — Пока ты здесь, делай то, что тебе приказано! Яд в твоем теле уже побежден, но спешить не надо, мой мальчик.

— Дело не только во мне, — сказал Атрей. — Детская Королева при смерти. На счету каждый час.

— Второпях никуда не поспеешь! Садись! Ешь и пей!

— Лучше подчиниться, — шепнул Энгивук. — Сопротивление бессмысленно, поверь моему опыту. А кроме того, мы еще многое не обсудили.

Атрей уселся, поджав ноги, и стал есть. С каждым глотком ему и в самом деле становилось лучше, будто теплая, золотая влага жизни вливалась в мускулы и жилы.

У Бастиана потекли слюнки. До него будто донеслось благоухание их ужина. Больше он не мог выдержать, достал остатки своего бутерброда, яблоко и все это съел. Увы, до сытости было все еще далеко. А между тем это была его последняя еда.

— Откуда здесь все эти вкусные вещи? — спросил Атрей.

— Ах, сынок, — ответила Ургл, — уж приходится побегать, чтобы найти нужные травы. Ведь он, этот упрямец Энгивук, хочет жить именно здесь, из-за его, видите ли, важных изысканий! А как тут достается еда к столу, его не беспокоит.

— Женщина, — с достоинством отвечал Энгивук, — что ты можешь понимать в том, что важно и что нет. Уйди, дай нам поговорить!

Ургл, ворча, скрылась в пещерке, и оттуда еще долго доносился грохот посуды.

— Ей только позволь! — проговорил Энгивук. — Вообще-то она добрая старушка, но любит поворчать. Слушай, Атрей! Я должен рассказать тебе кое-что о Южном Оракуле. Не так это просто — проникнуть к Уиулале. Но я не хотел

бы читать тебе научный доклад. Будет лучше, если задавать вопросы станешь ты сам. А то я потеряюсь в частностях.

— Хорошо. Итак, кто это или что это — Уиулала?

— Ты спрашиваешь прямо как моя старуха! — рассердился Энгивук. — Начни с чего-нибудь полегче!

Атрей подумал и спросил:

— Эти большие каменные ворота со сфинксами, которые ты показывал мне, — это и есть вход?

— Уже лучше! — похвалил Энгивук. — Каменные ворота — вход, но за ними есть еще двое ворот, и только за третьими живет Уиулала, если только о ней вообще можно сказать, что она живет.

— А сам ты был у нее?

— Мне-то зачем? — опять рассердился Энгивук. — Я занят научной работой. Я собираю сведения у тех, кто там побывал. Разумеется, если они возвращаются. Это очень важная работа! Я не могу рисковать собой.

— Понимаю, — сказал Атрей. — Так что же с тремя воротами?

Энгивук встал, сцепил руки за спиной и принялся ходить взад-вперед, объясняя:

— Первые ворота называются воротами Великой Загадки. Вторые — воротами Волшебного Зеркала. И третьи — ворота Без Ключа.

— Странно, — перебил Атрей. — Насколько я мог видеть, позади каменных ворот нет ничего, кроме пустой равнины. Где же остальные ворота?

— Спокойствие! — прикрикнул Энгивук. — Если ты будешь перебивать, я ничего не сумею объяснить. Все и так очень сложно! Дело вот в

чем: вторые ворота появляются только тогда, когда пройдешь первые. А третьи — только если прошел через вторые. А Уиулала появляется, только если прошел через третьи. Прежде того ничего не выйдет. Их просто нет, и все, понимаешь?

Атрей кивнул, но предпочел помолчать, чтобы не сердить гнома.

— Первые — ворота Великой Загадки — ты уже видел из моей обсерватории. И двух сфинксов. Ворота всегда открыты, створок нет, но, несмотря на это, в них пройдет только тот, — Энгивук поднял вверх свой крошечный указательный пальчик, — на кого сфинксы закроют глаза. И знаешь, почему? Взгляд сфинкса — это нечто совершенно иное, чем взгляд любого другого существа. Мы оба и все остальные — мы нашим взглядом видим мир, вбираем его в себя. А сфинкс не видит ничего, он в известном смысле слепой. Зато его глаза испускают из себя нечто, но что именно? — и загадывают нам все загадки мира. Поэтому оба сфинкса неотрывно смотрят друг на друга. Взгляд сфинкса может вынести только другой сфинкс. А теперь представь себе, что будет с тем, кто отважится шагнуть между их взглядов! Он застынет на месте и не сможет двинуться дальше, пока не разгадает все загадки мира. А они бесконечны. Ты увидишь останки этих бедняг, когда подойдешь к воротам.

— Но иногда они закрывают свои глаза? Ведь им нужно время от времени спать?

— Спать? — Энгивук затрясся от смеха, — ничего себе: сфинкс — и спать? Да ты, оказывается, действительно ничего не знаешь. Впрочем, это главный предмет моего научного исследования. На некоторых сфинксы закрывают глаза, пропуская их. Вопрос, который не прояснился до

сих пор: почему они пропускают одних и не пропускают других? Это не связано ни с мудростью, ни с храбростью, ни с добротой. Я видел собственными глазами, как они пропускали бог знает кого, а приличные и разумные люди напрасно ждали месяцами и уходили ни с чем. И не играет роли, идет кто-нибудь в Оракул из нужды или из любопытства.

— И твои исследования, — спросил Атрей, — так и не открыли причины?

Глаза Энгивука тотчас сверкнули гневом:

— Да ты слушаешь или нет? Я же сказал: никто не знает объяснения. Разумеется, я за свою жизнь выработал кое-какую теорию. Вначале я думал, что решающий признак заключается во внешности. Потом я пытался вывести некое числовое соотношение: ну, например, из пятерых пропускают только двоих или, может, только нечетных. Но и тут мои предположения не подтвердились. И сейчас я держусь точки зрения, что выбор сфинксов совершенно случаен. Хоть моя жена и утверждает, что этот вывод порочит науку и вообще он, дескать, негуманный, но что делать!

— Опять ты за свое! — стала ругаться тетушка-гном из пещерки. — Твои крошечные мозги давно засохли в голове, и только поэтому ты можешь думать, что такие великие тайны так запросто откроются тебе, старый ты безумец!

— Ну, слышал? — сказал он со вздохом. — И самое ужасное то, что она права.

— А амулет Детской Королевы? — спросил Атрей. — Ты думаешь, они не примут его в расчет? Они ведь тоже существа Фантазии!

— Это, конечно, так, — сказал Энгивук, склонив голову, — но для этого они должны ВИДЕТЬ! А они не видят ничего.

— Что же ты мне посоветуешь?

— Ты должен делать то же, что все: ждать, что они решат. И не спрашивать, почему так, а не иначе.

Атрей задумчиво кивнул.

Маленькая Ургл вынесла из пещерки ведро дымящегося отвара, под мышкой у нее торчал пучок сушеных трав. Бормоча что-то, она подошла к везучему дракону, который все еще спал. Вскарабкалась на него и стала менять повязки на ранах. Громадный ее пациент только блаженно вздохнул и потянулся.

— Лучше бы делал что-нибудь полезное, — сказала она Энгивуку, снова пробегая на кухню, — а не болтал глупости.

— Я делаю ОЧЕНЬ полезное дело, — прокричал муж ей вслед, — может, даже более полезное, чем все твои дела, но тебе никогда не понять этого, женщина! — И повернулся к Атрею: — Она способна думать лишь о насущном. Для настоящих прозрений у нее просто не хватает ума.

Башенные часы пробили три.

Если отец вообще заметил, что Бастиан не вернулся домой, то это случилось теперь. Может, он беспокоится и вышел из дому на поиски? Может, сообщил в полицию? Может, по радио объявили розыск? У Бастиана засосало под ложечкой.

Где же они будут искать? В школе? На чердаке?

На улице стало темнеть. Свет, лившийся из слухового окна, постепенно слабел.

Бастиан немножко походил по чердаку и обнаружил кое-что, никак не связанное со школь-

ным хозяйством: измятый граммофон, несколько старых, потемневших картин в золоченых рамах, с этих картин строго глядели бледные лица; подсвечник с семью восковыми огарками. В углу что-то шевельнулось, Бастиан замер и только потом рассмотрел в темноте тусклое зеркало, в котором он отражался. Подойдя ближе и разглядев себя, радости он получил мало: толстый, лицо бледное, ноги коленками внутрь. Он помотал головой и вслух сказал:

— Нет!

Потом вернулся к своим гимнастическим матам. Теперь, чтобы читать дальше, ему приходилось держать книгу совсем близко к глазам.

— На чем мы остановились? — спросил Энгивук.

— На воротах Великой Загадки, — напомнил ему Атрей.

— Правильно! Допустим, тебе удалось пройти сквозь них. Тогда — и только тогда — ты увидишь вторые ворота — Волшебного Зеркала. Как я уже говорил, сам я ничего не видел, а пользуюсь лишь сообщениями других. Эти ворота настолько же открыты, насколько закрыты. Звучит безумно, не так ли? Может, лучше будет сказать, что они ни открыты, ни закрыты. Хотя от этого понятнее не становится. Короче: там что-то вроде зеркала, но не из стекла и не из металла. А из чего, никто не смог мне объяснить. Когда стоишь перед ним, видишь себя самого, но не так, как в обычном зеркале. Видишь не внешность, но истинную свою суть. И кто хочет пройти сквозь ворота, должен, так сказать, ступить в самого себя.

— По крайней мере, эти ворота пройти легче, чем первые, — заметил Атрей.

— О, это заблуждение! — Энгивук принялся взволнованно ходить взад-вперед. — Страшное заблуждение, мой друг! Именно те посетители, которые считали себя безупречными, с ужасом бежали прочь от чудовища, которое видели в зеркале. Некоторых нам приходилось неделями лечить и приводить в чувство, прежде чем они могли отправиться домой.

— «Нам приходилось»! — передразнила ворчливая Ургл, проходя мимо с новым ведерком. — Интересно, кого это ты лечил?

Энгивук отмахнулся от нее.

— Другие, — продолжал он, — увидев собственное безобразие, смогли мужественно перешагнуть его. Для кого-то это было легче, для кого-то труднее, но ни одному не обошлось даром.

— Хорошо, — сказал Атрей. — Но все-таки пройти сквозь эти ворота МОЖНО?

— Можно-то можно, — подтвердил гном, — на то они и ворота, логично?

— Но ведь их можно и обойти снаружи? — спросил Атрей. — Или нет?

— Можно, — повторил Энгивук, — еще как! Но тогда позади ворот не будет ничего. Третьи ворота появляются, только если пройти сквозь вторые, сколько же можно повторять одно и то же!

— Ну, а это что за ворота?

— С третьими еще сложнее. Ворота Без Ключа заперты. И нет ни ручки, ни замочной скважины, ничего! По моей теории, эта дверь сделана из фантастического селена. Не знаю, известно ли тебе, что нет ничего, чем фантастический селен можно было бы разрушить, даже просто поцарапать или погнуть. Он абсолютно не поддается обработке.

— Значит, через эти ворота вообще нельзя пройти?

— Без спешки, мой мальчик! Некоторые проходили и беседовали с Уиулалой, так? Значит, ворота можно открыть.

— Но как?

— Слушай: фантастический селен реагирует на наше желание. Именно наша воля делает этот материал таким неподатливым. Чем больше хочется войти, тем крепче запор. Но кому удается отрешиться от себя самого и от всех своих намерений, перед тем воля судьбы открывает эти ворота.

Атрей опустил взгляд и тихо произнес:

— Если это так, то мне никогда не пройти. Как я могу не хотеть?

Энгивук со вздохом кивнул.

— Я же говорил: ворота Без Ключа — самое трудное.

— Но если бы, предположим, это удалось, то я очутился бы в Южном Оракуле?

— Да.

— И смог бы поговорить с Уиулалой?

— Да.

— И кто же это или что — Уиулала?

— Понятия не имею, — сказал гном и разъярился. — Никто из всех, побывавших у нее, не хотел мне это открыть. И как можно продолжать научные исследования, если все окутано такой тайной? Хоть волосы на себе рви! Если тебе удастся проникнуть, Атрей, хоть ты-то мне расскажи, а? Я просто изнемогаю от любопытства, и никто, никто не хочет мне помочь. Пожалуйста, пообещай мне, что все расскажешь!

Атрей встал и поглядел в сторону ворот Великой Загадки, что виднелись в свете полной луны.

— Не могу тебе этого обещать, Энгивук, — тихо произнес он. — Хотя я был бы счастлив отблагодарить тебя за добро. Но если никто не мог

рассказать тебе, кто это или что — Уиулала, значит, этому есть причина. И пока я не знаю ее, я не могу давать тебе слово.

— Ну и отправляйся! — рассердился гном, и из глаз его на самом деле посыпались искры. — Всюду одна черная неблагодарность! Жизнь тратишь, чтобы научно исследовать тайну — ради вас же! — а помощи никакой!

Он убежал в пещерку, и оттуда послышалось гневное хлопанье дверей.

Ургл подошла к Атрею:

— Не обращай внимания на этого мудреца с его исследованиями! Очень уж ему хочется быть первооткрывателем великой тайны. Знаменитый гном Энгивук! Как же! Не обижайся на него!

— Скажи ему, — попросил Атрей, — что я от всего сердца благодарен ему за все, что он сделал для меня. И тебе большое спасибо. Если можно будет, я открою ему тайну — если, конечно, вернусь.

— Ты уже покидаешь нас?

— Надо. Я не могу терять время. Прощай! И береги Фухура.

Ургл сначала смотрела, как его фигурка в пурпурном плаще удаляется в сторону ворот Великой Загадки, потом побежала за ним, крича вдогонку: «Удачи тебе, Атрей!» — но не знала, услышал ли он ее. Возвращаясь в пещерку, Ургл бормотала себе под нос:

— Да, удача ему понадобится.

Атрей приблизился к каменным воротам на расстояние шагов в пятьдесят. Они были много выше, чем казались издали. Позади них простиралась пустая равнина. Перед воротами и между колонн валялось множество черепов и скелетов — останки разнообразных существ Фанта-

зии, пытавшихся пройти сквозь взгляд сфинксов, но пригвожденных этим взглядом навеки.

Много Атрей повидал за время своего Великого Поиска. Он видел прекрасное и ужасное, но до сего часа еще не видел, чтобы прекрасное и ужасное так соединялись и чтобы красота повергала в ужас.

Оба громадных сфинкса были залиты лунным светом, и пока Атрей медленно приближался, они, казалось, возносились все выше, до самой луны. Выражение, с каким они глядели друг на друга, менялось с каждым его шагом. По их телам, а еще больше по их человеческим лицам пробегали токи страшной, невиданной силы — будто они не стояли тут неподвижно, как мраморные статуи, а каждое мгновение исчезали и одновременно возрождались сами из себя.

Ужас охватил Атрея.

Не страх перед опасностью, а благоговейный ужас перед непостижимым и непомерно великим. Шаги его становились все слабее. Он похолодел и отяжелел, как свинец, но все же шел дальше, опустив голову и продвигаясь вперед очень медленно, как в толще воды. Он не знал, открыты ли глаза сфинксов. Он не смотрел больше вверх — зачем? Ведь выбора нет. Или он пройдет через ворота или на этом месте закончится его Великий Поиск.

И как раз в тот момент, когда ему казалось, что силы кончились и нет возможности сделать хотя бы еще один шаг, он услышал, как звуки гулко отдались в пространстве между колонн. И в тот же миг страх отпустил его, и он понял, что отныне не устрашится уже ничего — что бы ни встретилось ему на пути.

Он поднял голову и увидел, что ворота Вели-

кой Загадки остались позади. Сфинксы пропустили его.

Перед ним шагах в двадцати на том месте, где только что была пустая равнина, стояли ворота Волшебного Зеркала. Большие, круглые, как луна, они отливали серебром. Трудно было поверить, что сквозь эту плотную поверхность можно пройти, но Атрей не медлил и не колебался. Он готовил себя к тому, что увидит в зеркале нечто жуткое. Но то, что возникло перед ним, оказалось не стоящим внимания: толстый мальчишка с бледным лицом, примерно его лет, который сидел, поджав ноги, на гимнастических матах и читал книгу, завернувшись в рваное серое одеяло. Глаза мальчишки были большими и печальными. Позади него в сумерках виднелись какие-то неподвижные животные: орел, сова и лисица, а еще дальше мерцало что-то похожее на белый скелет.

Бастиан вздрогнул: да ведь это же он сам! Описание совпадало во всех подробностях. Книга задрожала в его руках. Кажется, дело слишком далеко зашло. Но ведь невозможно же, чтобы в книге было напечатано то, что происходит сейчас. Ведь любой другой читатель прочел бы те же самые слова! Это только случайное совпадение. Хотя в высшей степени странное.

— Бастиан, — сказал он вслух сам себе, — ты и в самом деле чокнутый. Возьми себя в руки! — Но голос его дрожал, он не был уверен, что это только совпадение.

«Если представить, что они там в Фантазии действительно что-то знают обо мне... Вот это было бы да-а...»

Но произнести это он не посмел, только подумал.

Улыбка легкого удивления пробежала по губам Атрея, когда он шагнул прямиком в зеркало. Почему ему так легко удалось то, что для других было серьезным препятствием? Но когда он проходил сквозь зеркало, он почувствовал вдруг странную дрожь. Однако не успел понять, что с ним произошло, ибо, очутившись по другую сторону ворот Волшебного Зеркала, он потерял всякое воспоминание о себе самом, своей предыдущей жизни, о своей цели и намерениях. Он ничего больше не знал о Великом Поиске, и даже собственное имя не мог вспомнить. Он был как новорожденное дитя.

Всего в нескольких шагах перед собой он увидел ворота Без Ключа, но не вспомнил ни этого названия, ни того, что должен пройти сквозь них и попасть в Южный Оракул. Он вообще ничего не хотел и не знал, зачем находится здесь. Зато чувствовал себя легко, радостно и смеялся без причины. Ворота перед ним были маленькие и низкие — обыкновенная дверь. Она стояла сама по себе, с косяками, но без стен, и створка ее была закрыта. Она отливала медью, это было красиво, Атрей обошел дверь и поглядел на нее с другой стороны. Там она выглядела так же. И не было ни ручки, ни замочной скважины. Видимо, дверь не открывалась, да и зачем ее открывать, если она никуда не ведет.

Атрей решил уйти и повернулся к круглым воротам Волшебного Зеркала. Их он тоже обошел кругом, не понимая, для чего.

— Нет, нет, не уходи! — воскликнул Бастиан. — Вернись, Атрей! Тебе надо пройти в ворота Без Ключа!

Он вернулся к воротам Без Ключа, еще раз взглянул на медное поблескивание. Он стоял перед дверью, наклоняясь то влево, то вправо, и ему было хорошо. Он нежно погладил странный материал. Тот оказался теплым — как живой. И дверка приоткрылась, образовав щелочку.

Атрей заглянул туда и увидел нечто, чего раньше, когда он обходил дверцу сзади, не было. Он снова посмотрел наружу — ничего, кроме пустой равнины. Опять заглянул в щель — длинная галерея из бесчисленных высоких колонн. Дальше виднелись ступени, террасы и снова ступени — и целый лес колонн. Но никакой крыши над колоннами не было, только ночное небо.

Атрей шагнул за дверь и с удивлением оглянулся.

Башенные часы пробили четыре.

Слабый дневной свет, проникавший сквозь слуховое окно, постепенно померк. Стало слишком темно, чтобы читать. Последние страницы Бастиан осилил с трудом. Он отложил книгу.

Что же делать?

Наверняка тут должен быть электрический свет. Бастиан прошел в сумерках к двери и поискал выключатель. Но его не оказалось. Он достал из кармана коробок спичек (он всегда носил его с собой, потому что любил зажигать огонь), но спички отсырели, загорелась лишь четвертая. При ее слабом свете он осмотрел стены, но выключателя так и не нашел.

Такого он не ожидал. Мысль, что ему придется провести здесь вечер и ночь в полной темноте, не обрадовала его. Конечно, он уже не маленький и дома не боится темноты, но сидеть

на этом чердаке, полном таких странных предметов, — совсем другое дело.

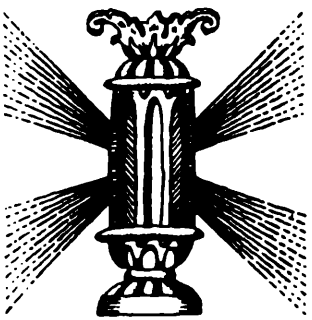
Пламя догоравшей спички обожгло ему пальцы, он отбросил ее.

Некоторое время Бастиан стоял и прислушивался. Дождь ослабел и едва слышно шелестел по железной крыше.

Потом он вспомнил про подсвечник, на ощупь пробрался к тому месту, где видел его, и вернулся со своей находкой к матам.

Он зажег все семь огарков, и тотчас все озарилось золотым светом. Пламя тихо потрескивало; Бастиан вздохнул и снова принялся читать.

Глава VII
ГОЛОС ТИШИНЫ



иво ступал Атрей среди леса колонн, счастливо улыбаясь. Колонны отбрасывали в лунном свете черные тени. Глубокая тишина окутывала его, Атрей едва слышал собственные шаги. Он больше не знал, кто он, как и зачем пришел сюда. Лишь беззаботно любовался: пол был вымощен плитками, мозаика их изображала загадочные орнаменты и таинственные картины. Атрей ступал по этим узорам, поднимался по широким лестницам, выходил на просторные террасы, снова спускался по ступеням и шагал по галерее колонн. Его занимало, что каждая колонна украшена на свой манер и расписана особыми знаками. Так он уходил все дальше от ворот Без Ключа.

Вдруг до него донесся странный колеблющийся звук. Звук приближался, то был поющий голос, очень красивый, словно колокольчик; чистый и нежный, как голос ребенка. Но он звучал бесконечно печально, а иногда даже, кажется, всхлипывал. Жалобная песня витала между ко-

лонн, проносилась, как дуновение ветерка, останавливалась, взмывала ввысь или опускалась к земле, удалялась, приближалась и кружила вокруг Атрея.

Он не шевелился и ждал.

Круги, которые описывали звуки, становились все уже, и вот он начал различать слова:

Наш мир бесконечен, и все в нем случится,
Но только однажды! Струясь и звеня,
Сейчас я пою и порхаю, как птица,
Но время промчится — не станет меня.

Атрей поворачивался вслед за голосом, который беспокойно летал между колонн, но никого не было видно.

— Кто ты? — крикнул он.

— Кто ты? — эхом отозвался голос.

— Кто я? — пробормотал Атрей и задумался. — Кажется, когда-то я это знал. Но разве это имеет значение?

Поющий голос отвечал:

Ты мог бы спросить меня, мальчик, о многом,
Но спрашивать должен рифмованным слогом.
Стихи лишь понятны уму моему,
Без ритма и рифмы я слов не пойму.

Атрей не горазд был сочинять стихи и понял, что беседа будет не из легких, коли голос понимает только рифмованные слова. Пришлось ему изрядно напрячься, прежде чем у него получилось:

Мои вопросы не просты.
Скажи сначала мне: кто ты?

И тотчас же голос ответил:

Ну вот теперь я понимаю
И твой вопрос я принимаю.

И пропел уже с другой стороны:

Во дворце глубокой тайны
Я витаю не случайно.
Слышишь голос тишины?
Вот зачем стихи нужны.
Кажется, я все сказала...
Звать меня Уиулала.

Голос становился то громче, то тише, но никогда не умолкал совсем. Даже если он не произносил слов или слушал обращенный к нему вопрос, все равно в воздухе длилось звучание. Когда звук стал медленно удаляться, Атрей побежал за ним вдогонку и спросил:

Куда ты уносишься, вдаль или ввысь?
Я видеть хочу. Ну постой, покажись.

Голос пронесся мимо его уха:

Услышать случалось
Меня иногда,
Но видеть — не видел
Никто никогда.
Ведь я не имела
Ни ног и ни рук,
И все мое тело —
Блуждающий звук.

— Значит, ты невидимка? — спросил он. Но не получил ответа и вспомнил, что должен спрашивать в рифму. «Слышать голос тишины — вот зачем стихи нужны!» — понял он, уже не замечая, что и думать стал стихами. А раньше Атрей совсем не представлял, зачем это надо «ходить на одной ноге да еще приплясывать через каждые четыре шага». Так говорил о стихах один седобородый старец, случайно зашедший однажды в страну зеленокожих охотников... Но это совсем другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

Дай еще один ответ,
Верно понял я иль нет,
Ты живешь, пока поешь,
Замолчишь — и ты умрешь?

Послышался тихий звон, который должен был означать смех или всхлипы, и потом голос пропел:

Да, я голос тишины.
Только тот меня и слышит,
Кто слова стихами пишет.
Над просторами страны
Я к нему тогда лечу...
Я живу, пока звучу.

Атрей дивился и следовал за голосом, плутая между колонн. Пока он готовил новый вопрос, голос продолжал петь:

Закончится песня, а жизнь еще длится
Лишь только у тех, кто имеет тела.
Ничто приближается, плохи дела.
Закончится песня — и жизнь прекратится.

И снова послышался всхлип, и Атрей, не понимая, почему Уиулала плачет, спросил:

До сих пор я не пойму:
Ты прекрасна, ты поешь.
Непонятно, почему
Ты исчезнешь, ты умрешь?

И снова отозвалось в гулком пространстве колоннады:

Не призналась, не сказала бы,
Я всего лишь песня жалобы.
Я бы пела — ты б жалел...
Но тебя ждет много дел.
Так что спрашивай скорей,
Что ты хочешь знать, Атрей?

Голос затухал где-то между колоннами, и Атрей, потеряв его, стал вертеть головой, прислу-

шиваясь. Какое-то время было тихо, потом снова послышалась песня, стремительно приближаясь, и почти нетерпеливо прозвучало:

Говори! Я лишь ответ!
Без вопроса песни нет.

Атрей пожал плечами и крикнул ей:

Ты поешь, а то молчишь...
Но куда ты так спешишь?

И голос пропел:

Повелительница наша
С каждым часом все больней.
Безнадежно, горько, страшно,
Мы погибнем вместе с ней.
Были хлопоты пустыми...
Мир наш вот на чем стоит:
Вновь придуманное имя
Королеву исцелит.
И тебе запомнить нужно:
За Фантазией, Атрей,
Существует мир наружный,
Племя там живет — людей.
От Адама и от Евы
Происходит этот род.
Имя Детской Королеве
Каждый раз лишь он дает.
Мы ж ни в радости, ни в гневе
Не поможем ей вовек,
Имя Детской Королеве
Может дать лишь человек.
Слишком сложен, слишком тонок
Труд спасения для нас.
Человеческий ребенок —
Вот кто нужен нам сейчас.
Лишь одни на белом свете
К жизни могут нас вернуть:
Человеческие дети...
К нам они забыли путь.
Перестали верить книгам,
А Фантазия за то
С каждым часом, с каждым мигом
Превращается в Ничто.

Какое-то время был слышен лишь жалобный стон без слов, потом Атрей торопливо сказал:

Мне позвать мальчишку нужно!
Как попасть мне в мир наружный?

Атрей прилагал все силы, чтобы запомнить все, что услышал. Это пение и разговоры в рифму утомили его, сморили в сон. Он плохо понимал, о чем говорит голос, но чувствовал, что все это очень важно запомнить, чтобы потом когда-нибудь выполнить. Голос Уиулалы отвечал:

Дорога для них и трудна и тревожна,
Для нас же с тобою она невозможна.

Голос удалялся, затихал, Атрей крикнул вдогонку:

Но что же мне делать, как быть, научи!
Куда ты уходишь? Постой, не молчи!

Снова послышалось всхлипывание:

Ничто приближается, срок уже вышел,
И ты был последним, кто голос мой слышал.

И потом из далекого далека к Атрею донеслось:

Наш мир бесконечен, и все в нем случится,
Но только однажды! Струясь и звеня,
Сейчас я пою и порхаю, как птица,
Но время промчится — не станет меня.

Больше Атрей не услышал ничего.

Он опустился на пол у колонны, прислонился к ней спиной, глянул в ночное небо и попытался понять все, что ему рассказали. Но тиши-

на окутала его, как мягкое, тяжелое одеяло, и он уснул.

А когда проснулся, его окружали холодные утренние сумерки. Гасли последние звезды. Голос Уиулалы все еще звучал в его памяти. И вдруг он разом припомнил все, что пережил до этого, и вспомнил о своем Великом Поиске.

Итак, теперь он знал, наконец, что делать. Только человеческий ребенок из мира по ту сторону Фантазии может дать Детской Королеве имя. Надо найти этого человеческого ребенка и привести к ней!

Нельзя терять ни минуты!

«Ах, — подумал Бастиан, — как бы я рад был помочь им. Я придумал бы самое красивое имя. Если бы знать, как попасть к Атрею! Я отправился бы туда сейчас же! Вот бы он удивился, окажись я вдруг перед ним! Но, увы, это невозможно. Или все-таки возможно?»

И потом он тихо произнес:

— Если есть дорога к вам, скажите. Я приду, Атрей! Слышишь?

Оглянувшись, Атрей увидел, что лес колонн с лестницами и террасами исчез. Вокруг простиралась пустынная равнина, которую он видел и раньше — перед тем как он входил в каждые из трех ворот. Но теперь не было ни ворот Без Ключа, ни ворот Волшебного Зеркала.

Вдруг он заметил посреди равнины, совсем недалеко от себя, такой же провал в Ничто, какой видел однажды в Ревучем лесу. На сей раз он был гораздо ближе к нему. Атрей вскочил и побежал прочь.

Он бежал долго, и вот уже и знакомые места:

нагромождения горных плит, но только теперь они были не красные, а серые или бесцветные. А вон и ворота Великой Загадки, но верхней плиты на них уже нет.

Что произошло?

Подбегая ближе, он увидел, что верхняя плита, обрушившись, разбилась на куски, а сфинксы исчезли! Неужто, пока он спал, тут было землетрясение?

Атрей взобрался на холм, чтобы издали разглядеть то место, где он оставил Двоежителей и везучего дракона. Неужто и их поглотило всепожирающее Ничто?

К счастью, нет. Крохотное знамя над обсерваторией Энгивука по-прежнему развевалось на ветру. Атрей замахал руками и закричал, сложив ладони рупором:

— Эй! Вы еще здесь?

Лишь только смолк его голос, как из ущелья, где была пещера Двоежителей, поднялся переливающийся перламутром белый дракон везения Фухур.

Царственными медленными изгибами он плыл по воздуху, напоминая змеящееся белое пламя, несколько раз он перевернулся от восторга, молниеносно описав петлю, а потом приземлился на горном уступе, где стоял Атрей. Опершись на передние лапы, он наклонил голову, радостно вращая рубиново-красными глазами, и прогудел своим бронзовым голосом:

— Атрей! Как хорошо, что ты вернулся! Мы уже потеряли надежду — то есть Двоежители, я-то нет!

— Я тоже рад снова видеть тебя, — отвечал Атрей. — Но что тут произошло за эту ночь, пока меня не было?

— За эту ночь? — воскликнул Фухур. — Ты

полагаешь, что прошла всего одна ночь? Ты сейчас удивишься! Садись на меня, летим!

Атрей вспрыгнул ему на спину. Впервые он сел верхом на везучего дракона. И хотя ему приходилось укрощать диких лошадей, в первые минуты полета у него заложило уши. Он вцепился в гриву Фухура, и тот рассмеялся:

— Придется привыкать, Атрей!

— Сдается мне, — крикнул Атрей в ответ, — что ты уже вполне здоров!

— Почти. Еще не совсем.

И они приземлились у входа в пещерку Двоежителей. Энгивук и Ургл поджидали их, стоя рядышком.

— Ну, что тебе удалось узнать? — нетерпеливо накинулся на Атрея Энгивук. — Ты должен мне все рассказать! Как с воротами? Подтвердились ли мои теории? А Уиулала — кто это или что?

— Ни слова больше! — перебила его тетушка Ургл. — Вначале поесть. Что, зря я пекла и варила? На твое пустое любопытство еще будет время.

Атрей сошел на землю и приветствовал Двоежителей. Все присели к столику, уставленному вкусными кушаньями и чашками с травяным чаем.

Башенные часы пробили пять.

Бастиан с тоской вспомнил о двух плитках шоколада, что припрятаны у него дома в тумбочке на тот случай, если ночью проголодается. Если бы он мог предвидеть, что никогда больше не вернется туда, уж он прихватил бы этот шоколад с собой. Но теперь ничего не поделаешь. Лучше не думать об этом.

Фухур улегся так, что его мощная голова оказалась рядом с Атреем, и он мог участвовать в беседе.

— Представьте себе, — сказал он, — Атрей думает, что пробыл там всего одну ночь!

— А разве не так? — спросил Атрей.

— Семь дней и ночей! — сказал Фухур. — Посмотри, за это время зажили все мои раны!

Только теперь Атрей заметил, что и его собственная рана зажила. Травяная повязка отпала. Он удивился:

— Как же это возможно? Я прошел через трое заколдованных ворот, потом я говорил с Уиулалой, потом заснул — но не мог же я столько проспать!

— Пространство и время там, — сказал Энгивук, — видимо, несколько иные, чем здесь. Тем не менее, так долго, как ты, в Оракуле не пробыл еще никто. Что же там произошло? Рассказывай наконец!

— Сперва я хотел бы узнать, что произошло здесь!

— Сам видишь, — сказал Энгивук, — краски исчезли, все становится прозрачным, и ворот Великой Загадки больше нет. Похоже, началось уничтожение.

— А сфинксы? Куда подевались они? Улетели? Вы это видели?

— Мы ничего не видели, — пробормотал Энгивук. — Мы-то надеялись, ты нам что-нибудь объяснишь. Верхняя плита обрушилась, но никто из нас не видел и не слышал этого. Я даже сходил туда и осмотрел обломки. И знаешь, что оказалось? Развалины — древние, уже мхом поросли, как будто столетия здесь пролежали, как будто ворот Великой Загадки не было и в помине.

— Но ведь они были, — тихо сказал Атрей. — Ведь я проходил сквозь них и потом сквозь ворота Волшебного Зеркала и ворота Без Ключа.

И Атрей рассказал все, что пережил. Он без усилий припомнил все подробности. Энгивук, который вначале задавал уточняющие вопросы, становился все молчаливее. И когда Атрей почти слово в слово повторил все, что открыла ему Уиулала, он окончательно замолк. На его морщинистом личике отразилась глубокая скорбь.

— Теперь ты знаешь тайну, — заключил Атрей, — которой тебе так недоставало. Уиулала — существо, состоящее из одного голоса. Ее образ только слышим. Она там, где она звучит.

— БЫЛА там, ты хочешь сказать, — хрипло выдавил Энгивук.

— Да. По ее словам, я последний, с кем она говорила.

По сморщенным щекам Энгивука покатились две слезинки.

— Все напрасно, — вздохнул он, — вся работа моей жизни, мои исследования, мои многолетние наблюдения — все тщетно! Только получил, наконец, последние данные для завершения научного труда — и, как назло, теперь это не стоит выеденного яйца, потому что самого предмета больше не существует!

Он затрясся от рыданий, тетушка Ургл сочувственно погладила его лысый череп и пробормотала:

— Бедный старый Энгивук! Не надо так сокрушаться! Найдем что-нибудь другое.

— Женщина! — запыхтел Энгивук, сверкая глазами. — То, что ты видишь перед собой, вовсе не «бедный старый Энгивук», а трагическая личность!

И, как это уже бывало, он убежал в пещерку и сердито захлопал там дверьми.

— Он славный старик, но, к сожалению, совсем сумасшедший, — вздохнула тетушка Ургл. — Пойду паковать вещи. Много нам не унести, но хоть кое-что.

— Вы хотите уйти отсюда? — спросил Атрей.

— А что нам еще остается? Где началось уничтожение, там больше ничего не растет. Да и моему старику нет больше смысла оставаться здесь. А вы? Что будете делать вы?

— Я должен делать то, что сказала Уиулала, — отвечал Атрей. — Искать человеческого ребенка, чтобы привести его к Детской Королеве.

— Где же ты будешь его искать?

— Сам не знаю. По ту сторону Фантазии.

— Нам все удастся, — прозвенел голос Фухура. — Вот увидишь.

— Мы поможем вам переехать! — предложил Атрей.

— Этого мне еще не хватало! — ответила тетушка Ургл. — В жизни никогда не летала по воздуху. Порядочные гномы держатся земли. Да и вам надо спешить: ваше дело поважнее — для всех нас.

— Но я хотел бы как-то отблагодарить вас, — сказал Атрей.

— Лучше всего ты сделаешь это, если не будешь терять попусту время!

— Она права, — сказал Фухур. — Идем, Атрей!

Атрей вскочил на спину везучего дракона и обернулся, чтобы проститься, но Ургл была уже в пещерке. Спустя несколько часов они с Энгивуком вышли наружу, нагруженные вещами, и заковыляли прочь от пещерки на своих маленьких ножках, не оглядываясь и увлеченно ругаясь между собой.

Впрочем, Энгивук впоследствии даже прославился — правда, вовсе не из-за научных изысканий. Но это уже другая история, и мы расскажем ее как-нибудь в другой раз.

В то время, когда Двоежители отправились в путь, Атрей с Фухуром были уже далеко от этого места.

Бастиан невольно поднял голову к слуховому окну и представил — что, если бы вдруг в этом небе, уже совсем потемневшем, он увидел сейчас белого везучего дракона — ах, если б они прилетели сюда и взяли его с собой!

— Да! — вздохнул он. — Вот было бы здорово!

Он поможет им — а они ему. Это было бы спасением для всех.

Глава VIII
В СТРАНЕ ПРИВИДЕНИЙ

Замирая от скорости, Атрей летел на Фухуре все дальше. Его красный плащ реял за ним, как знамя. Черные волосы трепетали за плечами. Фухур, белый везучий дракон, волнообразными движениями скользил по небу сквозь туман и клочья облаков.

Вверх и вниз, вверх и вниз, вверх и вниз...

Как давно они были в пути? Дни, ночи и снова дни — Атрей потерял им счет. Дракон мог лететь даже во сне, и Атрей временами впадал в дремоту, крепко вцепившись в белую гриву, — но это был беспокойный сон.

Внизу, под ними, тянулись горные цепи, страны, моря, острова и реки. От усталости Атрей уже не замечал их и больше не торопил дракона, как вначале, когда полагал, что по воздуху будет не так уж трудно достичь границ Фантазии, а потом и внешнего мира.

Он просто не знал, как велика Фантазия.

Время от времени он собирал всю свою волю, выпрямлялся и напрягал зрение, озирая ок-

рестности, но скоро опять тонул в полузабытьи и только видел перед собой сверкающие чешуинки на драконьей спине, переливающиеся розовым и белым перламутром. Дракон тоже устал. Даже его силы, которые, казалось, были неистощимы, подошли к концу.

Не раз уже им попадались места, проглоченные уничтожением, на которые нельзя было смотреть без ощущения слепоты. Были провалы небольшие, но были и огромные, как целые страны, протянувшиеся до самого горизонта. С замиранием сердца они облетали эти места.

Но привыкаешь даже к ужасному, если оно повторяется. И хоть провалы в Ничто становились все больше, Фухур и Атрей уже начали к ним привыкать. А может, то было безразличие усталости.

Они давно уже молчали, подавленные этой усталостью, но однажды Фухур подал голос:

— Атрей, господин мой, не будет ли разумнее повернуть назад?

— Повернуть назад? Куда? — не понял полусонный Атрей.

— К Башне Слоновой Кости. К Детской Королеве.

— Ты считаешь, мы можем явиться, не выполнив задания?

— Ну, я бы так не сказал. В чем состояло задание, Атрей?

— Я должен был узнать причину болезни и средство исцеления.

— Но добыть это средство — уже не твоя задача! Может быть, мы совершаем ошибку, пытаясь пересечь границу Фантазии и отыскать человеческого ребенка.

— Я не пойму, к чему ты клонишь, Фухур? Скажи прямо.

— Детская Королева смертельно больна, — сказал дракон, — потому что ей нужно новое имя. Об этом тебе поведала древняя Морла. Но дать это имя могут только человеческие дети из внешнего мира. Это открыла тебе Уиулала. Значит, твое задание выполнено, и мне кажется, ты должен скорее сообщить об этом Детской Королеве.

— Но что пользы, — воскликнул Атрей, — если я лишь сообщу это и не приведу с собой человеческого ребенка, который ее спасет?

— Ты не можешь этого знать. У нее куда больше силы, чем у нас с тобой. Может, ей ничего не стоит призвать к себе человеческого ребенка. Может, у нее есть для этого пути, не ведомые больше никому в Фантазии. Но сперва она должна узнать то, что знаешь пока ты один. И если все это так, мы совершаем не только бессмысленный Поиск. Вдруг она умрет, а ведь мы могли бы ее спасти, вовремя вернувшись!

Атрей молчал. С одной стороны, дракон был прав. Но с другой стороны... Что, если в ответ на его сообщение она скажет: зачем мне все это? Если бы ты привел ко мне спасителя, я бы выздоровела. А теперь уже поздно посылать за ним.

Атрей не знал, как поступить. И он устал, страшно устал, чтобы прийти к какому-нибудь решению.

— Знаешь, Фухур, ты, может быть, прав, а может, и нет. Давай пролетим еще немного. Если границы не будет, повернем назад.

— «Еще немного» — это сколько? — спросил дракон.

— Несколько часов, — пробормотал Атрей, — да что там, ОДИН час.

— Хорошо, — отвечал Фухур. — Значит, еще один час.

Но этого часа оказалось даже слишком много.

Они не обратили внимания, что небо на севере потемнело от туч. На западе оно пылало кровавыми полосами, предвещая беду. С востока надвигалась свинцовая буря, гоня впереди себя рваные тучи. А с юга тянулась серо-желтая хмарь, в которой сверкали молнии.

— Кажется, мы попали в грозу, — сказал Фухур. — Надо бы поискать укрытие. Если это то, чего я боюсь, в небе нам не удержаться.

— А чего ты боишься? — спросил Атрей.

— Это могут оказаться Четыре Ветра, которые хотят в очередной раз помериться силами. Они все время спорят, кто сильнее и кому главенствовать над остальными. Для них это просто игра, но горе тому, кто во время их спора окажется поблизости.

— А ты не можешь взлететь повыше?

— За пределы их досягаемости? Нет, так высоко мне не подняться. А внизу, насколько хватает глаз, только море, и спрятаться негде.

— Тогда ничего не остается, как подождать их, — решил Атрей. — Кстати, я расспрошу их кое о чем.

— Что-что? — с ужасом переспросил дракон и точно споткнулся в воздухе.

— Если это Четыре Ветра, они знают всю Фантазию вдоль и поперек. Никто не укажет нам дороги лучше их.

— Силы небесные! — воскликнул дракон. — Ты думаешь, что с ними так вот запросто можно болтать?

— Как их зовут?

— Северный зовется Лирр, восточный Бау-

рео, южный Ширк, а западный Майестрил, — ответил Фухур. — Но ты-то, Атрей, ведь ты всего лишь маленький мальчик, почему же ты совсем не боишься?

— Когда я прошел ворота сфинксов, я потерял страх. Кроме того, на мне знак Детской Королевы. Все существа Фантазии признают его. Почему бы его не признать и Четырем Ветрам?

— О, признать-то они признают! — воскликнул Фухур. — Но они такие тупые, их не удержишь, когда они разбушуются, а это значит, что... ну да сам увидишь.

Между тем грозовые облака со всех четырех сторон сошлись, образовав гигантскую воронку. Она закручивалась все быстрее, так что желтизна, чернота, свинцовая серость и кровавая краснота перемешались. Атрей с драконом очутились посреди этой воронки, их закрутило, как соринку в вихре. И тут он увидел Четыре Ветра.

Казалось, они состояли из одних лиц, ибо тела их были так переменчивы и так переплелись в пылу битвы, что одно от другого было не отличить. Да и лица постоянно менялись, то надуваясь, то вытягиваясь. Ветры раскрывали рты и кричали, ревели, выли и хохотали. Дракона с наездником они не заметили вовсе — словно то были мелкие мошки.

Атрей выпрямился на спине Фухура, схватился за амулет на груди и крикнул как можно громче:

— Именем Детской Королевы, замолчите и слушайте!

И произошло невероятное! Ветры как будто онемели, рты их захлопнулись, и восемь выпученных глаз уставились на АУРИН. Воцарилась тишина.

— Отвечайте мне! — крикнул Атрей.

— Где границы Фантазии? Лирр!

— На севере их нет, — отвечало черно-тучевое лицо.

— Баурео!

— На востоке их тоже нет, — отвечало свинцово-серое.

— Говори ты, Ширк!

— На юге нет границ, — отвечало желтое лицо.

— На западе их нет,— ответил и огненно-красный Майестрил.

И потом сказали все четверо в один голос:

— Что же ты, носишь знак Детской Королевы, а сам не знаешь, что Фантазия безгранична?

Атрей был потрясен. Он и думать не мог, что границ нет вообще. Значит, все было напрасно.

Он не заметил, как великаны возобновили битву. Порывом бури дракона потянуло вверх, и Атрей вцепился ему в гриву. Молнии грозили им со всех сторон, их носило по кругу в гигантской воронке, а потом они чуть не захлебнулись в потоках ливня. Попали в палящий жар и чуть не сгорели, тут же очутились в градовой туче с острыми кусочками льда, затем их снова всосало наверх, крутило и мотало — Четыре Ветра беспощадно бились за верховенство.

— Держись! — крикнул Фухур, почувствовав сильный толчок, но было поздно. Атрей уже падал вниз. Он падал и падал и больше не помнил ничего.

Очнулся Атрей на мягком песке. Слышался шум волн. Значит, его выбросило на морской берег. Стоял серый, мглистый день, море было спокойно, и ничего не говорило о том, что совсем недавно тут бушевала битва Ветров. А может, его унесло слишком далеко? Пляж был ровный — ни скал, ни холмов, лишь редкие заросли

скрюченных деревьев, похожих на когтистые лапы.

Атрей поднялся. В нескольких шагах валялся его красный плащ. Он набросил его на плечи, с удивлением обнаружив, что плащ высох.

Значит, он пролежал на берегу довольно долго.

Как он здесь очутился? Почему не утонул?

Некое смутное воспоминание колыхнулось в нем — о руке, которая несла его, всплыли странные поющие голоса: бедный мальчик, славный мальчик! Держите его, не дайте ему погибнуть!

А может, то был шорох волн.

Или морские нимфы? Или водяные? Может, они увидели АУРИН и спасли его? Он невольно коснулся груди — АУРИН исчез!

— Фухур! — закричал Атрей громко, как мог. Он стал бегать туда и сюда, крича на все лады: — Фухур! Фухур! Где ты?

Ответом был безучастный, неспешный шорох волн на песке.

Кто знает, куда унесли дракона могучие Ветры! Может, его уже нет в живых. Теперь Атрей больше не наездник дракона и не посланник Детской Королевы — он теперь никто. Совершенно беспомощный маленький мальчик.

Башенные часы пробили шесть.

Снаружи совсем стемнело, дождь кончился. Бастиан глядел на пламя свечей. Потом вздрогнул, будто расслышав чье-то дыхание. Он замер и прислушался. За пределами освещенного круга простирался громадный темный чердак.

Разве не отдались тихие шаги на лестнице? Разве не повернулась медленно ручка двери?

Снова скрипнули половицы. Может, и здесь водятся привидения?..

— Откуда, — сам себе тихонько возразил Бастиан. — Привидений не бывает, это все болтовня.

Но тогда откуда столько историй про них?

Может, тот, кто говорит, что привидений не бывает, просто боится их накликать?

Атрей плотно укутался в свой плащ и зашагал прочь от берега. Ландшафт, сколько было видно сквозь туман, не менялся, оставаясь плоским и монотонным, разве что среди редких скрюченных деревьев мелькнут кусты — будто сделанные из проволоки и ржавой жести. О них можно было пораниться.

Примерно через час Атрей добрался до булыжной мостовой. Куда-нибудь эта дорога должна его привести. Но гораздо удобнее, чем по горбатым неровным камням, оказалось шагать по пыли рядом с дорогой.

Дорога петляла, без причины сворачивая то влево, то вправо, — хотя на пути не было ни холма, ни речки, которые надо огибать. Похоже, в этом краю все было вкривь и вкось.

Атрей прошагал совсем недолго, как вдруг различил вдали странный шум и топот. Приближался глухой барабанный бой, пронзительный писк свирелей и звон бубенцов. Атрей спрятался за дерево у края дороги.

Из тумана возникли первые фигуры. Похоже, они плясали, но это не был танец веселья и радости. Они подпрыгивали, делали бессмысленные скачки, катались по земле, ползали на четвереньках, кувыркались, хрипели и кашляли — словом, вели себя, как безумные.

Шествию, казалось, не будет конца. Атрей видел лица танцующих, они были серые, как зола, пот струился по ним, глаза поблескивали дико и воспаленно. Некоторые хлестали себя бичами.

«Сумасшедшие», — подумал Атрей, и от ужаса мурашки пробежали у него по спине.

Большая часть шествия состояла из ночных альбов, кобольдов и призраков. Были здесь вампиры и ведьмы, горбатые и козлобородые — видимо, Атрей попал в область Фантазии, населенную всякой нечистью. Если бы на нем был АУРИН, он не колеблясь вышел бы навстречу, чтобы спросить, что тут происходит. Но без АУРИНА он предпочел оставаться в укрытии до тех пор, пока процессия не прошла мимо и последние фигуры, прыгая и пошатываясь, не исчезли в тумане.

Только тогда он выбрался на дорогу и поглядел им вслед. Не пойти ли за ними? Он не знал, должен ли теперь что-нибудь делать.

Впервые Атрей почувствовал, как беспомощен он без амулета Детской Королевы. Дело даже не в защите, которую он имел прежде. Пока с ним был АУРИН, он твердо знал, что делать. Знак вел его, как тайный компас. Теперь его никто не вел, и он отправился вслед процессии, лишь бы не стоять на месте.

Эх, почему он не послушался Фухура, когда тот хотел вернуться к Детской Королеве? Он передал бы ей послание Уиулалы и возвратил АУРИН. А без амулета и без Фухура ему уже никогда не достичь Детской Королевы. Она будет ждать его до своего последнего часа, будет надеяться и верить, что он принесет Фантазии спасение, — и все напрасно!

Но еще хуже казалось ему то, что он узнал от

Четырех Ветров: у Фантазии нет границ. А раз выйти за пределы Фантазии невозможно, то и позвать на помощь человеческого ребенка нельзя. Именно потому, что Фантазия бесконечна, ее конец теперь неотвратим.

Спотыкаясь на горбатых булыжниках, бредя сквозь клочья тумана, он вспомнил еще раз голос Уиулалы. И крохотная искорка надежды вдруг затеплилась в нем. Было и в прежние времена так, что в Фантазию приходили люди, чтобы дать Детской Королеве имя — и она выздоравливала. Значит, есть какой-то путь из одного мира в другой!

Дорога для них и трудна и тревожна,
Для нас же с тобою она невозможна.

Да, именно так сказала Уиулала. Но, может, люди позабыли этот путь? Неужели ни один из них не вспомнит? Как позвать его сюда?

— Да! Да! — вскричал Бастиан, но испугался собственного голоса и тихо добавил: — Я пришел бы к вам на помощь, если бы знал как! Я не знаю дороги, Атрей! Я действительно не знаю ее.

Приглушенный бой барабана и свистки стихли, и тут только Атрей заметил, что чуть было не ткнулся носом в самый хвост процессии. Хорошо еще, что у него бесшумная охотничья поступь и мягкие сапоги. Впрочем, будь он хоть в кованых сапогах, никому не было до него дела.

Вся нечисть разбилась на кучки и беспорядочно топталась на поле. Одни бестолково слонялись, другие стояли неподвижно или сидели,

но все их воспаленно горящие взгляды были устремлены в одну сторону.

Атрей проследил, куда они глядели с таким мрачным восхищением: в той стороне поля было Ничто.

Такое же, какое он видел с верхушки дерева в Ревучем лесу или на равнине Южного Оракула или со спины Фухура с высоты — но впервые Ничто стояло так близко перед ним, наползая медленно и неудержимо.

От близости Ничто призраки на поле стали судорожно кривиться, изгибаться, рты их открывались, будто они хотели крикнуть или засмеяться, но мертвая тишина царила кругом. И вдруг — как осенние листья, подхваченные порывом ветра, — все разом они устремились в Ничто — прыгая, кружась и падая.

Едва исчез последний из этой беззвучной толпы, как Атрей с ужасом почувствовал, что собственное его тело медленно продвигается в ту же сторону. Непреодолимое влечение прыгнуть туда вслед за всеми едва не победило его. Атрей собрал все силы, чтобы удержаться на месте. С великим трудом ему удалось отвернуться и шаг за шагом, будто преодолевая мощное водное течение, пробраться вперед. Тяга стала постепенно слабеть, и Атрей побежал. Он бежал быстро, как только мог, по горбатым камням дороги. Он спотыкался, падал, вскакивал и снова бежал, не размышляя, куда выведет его эта дорога.

Он послушно следовал ее безумным поворотам и остановился только тогда, когда перед ним из тумана выросла черная городская стена. Позади нее громоздились покосившиеся башни. Деревянные створки ворот прогнили и криво висели на ржавых петлях.

Атрей вошел в этот город.

На чердаке становилось все холоднее. Бастиан начал дрожать.

А вдруг он заболеет — что тогда? Он мог, к примеру, подхватить воспаление легких, как это было с Вилли, мальчиком из их класса. И тогда он умрет здесь, на чердаке, один, и никто не придет спасти его.

Сейчас он бы даже обрадовался, если б отец разыскал его здесь.

Но самому отправиться домой — нет, уж лучше умереть!

Он накинул на себя все оставшиеся одеяла, подоткнул их со всех сторон и постепенно согрелся.

Глава IX
ГОРОД ПРИЗРАКОВ

знемогая от усталости, дракон Фухур летал над ревущими морскими валами, и голос его разносился, как гул бронзового колокола:

— Атрей! Где ты? Атрей!

Четыре Ветра давно уже покончили со своей битвой. Возможно, они собирались продолжить спор, который ведется у них с незапамятных времен, где-нибудь в другом месте. Непостоянство Ветров беспредельно. Они мгновенно забывают все, что с ними происходит. И уж, конечно, из их памяти совершенно выдуло всякое воспоминание о белом драконе и его маленьком наезднике.

Когда Атрей упал в пучину, Фухур ринулся за ним, чтобы подхватить на лету, но вихрь унес дракона ввысь, далеко от того места. Когда он вернулся, Четыре Ветра бесновались уже с другой стороны моря. Фухур отчаянно пытался определить, куда упал Атрей, но даже везучему дракону не под силу найти в кипящем море ту кро-

хотную точку, где тело коснулось воды, — даже если Атрей все еще на поверхности, а ведь он мог и утонуть.

Но Фухур не хотел сдаваться. Он поднимался вверх, чтобы дальше видеть, снова спускался к волнам, все расширяя круги, и не переставал звать Атрея.

Он ведь был везучий дракон, и ничто не могло развеять его веры в то, что все кончится хорошо.

— Атрей! — звенело над ревом волн. — Атрей, где ты?

Атрей шел по вымершим улицам покинутого города. Вид этого города был удручающ. В таких домах могли жить только привидения. Над улицами и переулками, такими же кривыми, как всё в этой стране, висели нити чудовищной паутины; запах мертвечины поднимался из подвалов и пустых колодцев.

Атрей шел не таясь. Ни в домах, ни на улицах не было ни малейшего шевеления. В некоторые дома он заглядывал, но находил там только рассыпавшуюся мебель, рваные занавески, разбитую посуду и осколки стекла. На одном из столов осталась недоеденная пища — несколько тарелок с черным супом и липкие куски, которые были когда-то хлебом. Он попробовал, вкус был отвратительный, но уж очень хотелось есть. В известном смысле он угодил сюда по справедливости: тут все соответствовало ему, утратившему всякую надежду.

Бастиан совсем ослаб от голода.

Именно в такой неподходящий момент ему вспомнился яблочный рулет, который пекла фрау Анна. То был лучший в мире яблочный рулет.

Фрау Анна приходила три раза в неделю, она помогала отцу, приводила в порядок домашнее хозяйство и что-нибудь готовила. Это была веселая женщина, но даже ей редко удавалось вызвать у отца улыбку. Но все же, когда она приходила, в доме становилось хоть немного веселее.

У фрау Анны была дочка Криста, на три года младше Бастиана, с чудесными белокурыми волосами. Раньше фрау Анна почти всегда приводила девочку с собой. Бастиан часами рассказывал ей свои истории, она сидела тихо, как мышка, и слушала, с восхищением глядя на Бастиана.

Но год назад фрау Анна отдала девочку в школу-интернат, Бастиан не мог ей этого простить, его не убеждали заверения, что для Кристы так будет лучше. И все же против ее яблочного рулета он устоять не мог.

Интересно, сколько может человек не есть? Три дня? Два? Может, уже через сутки начинаются галлюцинации? Бастиан посчитал на пальцах — оказалось, он пробыл здесь часов десять. Хоть бы у него был еще один бутерброд или яблоко!

В мерцающем свете свечей стеклянные глаза лисицы, совы и громадного орла казались живыми. Чучела отбрасывали на стены чердака огромные колеблющиеся тени.

Башенные часы пробили семь раз.

Атрей снова вышел на улицу и бесцельно побрел по городу. Он проходил кварталами, где все домики были маленькие и кривые, и кварталами из многоэтажных дворцов со скульптурными фасадами. Но скульптуры эти изображали либо скелеты, либо иную нечисть.

Вдруг он замер: где-то поблизости раздался хриплый вой, звучавший так безутешно, что у

Атрея дрогнуло сердце. Громкая эта жалоба длилась и длилась, многократным эхом отражаясь от стен все более удаленных домов. Это напоминало вой рассеянной стаи волков.

Атрей пошел на звук, пробрался в какие-то узкие ворота и попал в тесный мрачный дворик. Миновал еще одну арку и наконец очутился на сыром и грязном заднем дворе. Там, прикованный цепью к стене, лежал громадный, полудохлый от голода вервольф — волк-оборотень. Под его всклокоченной шкурой можно было пересчитать ребра, позвонки хребта торчали, как зубья пилы, и язык свисал из пасти.

Завидев Атрея, вервольф поднял могучую голову. В его глазах загорелись зеленые огоньки. Он потянул носом, будто пытаясь что-то припомнить. Его взволновал давно забытый запах. Но, так и не вспомнив, он снова опустил голову на землю и тихо прорычал:

— Уходи прочь! Дай мне спокойно издохнуть.

— Я услышал твой зов и пришел, — так же тихо ответил Атрей.

— Я никого не звал. Это был мой предсмертный стон.

— Кто ты? — Атрей подошел на шаг ближе.

— Я Гморк, вервольф.

— Почему ты прикован здесь?

— Они забыли меня, удирая.

— Кто — они?

— Те, кто посадил меня на цепь.

— Куда же они ушли?

Гморк не ответил. Он глядел на Атрея из-под прикрытых век, подстерегая каждое его движение. Вместо ответа он спросил:

— Ты нездешний, пришелец. Что ты здесь ищешь?

— Я не знаю, — Атрей опустил голову. — Как называется этот город?

— Это столица самого знаменитого края Фантазии, город Призраков. — Гморк не спускал с мальчика взгляда, удивляясь, что тот совсем не испытывает страха перед ним. — А ты кто такой?

— Теперь уже никто, — ответил Атрей, подумав.

— Что это значит?

— Это значит, у меня было дело, а теперь его нет. Поэтому я никто.

Вервольф слегка оскалился, что могло означать улыбку. Он знал толк в самых мрачнейших существах и исчадиях ночи и понимал, что имеет перед собой в некотором роде равного партнера.

— Что ж, — хрипло сказал он. — Кто услышал мой вой? Никто. Кто пришел ко мне? Никто. Кто говорит со мной в мой последний час? Никто. Все верно, так и должно быть.

Атрей кивнул. Потом спросил:

— Может ли Никто освободить тебя от твоей цепи?

В глазах вервольфа разгорелся зеленый огонь. Он стал учащенно дышать и скалиться.

— Ты что, действительно сделал бы это? — выдавил он из себя. — Ты мог бы освободить голодного вервольфа? Разве ты не знаешь, что это такое? Кто может быть уверен в своей безопасности рядом со мной? Никто.

— Правильно, я и есть Никто. Чего же мне бояться?

Он хотел подойти поближе к Гморку, но тот снова издал предостерегающий рык.

— Разве ты не хочешь, чтобы я освободил тебя?

Вервольф вдруг изможденно сник, разом угомонившись.

— Освободить меня ты не сможешь. Но если приблизишься ко мне, я разорву тебя на части, сынок. Чтобы хоть на несколько часов отсрочить смерть. Лучше оставь меня.

— Может, я найду тебе в городе какой-нибудь еды? — вслух размышлял Атрей.

Гморк снова открыл глаза, но зеленые огни в них погасли.

— Убирайся к черту, маленький идиот! Ты хочешь продлить мою жизнь до того часа, когда здесь воцарится Ничто?

— Я думал... если бы я принес тебе еды и ты немного насытился, тогда я смог бы к тебе подойти и снять с тебя эту цепь...

Гморк скрипнул зубами.

— Если бы это была обыкновенная цепь, неужели ты думаешь, что я не перегрыз бы ее! — Он рванул цепь зубами и снова отпустил. — Это заколдованная цепь. Власть над нею имеет только та, что приковала меня, но она никогда больше не вернется.

— Кто же это?

Гморк принялся скулить, как побитая собака, и долго не мог успокоиться.

— Это сделала Гайя, княгиня Мрака.

— И куда же она ушла?

— Она бросилась в Ничто — как и все остальные.

Атрей вспомнил пляшущих безумцев, которых видел за городом в тумане.

— Почему? — пробормотал он. — Почему они делали это?

— У них не осталось надежды. А это лишает сил. Ничто притягательно. Вы не можете противостоять ему, — Гморк злобно рассмеялся.

— Ты так говоришь, будто сам ты не один из нас.

Гморк снова окинул его своим долгим взглядом.

— Я не принадлежу к вам.

— Откуда же ты?

— Разве тебе не известно, что такое вервольф?

Атрей не знал.

— Ты видел только Фантазию, но существуют и другие миры. Например, человеческий. И есть создания, у которых нет ни родины, ни своего мира. Зато они могут перемещаться из одного мира в другой. К таким созданиям я и принадлежу. В человеческом мире я являюсь в образе человека, но я не человек. В Фантазии я принимаю фантастический облик, но я не один из вас.

Атрей медленно сел на землю и смотрел на умирающего вервольфа большими темными глазами.

— Значит, ты бывал в человеческом мире?

— Я часто странствовал между их миром и вашим.

— Гморк, — разволновался Атрей. — Не мог бы ты показать мне дорогу в человеческий мир?

В глазах Гморка снова вспыхнули зеленые огни, будто он рассмеялся.

— Для вашего брата путь туда очень прост. Есть только одна загвоздочка: назад ты не сможешь вернуться. Ты останешься там навсегда. Что, согласился бы?

— Что я должен для этого сделать? — решительно спросил Атрей.

— То же, что сделали здесь все остальные до тебя, сынок. Ты должен броситься в Ничто. Но

можешь не спешить, рано или поздно тебе придется сделать это, когда последние куски Фантазии исчезнут.

Атрей встал. Гморк заметил, что мальчик дрожит всем телом.

— Да ты не бойся, это совсем не больно!

— Я не боюсь. Я просто не ожидал, что именно здесь получу благодаря тебе новую надежду.

Глаза Гморка горели, как два адских угля.

— Для надежды у тебя нет никакого основания, сынок, что бы ты ни задумал. Очутившись в человеческом мире, ты уже не будешь тем, кем являешься здесь. Это как раз та самая тайна, которую никто в Фантазии не знает.

— А кем я там буду? Открой мне эту тайну!

Гморк долго молчал, потом глубоко вздохнул и заговорил:

— Кем ты считаешь меня, сынок? Своим другом? Берегись! Я ведь только коротаю с тобой время. Да ты теперь и не сможешь уйти. Я крепко держу тебя вместе с твоей надеждой. Пока мы тут говорим, Ничто кольцом смыкается вокруг города Призраков, и скоро отсюда не будет выхода. Тогда ты пропал. Но сейчас еще не поздно бежать.

Грозное выражение на морде Гморка стало пугающим. Немного поколебавшись, Атрей прошептал:

— Говори! Кем я там буду?

Гморк снова долго не отвечал. Дыхание давалось ему с трудом. Потом он вдруг выпрямился, опершись на передние лапы, и только теперь стало видно, какой он громадный и страшный. Атрею теперь приходилось смотреть на него снизу вверх. Когда он заговорил, голос его раскатился громом:

— Видел ли ты Ничто, сынок?

— Да, много раз.

— Как оно выглядит?

— Так, будто бы ты ослеп.

— Так вот, когда вы попадаете в Ничто, вы приобретаете и свойства этого Ничто. Вы ослепляете людей. Вы становитесь, как заразная болезнь, так что люди больше не могут отличить истинное от мнимого. Знаешь, как вас там называют?

— Как? — прошептал Атрей.

— Враки! — рявкнул Гморк. — Кошмары и обманы!

— Не может быть! — губы Атрея побледнели.

Гморк наслаждался его испугом. Беседа заметно оживила его.

— Ты спрашиваешь меня, кем ты будешь там. Но кто ты здесь? Кто вы, существа Фантазии? Вы только выдумки царства поэзии, персонажи Бесконечной Книги! Сам-то ты считаешь себя реальностью или нет, сынок? Ну, допустим, здесь ты реален. Но, пройдя через Ничто, ты станешь иллюзией. Отгадай, сынок, что получится из той нечисти страны Привидений, что попрыгала сегодня в Ничто?

— Не знаю, — пролепетал Атрей.

— Все они станут безумными идеями в людских головах, заставляя своих хозяев отчаиваться, злобствовать или бояться.

— Так будет со всеми? — с ужасом спросил Атрей.

— Есть много разных видов безумия и ослепления, — ответил Гморк. — Смотря по тому, кем вы являетесь здесь: прекрасные или безобразные, глупые или умные, вы и там становитесь прекрасными или безобразными, глупыми или умными обманами и враками.

— Ну, а я чем стану?

— Сам увидишь, — ухмыльнулся Гморк. — Или, скорее всего, не увидишь, потому что это уже будешь не ты. Вот почему люди боятся и ненавидят Фантазию и всё, что из нее исходит. Они хотят ее уничтожить. И не понимают, что тем самым только умножают поток обмана, который устремляется в их мир и отравляет души людей своим гнилостным духом. Разве это не забавно?

— Значит, в мире людей больше никто не верит, что мы живые?

— В этом нет ничего удивительного. Ведь вы сами, став обманом, служите тому, чтобы люди разуверились в Фантазии. Им больше не приходит в голову мысль всерьез посетить ваш мир. Но зато вы получаете власть над людьми.

— Что же мы можем с ними сделать?

— Обман дает неслыханную власть, сынок, потому что люди живут своим воображением. А воображением можно управлять. Власть над людьми — это единственное, чем стоит дорожить. Я всегда держался силы и власти. Я служил ей и потому имел свою долю этой власти.

— Я не хочу властвовать над людьми и не хочу входить в долю, — выдавил Атрей.

— Спокойнее, маленький дурачок, — прорычал вервольф. — Хочешь ты или не хочешь, а как только настанет твой черед прыгать в Ничто, ты станешь невольным слугой этой власти. И кто знает, как ты ее употребишь. Может, с твоей помощью людей принудят покупать какую-нибудь ерунду. Или заставят ненавидеть то, что им неизвестно вовсе. Или верить во что-нибудь, что сделает их ручными и послушными. Или сомневаться в том, что, наоборот, могло бы их спасти.

С твоей помощью, маленький фантазиец, можно будет затевать в человеческом мире большие дела: развязывать войны и основывать новые империи...

Гморк помедлил и потом добавил:

— А есть даже такие идиоты... правда, они считают себя мудрецами и уверены, что служат истине: они усердно разубеждают детей в существовании Фантазии. Может, как раз им ты и будешь служить.

Атрей стоял, опустив голову. Теперь он знал, почему люди больше не приходят в Фантазию и отчего некому дать имя Детской Королеве. Чем больше Фантазии съедает Ничто, тем больше лжи и обмана расползается по человеческому миру и тем меньше надежд на спасение. То был заколдованный круг, из которого не вырваться.

Теперь это знал и Бастиан Балтазар Букс.

Он понимал теперь, что не только Фантазия больна, но и человеческий мир тоже. Одно зависело от другого. Собственно, он это и сам давно чувствовал, но не мог объяснить. Он никогда не хотел примириться с тем, что жизнь так монотонна и сера, без тайны и чуда, как уверяют многие люди.

Но теперь-то он знал — для того, чтобы оба мира снова выздоровели, надо отправиться в Фантазию. С ужасом и стыдом Бастиан вспоминал теперь собственную ложь. Нет, не те истории, которые он выдумывал и сочинял, а другое: несколько раз он врал намеренно и сознательно — иногда из страха, иногда ради выгоды, иногда из хвастовства. Сколько существ Фантазии он уничтожил таким образом, сделал неузнаваемы-

ми и воспользовался ими во зло? Он попытался представить, кем они были в своем истинном обличье, — и не мог. Может, потому и не мог, что когда-то врал. Во всяком случае, одно было ясно: и он приложил свою руку к тому, что теперь происходит с Фантазией. Он хотел бы исправить положение. Он должен сделать это даже ради Атрея, который готов на все, лишь бы спасти свою страну! Бастиан не должен обмануть его надежд. Он обязан найти путь в Фантазию!

Башенные часы пробили восемь.

Вервольф смотрел на Атрея в упор.

— Ну, теперь ты знаешь, как тебе попасть в человеческий мир, — сказал он. — Ты все еще хочешь этого, сынок?

— Я не хочу быть обманом, — пробормотал Атрей.

— Но станешь им, хочешь ты того или нет, — почти торжествовал Гморк.

— А ты? Почему ты очутился здесь?

— У меня было задание, — неохотно сказал Гморк.

— У тебя тоже? — Атрей проникся сочувствием. — И ты его выполнил?

— Нет, — прорычал Гморк, — иначе бы я не валялся здесь на цепи. Вначале мои дела шли совсем неплохо, пока я не очутился в этом городе. Княгиня Мрака, что правила здесь, приняла меня со всеми почестями. Она пригласила меня к себе во дворец, по-царски угощала и беседовала со мной. И делала вид, что она моя союзница. Ну, сброд этой страны был мне в известной степени даже симпатичен, я чувствовал себя почти как дома. И княгиня Мрака тоже была на свой

лад очень приятная дама. Она гладила меня и почесывала, и я совсем раскис от этого, потерял голову и распустил язык. Я выболтал ей все и даже мое задание. Она усыпила меня, а когда я проснулся, то сидел уже на этой цепи. Она пришла ко мне и сказала: «Ты забыл, Гморк, что я тоже принадлежу к существам Фантазии. И если ты замышляешь что-то против Фантазии, ты выступаешь против меня. Значит, ты мой враг, и я тебя перехитрила. Эту цепь могу расколдовать только я. Но я вместе с моими слугами ухожу в Ничто и уже не вернусь». И она ушла прочь. Но не все последовали ее примеру. Только когда Ничто совсем приблизилось, оно стало притягивать к себе все больше и больше жителей. И как раз сегодня, если я не ошибаюсь, сдались последние. Да, я попал в ловушку, заслушавшись эту женщину. Но и ты, сынок, угодил в западню, заслушавшись меня. В это мгновение Ничто уже сомкнуло кольцо вокруг города, ты пойман и не вырвешься.

— Вот и погибнем вместе, — сказал Атрей.

— Это верно, погибнем, — ответил Гморк. — Но есть различие, мой маленький дурачок. Я умру прежде, чем приблизится Ничто, а тебя оно поглотит. Разница велика. Ибо кто успел умереть, у того история закончилась, а твоя будет продолжаться бесконечно, как у всякой лжи.

— Почему ты такой злой? — спросил Атрей.

— У вас есть свой мир, — мрачно ответил Гморк. — А у меня нет.

— Что ты должен был сделать?

Гморк снова улегся, его силы таяли на глазах, глухой голос уже прерывался.

— Те, кому я служу и которые приговорили Фантазию к смерти, усмотрели опасность для

своих планов. Они узнали, что Детская Королева отправила посланника, великого героя, который еще мог призвать в Фантазию человеческого ребенка. Его нужно было уничтожить во что бы то ни стало. Для этого послали меня, потому что я знаю в Фантазии все дороги. Я тотчас напал на след, я гнался за ним день и ночь — через страну Сафраниев, через Ревучий лес, через болото Уныния, через Мертвые горы, и именно там, у Бездонной пропасти, у сети Эргамуля, его след оборвался, как будто он взлетел в воздух. Где я только не искал его потом! Продолжая свой путь, я очутился здесь. Я не сделал того, что должен был сделать. Но и он не выполнил своего задания, потому что Фантазия продолжает гибнуть. Впрочем, его имя Атрей.

Гморк поднял голову и снова принюхался, пытаясь что-то припомнить. Выпрямившись, мальчик отступил на шаг.

— Это я, — сказал он. — Я Атрей.

Дрожь пробежала по всему телу исхудавшего вервольфа. Содрогание это повторилось еще и еще раз. Потом из его пасти вырвался хрип, похожий на задыхающийся кашель, он становился все громче, превращался в рев, отражаясь эхом от всех стен города. Вервольф смеялся!

Это был самый ужасный смех, который Атрей когда-либо слышал. Он отнял последние силы зверя. Смех оборвался — Гморк был мертв.

Долго Атрей стоял неподвижно. Наконец он приблизился к мертвому вервольфу и — сам не зная зачем — склонился над ним, тронув рукой черную всклокоченную шерсть. И в то же мгновение быстрее мысли зубы Гморка сомкнулись на ноге Атрея. Даже после смерти злоба в нем сохранила свою мощь.

Атрей попытался разомкнуть мертвые челюсти. Все тщетно. Как стальными винтами прикрученные, громадные зубы крепко сидели в его мышцах. Атрей опустился рядом с трупом вервольфа на грязную землю.

И шаг за шагом, неудержимо и бесшумно со всех сторон надвигалось Ничто, проникая сквозь черные высокие стены и сжимая город в своем смертном объятии.

Глава X
К БАШНЕ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Когда Атрей еще только переступал мрачные ворота города Призраков, везучий дракон Фухур сделал одну удивительную находку.

В неустанном поиске своего маленького друга он взлетел высоко в облака, чтобы видеть как можно дальше. Море постепенно успокаивалось после сильного шторма. И вдруг Фухур заметил вдали исходящий из воды луч света, который через равные промежутки времени вспыхивал и снова потухал. Фухур заспешил туда и убедился, что свет идет из морских глубин.

Везучие драконы — мы уже говорили — создания из воздуха и огня. Влага для них не только чужая, но и опасная среда. Они угасают в воде, как пламя, если еще прежде того не задохнутся, потому что всеми своими перламутровыми чешуинками они непрерывно вбирают воздух. Питаются они тоже воздухом и теплотой. Другая пища им не нужна, однако без этой они долго не выдерживают.

Но Фухур не раздумывал. Он набрал высоту, потом прижал лапы к телу, выпрямился как стрела и ринулся вниз головой в глубину. Вначале его оглушило ударом о воду, потом он заставил себя открыть глаза и увидел свечение совсем близко. Вода, омывая его тело, закипала пузырьками, он чувствовал, как остывает и становится все слабее. Из последних сил он заставил себя погрузиться еще глубже — и тут увидел источник света так близко, что смог дотянуться до него. То был АУРИН. Он удачно зацепился за коралловую ветвь на подводной скале — иначе утонул бы в бездонной пучине.

Фухур надел его себе на шею, чтоб не обронить, — ибо чувствовал, что сейчас потеряет сознание.

Когда он пришел в себя, то с удивлением обнаружил, что летит над морем с громадной скоростью, гораздо быстрее, чем позволили бы ему истощенные силы. Он попытался сбавить скорость или изменить направление — ничего не вышло, его тело не подчинялось ему. Другая, куда более мощная сила вела его теперь, исходя из АУРИНА.

День клонился к вечеру, когда Фухур разглядел вдали берег. Но большая часть туманной суши уже переходила в Ничто. Если бы Фухур действовал по собственной воле, он повернул бы назад. Но таинственная сила АУРИНА принуждала его лететь вперед, и вскоре, обнаружив посреди бескрайнего Ничто маленький островок с кривыми башнями и покосившимися домами, он понял, почему АУРИН повел его сюда. Фухур уже догадался, кого он там найдет, и к силе амулета добавил теперь свои собственные силы.

На заднем дворике, где Атрей лежал рядом с мертвым вервольфом, было уже совсем темно.

Тело мальчика в такой мгле почти не отличалось от черной шерсти чудовища. Атрей больше не пытался вырваться из железных тисков. Он был в полузабытьи и снова грезил о пурпурных буйволах и Травяном море. К нему опять направлялся тот буйвол, которого он не убил. Атрей звал к себе друзей-охотников, но никто не отзывался. Атрей окликал своего верного коня Артакса, но нигде не было слышно его веселого ржания. Он звал Детскую Королеву, но тщетно. Больше он ничего не мог ей объяснить. Он не стал охотником, не стал посланником, он стал никем.

Атрей сдался.

А потом почувствовал другое: Ничто! Должно быть, оно подошло уже совсем близко. Его могучее притяжение вызывало у Атрея тошноту. Он выпрямился и со стоном рванул ногу. Но зубы не отпускали его.

Может, в этом было его счастье. Не удержи его зубы Гморка, вряд ли Фухур еще застал бы его здесь.

— Атрей! Где ты, Атрей! — вдруг послышалось с высоты.

— Фухур! — закричал Атрей. Он приложил ладони рупором ко рту. — Я здесь!

И тут он увидел в небе живую молнию, сперва очень высоко, потом все ближе. Атрей кричал и кричал, везучий дракон отвечал ему своим колокольным гулом — он уже высмотрел в темноте то место, где был Атрей.

Задний дворик оказался тесен для приземления, и Фухур зацепил какую-то крышу. С грохотом обрушились балки чердака, Фухур поранил кожу и шлепнулся рядом с Атреем на мокрую, грязную землю. Он встряхнулся, фыркнул, как собака, вылезшая из воды, и сказал:

— Наконец-то! Вот ты где торчишь! Кажется, я вовремя успел.

Атрей молча обнял его за шею и зарылся лицом в белую гриву.

— Идем! — торопил Фухур. — Скорее садись на меня, летим!

Атрей отрицательно покачал головой. Только теперь Фухур увидел, что нога Атрея закована в пасти вервольфа.

— Сейчас, — сказал он, вращая рубиновыми глазами, — не беспокойся!

Он схватился обеими лапами, пытаясь разомкнуть челюсти Гморка, но зубы не поддались. Фухур кряхтел от усилий, но ничего не выходило. И никогда бы ему не освободить своего маленького друга, если бы не везенье. К счастью, оно сопутствует белым драконам и их друзьям.

Когда Фухур склонился над головой Гморка, чтобы получше разглядеть в темноте его челюсти, амулет Детской Королевы коснулся мертвого вервольфа. В то же мгновение челюсти разжались сами, и Атрей очутился на свободе.

— Ого! — вскричал Фухур. — Ты видел?

Но ответа не получил. Он стал звать Атрея, искал его на ощупь в темноте — друга не было. И тут он понял, какая сила вырвала у него Атрея: подступающее Ничто. Но Фухура хранил АУРИН.

Атрей сопротивлялся тщетно. Это было сильнее его воли. Он упирался, а ноги не слушались. Всего несколько шагов отделяли Атрея от гибели, когда Фухур рванул его за длинные волосы и взмыл вместе с ним в ночное небо.

Башенные часы пробили девять.

Ни Атрей, ни Фухур не могли потом сказать, сколько времени они летели сквозь кромешную тьму и была ли то действительно ночь или что-нибудь другое. Может, время для них вообще остановилось, и они просто зависли неподвижно в безграничной темноте. Для Атрея это была самая длинная ночь из всех, пережитых им. Для Фухура тоже, а ведь он был много, много старше.

Но и самая длинная ночь когда-нибудь кончается. И когда забрезжил рассвет, на горизонте показалась Башня Слоновой Кости.

Тут придется сделать небольшое отступление, чтобы объяснить некоторые географические особенности Фантазии. Земли и моря, равнины и горы не имеют там своего определенного места, как в человеческом мире. Карту Фантазии было бы невозможно составить. Там никогда нельзя утверждать, что такая-то страна граничит с такой-то. Даже стороны света меняются в зависимости от местности. Лето и зима, день и ночь чередуются там в каждом краю по-своему. Можно пересечь раскаленную зноем пустыню и очутиться в арктических льдах. В том мире слова «близко» и «далеко» имеют иное значение и зависят от состояния души и от стремления путника. Поскольку Фантазия безгранична, ее центр может быть повсюду — или, лучше сказать, он отовсюду равно удален. А центром Фантазии как раз и была Башня Слоновой Кости.

Атрей, очнувшись, обнаружил себя на спине дракона, хотя не мог вспомнить, как очутился там. Он помнил только, что Фухур рванул его вверх за волосы. Укутываясь в плащ, продрогший Атрей заметил, что плащ потерял свой пурпурный цвет и стал серым. То же произошло с его кожей и волосами. В прибывающем свете

утра он увидел, что и Фухур стал похож на обрывок тумана. Оба они слишком близко подошли к Ничто.

— Атрей, мой маленький друг, твоя рана очень болит? — спросил Фухур.

— Нет. Я больше не чувствую ее.

— Но ты дрожишь. У тебя жар? Что на свете может заставить тебя дрожать?

— Мы скоро прилетим, — ответил Атрей, помолчав. — Я должен буду сказать Детской Королеве, что спасения больше нет. Это самое трудное из всего, что я делал.

— Да, — согласился дракон. — А ты когда-нибудь видел ее, Атрей?

— Детскую Королеву? Нет, никогда.

— А я видел. Это было очень давно. Твой прадедушка, должно быть, был тогда маленьким мальчиком. Я тоже был молодой шалун, у меня в голове еще не было ничего, кроме ветра. Однажды ночью я пытался достать с неба луну. И когда в огорчении упал на землю, очутился близко к Башне Слоновой Кости. Магнолиевый павильон стоял в ту ночь раскрытым, и в середине его сидела Детская Королева. Или Золотоглазая Повелительница Желаний, ибо так полагается обращаться к ней. Она взглянула на меня лишь мельком, но — не знаю, как объяснить, — с этой ночи я стал совершенно другим.

— Как она выглядит?

— Как маленькая девочка. Но она много старше самых древних существ Фантазии. Лучше будет сказать: у нее нет возраста.

— Но она смертельно больна. Может, надо ее как-то подготовить к крушению всех надежд?

— Нет, ее не обманешь. Она видит насквозь.

— Но вдруг правда убьет ее?

— Я не думаю, чтобы это случилось, — сказал Фухур.

— Еще бы ты так думал! Ведь ты как-никак везучий дракон! А еще объясни мне, Фухур, почему она никогда не применяет власть, которую дает АУРИН над всеми существами Фантазии?

— Она не такая, как мы, — попытался объяснить Фухур. — Мы все существуем лишь в силу ее существования. Но сама она другого рода.

— Может, она, — Атрей помедлил, — что-то вроде человеческого ребенка?

— Нет. Она другое.

— Так КТО же она?

— Никто в Фантазии этого не знает. Это самая глубокая тайна нашего мира. Я слышал, как один мудрец говорил: кто сможет разгадать эту тайну, тому это будет стоить жизни.

— Ну вот, — сказал Атрей, — а теперь мы все лишаемся жизни, так и не разгадав этой тайны.

Фухур молчал, но на его львиной морде играла улыбка, как будто он хотел сказать: этого не случится!

Больше они не разговаривали, а вскоре уже пролетали над Лабиринтом, той равниной из цветочных клумб и петляющих тропинок, что огромным садом окружала Башню Слоновой Кости. К их ужасу, и здесь поработало Ничто. Кусты и цветы, уцелевшие среди провалов, лишились красок и засохли. Запах прелой травы поднимался с лугов. Сохранили свой цвет лишь ядовитые раздувшиеся грибы.

Но Башня пока что сияла непорочной белизной посреди Лабиринта.

Фухур приземлился не на нижней террасе, предназначенной для воздухоплавающих посланников. Он чувствовал, что ни у него, ни у Атрея не будет сил проделать путь по спиральной

Главной улице наверх. Да и вся тревожная обстановка позволяла ему пренебречь этикетом. Он решил совершить аварийную посадку в самой верхней части Главной улицы.

Атрей огляделся по сторонам, ожидая хоть какого-то приема. Но вокруг не было ни души. Казалось, белые здания кругом вымерли.

— Да они все разбежались! — догадался Атрей. — Они бросили Детскую Королеву одну! Или они уже...

— Атрей! — прошептал обессиленный Фухур. — Иди, ты должен вернуть АУРИН.

Он снял с шеи цепь, и амулет скользнул на пол. Атрей прыгнул за ним, забыв о ране. Но боль тотчас о ней напомнила.

— Куда идти, Фухур?

Но Фухур не отвечал. Он был точно мертвый от усталости.

Главная улица заканчивалась у резных ворот в белой стене. Атрей поднял АУРИН и, хромая, стал подниматься по широкой лестнице, иногда останавливаясь передохнуть. На ступенях за ним оставались капли крови. Он добрался доверху и вступил в длинную галерею. Потом миновал двор, полный фонтанов, еще одни ворота, взобрался еще по одной лестнице. Он шел как во сне, едва различая то, что видел. Потом пересек сад, где все деревья были вырезаны из слоновой кости. Атрей продвигался вперед, держась за их стволы, потом полз на четвереньках, пока не очутился перед гладкой, как стекло, отвесной стеной, над которой возвышался Магнолиевый павильон. Однако наверх не было ни лестницы, ни дороги.

Атрей уронил голову на руки.

Никто из тех, кто попадал туда и кто еще попадет, не может сказать, как он преодолел по-

следнюю часть пути и оказался на самом верху.

Атрей вдруг обнаружил себя на ногах перед дверью в павильон. Он вошел — и лицом к лицу увидел Детскую Королеву.

Она сидела среди мягких подушек на круглом возвышении и смотрела на него. По бледности ее лица Атрей видел, как она больна. Миндалевидные глаза ее цветом напоминали темное золото. Они не выдавали ни беспокойства, ни тревоги. Она улыбалась. На ней было длинное шелковое одеяние такой белизны, что и лепестки магнолии казались против него темными. Она выглядела маленькой девочкой не старше десяти лет, но ее длинные волосы, ниспадающие на подушки, были белы, как снег. Или как серебро...

Бастиан испугался.

В это мгновение с ним случилось нечто необыкновенное, чего никогда прежде не случалось.

До сих пор все, что написано в Бесконечной Книге, он мог представить в своем воображении довольно отчетливо: Атрея верхом на Фухуре, Лабиринт с Башней Слоновой Кости. Но когда он дошел до места, где говорилось о Детской Королеве, он вдруг на долю секунды — не дольше вспышки молнии — увидел перед собой ее лицо. И не мысленно, а глазами! Это не было только воображением, Бастиан не сомневался. Он разглядел даже подробности, которых не было в описании, — например, ее брови, похожие на две тонкие дуги. Или ее странные, вытянутые мочки ушей. Или особенный наклон головы на нежной шее. Бастиан не видел в своей жизни ничего прекраснее этого лица. И тут же понял, как ее зовут: ЛУНИАНА. Он ни капли не сомневался, что это и есть ее имя.

И Луниана взглянула на него — на него, Бастиана Балтазара Букса!

Она поглядела на него с выражением, которого он не мог понять. Может, она тоже была поражена? Или ее взгляд выражал просьбу? Или тоску? Или — да, что еще?

Он попытался вновь вызвать в памяти ее глаза, но больше ему это не удалось.

Одно он знал точно: этот взгляд проник прямо в его сердце и теперь хранится там, как тайное сокровище. Это причиняло ему странную сладкую боль.

Теперь Бастиан хотел только одного: читать дальше, чтобы снова оказаться поближе к Луниане, чтобы снова увидеть ее.

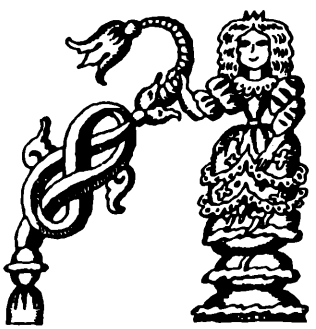
Разве мог он знать, что тем самым пускался в неотвратимое, необычайное, очень опасное путешествие. А если бы и знал, все равно не захлопнул бы книгу и не отложил ее в сторону.

Дрожащим пальцем он отыскал то место, на котором остановился.

Башенные часы пробили десять.

Глава XI

ДЕТСКАЯ КОРОЛЕВА



ишившись дара речи, Атрей стоял и смотрел на Детскую Королеву. Он не знал, что ему делать. Сколько раз пытался он представить себе это мгновение, заранее обдумывая, что скажет, но все заготовленные слова в один миг вылетели у него из головы.

Наконец она улыбнулась ему и таким тихим и нежным голосом, каким поют во сне маленькие птички, произнесла:

— Ты окончил Великий Поиск, Атрей.

— Да, — с трудом отозвался Атрей и опустил голову.

— Твой красивый плащ посерел, — сказала она после паузы. — И волосы и кожа посерели, как камень. Но все еще вернется и станет лучше прежнего. Вот увидишь.

У Атрея перехватило дыхание. Как сказать ей, что этого не будет?

— Ты выполнил мое задание... — снова услышал он ее нежный голос.

Было непонятно, то ли это вопрос, то ли ут-

верждение. Он не отваживался поднять глаза. Лишь медленно снял с шеи цепь с золотым амулетом и держал его в протянутой руке. Потом попытался опуститься на одно колено, как это делают посланники в легендах и древних песнях, слышанных им когда-то на родине в охотничьем стойбище, но больная нога не сгибалась, и он упал перед Детской Королевой на пол лицом вниз, даже не пытаясь подняться.

Она наклонилась, подняла АУРИН и, перебирая пальцами золотую цепь, сказала:

— Ты хорошо сделал свое дело. Я довольна тобой.

— Нет! — почти вскричал Атрей. — Все оказалось напрасно! Спасения нет!

Воцарилась долгая тишина. Атрей спрятал лицо в сгибе локтя, и дрожь прошла по его телу. Он боялся, что сейчас с ее губ сорвется вопль отчаяния; может быть, горькие жалобы и упреки, а то и крик ярости. Он сам не знал, чего ожидал, но уж точно не того, что услышал: она смеялась. Она смеялась тихо и радостно. Мысли Атрея перепутались; на какое-то мгновение он решил, что она, возможно, помешалась умом. Но это не был смех безумия. Потом она сказала:

— Тем не менее ты привел его.

— Кого? — Атрей поднял голову.

— Нашего спасителя.

Он испытующе посмотрел ей в глаза, она снова улыбнулась:

— Ты выполнил мое задание. Я благодарю тебя за все, что ты сделал.

— Золотоглазая Повелительница Желаний, — запинаясь, выговорил он наконец это официальное обращение, которому научил его Фухур, — я... нет, в самом деле, я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я вижу, — сказала она. — Однако, понима-

ешь ты или нет, но ты сделал свое дело. А это главное, не так ли?

Атрей только глядел на Детскую Королеву, раскрыв рот.

— Я видела его, — продолжала она, — и он видел меня.

— Когда это было?

— Как раз тогда, когда ты вошел. Ты привел его с собой.

Атрей невольно оглянулся.

— Где же он? Я не вижу никого, кроме тебя и меня.

— О, есть многие вещи, невидимые нам, — отвечала она, — но ты уж поверь мне на слово. Он еще не с нами. Но наши миры уже так близки, что мы смогли увидеть друг друга, хотя всего лишь на миг, не дольше вспышки молнии. Скоро он будет у нас и окликнет меня по имени, которое может дать он один. Тогда я выздоровею, а со мной и вся Фантазия.

Пока Детская Королева говорила это, Атрей медленно поднялся с пола и сел, удивленно глядя на нее снизу вверх:

— Значит, ты давно уже знаешь все, что я собирался тебе рассказать? Все, о чем говорила мне древняя Морла в болоте Уныния, все, что поведал мне голос Уиулалы в Южном Оракуле, — ты все это уже знаешь?

— Да, — подтвердила она, — и я знала это еще тогда, когда отправляла тебя на Великий Поиск.

Атрей судорожно глотнул воздух.

— Зачем же тогда, — наконец произнес он, — ты посылала меня? Чего ты от меня ждала?

— Ничего другого, кроме того, что ты сделал.

— Что я сделал... — медленно повторил Атрей. Между его бровями пролегла гневная склад-

ка. — Если все так, как ты говоришь, то Великий Поиск был бессмысленным. Я слышал, что многие твои решения непонятны нам. Но все же после того, что я перенес, мне трудно примириться с тем, что ты только позабавилась, и всё.

Глаза Детской Королевы посерьезнели.

— Я не позволяю себе ни над кем шутить и забавляться, Атрей! — сказала она. — И я хорошо знаю, как многим обязана тебе. Все, что ты сделал, было совершенно необходимо. Я отправила тебя на Поиск вовсе не для того, чтобы узнать то, что ты узнал. Это было единственное средство позвать нашего спасителя. Благодаря Великому Поиску он пережил вместе с тобой все опасности. Ты слышал его испуганный крик у Бездонной пропасти, когда говорил с Эргамулем. Ты видел его, стоя перед воротами Волшебного Зеркала. Ты шагнул прямо в него, ты соединился с ним, и он следовал за тобой повсюду. Он и сейчас слышит каждое наше слово. Он знает, что мы говорим о нем, что мы ждем его и надеемся на него. Может быть, теперь он понимает, что все те великие усилия, которые ты принял на себя, Атрей, были нужны лишь для того, чтобы призвать его в Фантазию!

Атрей все еще мрачно глядел перед собой, но постепенно гневная складка на его лбу разгладилась.

— Откуда тебе все известно, — спросил он, — и крик ужаса у Бездонной пропасти, и отражение в воротах Волшебного Зеркала? Или это все тоже было предопределено?

Детская Королева отвечала, надевая АУРИН себе на шею:

— Разве ты не носил на себе этот амулет? Разве ты не знал, что, благодаря ему, я все время была с тобой?

— Он не всегда был на мне, — ответил Атрей, — один раз я его потерял.

— Да, какое-то время ты действительно был один. Расскажи мне, что с тобой произошло?

Атрей рассказал ей все, что с ним было.

— Теперь я понимаю, почему ты посерел, — сказала Детская Королева. — Ты слишком близко подошел к Ничто.

— Но правда ли то, что рассказал мне Гморк, вервольф, об уничтоженных фантазийцах: что они, попадая в человеческий мир, становятся обманом?

— Да, это правда, — отвечала Детская Королева, и ее золотые глаза потемнели, — все обманы были когда-то существами Фантазии. Но то, что сказал тебе Гморк, — лишь полуправда. От такого полусущества, как он, полной правды ожидать и не приходится. Есть два пути преодоления границы между нашими мирами. Когда существа Фантазии вырваны насильно, это ложный путь. Но когда человеческий ребенок приходит к нам — это правильный путь. Те, кто побывал у нас, многому здесь научились, и это помогло им кое-что изменить в своем мире. Они стали яснее видеть и понимать многие вещи, потому что повидали нас в истинном облике. Они другими глазами взглянули и на свой мир. Там, где раньше для них были только серые будни, они обнаружили чудо и тайну. И чем больше процветало благодаря этому наше государство, тем меньше лжи и обмана становилось в их мире и тем совершеннее становились они. Наши миры могут взаимно разрушать друг друга, но могут и взаимно совершенствоваться.

Атрей обдумал все это, потом спросил:

— Что же происходит теперь?

— Над обоими мирами разразилась беда, —

ответила Детская Королева. — Все стало обращаться в свою противоположность. То, что могло прояснять взгляд, стало, наоборот, ослеплять. Так, слишком сильный звук может оглушить, а слишком яркий свет ослепить. То, что могло созидать, стало уничтожением. Спасение находится в руках человеческих детей. Достаточно одного — он должен прийти и дать мне новое имя. И он придет. — Детская Королева помолчала. — Теперь ты понимаешь, Атрей, почему я потребовала от тебя так много? Только благодаря долгой истории, полной опасных приключений, можно привести к нам спасителя. Это и была твоя история.

Атрей сидел, погруженный в глубокое раздумье. Наконец он кивнул.

— Да, теперь я понимаю, Золотоглазая Повелительница Желаний. Я благодарю тебя за то, что ты избрала меня. Прости мне мой гнев.

— Ты не мог знать заранее, — нежно отвечала она, — это тоже было необходимо. Но ты устал. Тебе хотелось бы отдохнуть?

— Сперва мне хотелось бы пережить счастливый конец моей истории. Если все так, как ты говоришь, почему же спаситель все еще не пришел?

— Да, — удивленно сказала Детская Королева. — Чего же он ждет?

Бастиан почувствовал, что от волнения его руки вспотели.

— Но я не могу, — сказал он, — я ведь не знаю, что делать. И, может быть, имя, что пришло мне в голову, вовсе не правильное?

— Могу я еще кое о чем спросить тебя? — возобновил разговор Атрей, и она с улыбкой

кивнула. — Почему ты можешь выздороветь, только если получишь новое имя?

— Лишь верное имя, которое соответствует сути вещей и явлений, придает им реальность, — сказала она. — А неправильное все делает призрачным. Таково действие обмана.

— А вдруг спаситель еще не знает твоего настоящего имени?

— Знает! — отвечала она. — Он знает его!

И снова оба замолчали.

— Да, — сказал Бастиан. — Я знаю его. Я узнал его, как только увидел тебя. Но я не знаю, что я должен делать.

Атрей поднял взгляд.

— Может быть, он хотел бы прийти, но не знает, как это сделать?

— А ему ничего и не нужно делать, — отвечала Детская Королева. — Достаточно лишь окликнуть меня по имени.

Сердце Бастиана заколотилось. Может, попробовать? А вдруг не получится? Может, он обманывает себя? Может, те двое говорят вовсе не о нем, а совсем о другом спасителе?

— Мне удивительно, — снова начал Атрей, — неужто он все еще не понял, что спаситель — это он и никто другой?

— Нет, он не так глуп, чтобы до сих пор не понять все те знаки, которые ему поданы.

— Я попытаюсь! — шепнул Бастиан. Но больше не смог выдавить из себя ни звука.

А что, если правда получится? Тогда он ока-

жется в Фантазии? Но как? Может, ему придется во что-нибудь превратиться? А вдруг это больно? Вдруг он потеряет сознание? Да и вообще, хочется ли ему в Фантазию? Ведь, кроме Атрея и Детской Королевы, там полным-полно всяких чудищ.

— Может, — предположил Атрей, — у него не хватает смелости?

— Разве требуется смелость, чтобы произнести мое имя?

— Тогда, — сказал Атрей, помедлив, — я знаю, почему он не идет.

— Почему?

— Он просто не хочет. Ему нет дела ни до тебя, ни до Фантазии.

Детская Королева посмотрела на Атрея долгим взглядом.

— Нет! Нет! — закричал Бастиан. — Это не так! О, не думайте обо мне так плохо! Вы слышите меня? Это не так, Атрей!

— Он обещал мне прийти, — сказала Детская Королева. — Я прочитала это обещание у него во взгляде.

— Да, это правда, — сказал Бастиан, — и я сейчас же приду, я только еще немножечко подумаю, я должен всё как следует обдумать.

Атрей опустил голову, и оба снова принялись ждать. Но спаситель не появлялся, и ничто не указывало на его приближение.

Бастиан представил: вот он очутился бы перед ними — толстый, неуклюжий, коленки

внутрь. Конечно, Детская Королева разочарованно скажет: «Что тебе здесь нужно?» А Атрей, может, даже засмеется над ним. При мысли об этом Бастиан стыдливо покраснел. Конечно, они ждут героя или принца. Нет, он не может предстать перед ними. Все, что угодно, — только не это!

Когда Детская Королева подняла глаза, выражение ее лица изменилось. Атрея даже испугала строгость ее взгляда. Такой взгляд он уже видел однажды: у сфинксов!

— Остается последнее средство, — сказала она. — Я так не хотела его использовать. Я-то думала, что он придет сам, без принуждения.

— Что за средство? — шепотом спросил Атрей.

— Хочет он или нет, но он уже принадлежит Бесконечной Книге. Он дал мне обещание и обязан его исполнить. Есть в Фантазии один старик, который заставит прийти спасителя.

— Кто же во всей Фантазии может то, чего не можешь ты?

— Старик из Странствующей горы.

— Старик из Странствующей горы? — удивленно повторил Атрей. — Разве он существует? В нашем племени им пугают детей. Говорят, он записывает в книгу все, что делается, и даже то, что подумали и почувствовали, и потом уже ничего не изменишь. Я считал, что это всего лишь бабушкины сказки.

— Кто знает, — улыбнулась Детская Королева, — что такое на самом деле бабушкины сказки.

— Значит, ты видела его?

— Нет. Если я его разыщу, мы встретимся впервые.

— У нас рассказывали, — продолжал Атрей, — будто бы невозможно узнать, где находится гора старика, она появляется неожиданно, то тут, то там, и его можно встретить только случайно или по велению судьбы.

— Да, старика нельзя искать. Его можно только найти.

— Но если ты его не найдешь?

— Если он есть, я его найду, — сказала она с загадочной улыбкой, — а если я его найду, значит, он БУДЕТ.

Атрей не понял ответа. Помедлив, он спросил:

— Он — как ты?

— Он как я, потому что он во всем моя противоположность.

Атрей понял, что ничего не поймет. И кроме того, его беспокоила совсем другая мысль:

— Но ведь ты смертельно больна, Золотоглазая Повелительница Желаний, — сказал он почти строго, — и одна ты не сможешь уйти далеко. Насколько я вижу, все твои слуги и придворные покинули тебя. Я и Фухур с радостью сопровождали бы тебя куда угодно, но, честно говоря, я не знаю, хватит ли сил у Фухура. И моя нога — ты сама видела, она отказывается мне служить.

— Спасибо, Атрей, — ответила она, — спасибо за твою преданность и верность. Однако я и не думала брать вас с собой. Старика из Странствующей горы находят только в одиночку. Да и Фухура больше нет там, где ты его оставил. Он теперь в другом месте. Там его раны заживут, и сам он наберется новых сил. И ты тоже, Атрей, скоро будешь там же, где он. — Ее пальцы играли АУРИНОМ.

— Что это за место?

— Узнаешь после. Ты попадешь туда во сне. Наступит день, и ты сам увидишь, где находишься.

— Мне теперь не до сна, — от волнения Атрей забыл, что надо выбирать выражения, — раз ты в любую минуту можешь умереть!

Детская Королева только рассмеялась.

— Не так уж я и покинута всеми, как тебе показалось. Я уже говорила: есть многое, чего мы не видим. У меня есть семь невидимых сил, которые принадлежат мне так же, как тебе твои воспоминания или мысли. Ты не можешь их видеть и слышать, но в любое мгновение они при тебе, не так ли? Три из них останутся с тобой и Фухуром, они будут опекать вас. А четыре невидимых силы я возьму с собой, и они будут меня сопровождать. Ты можешь спать спокойно, Атрей.

При этих словах на Атрея навалилась такая усталость, что глаза его сомкнулись, и он погрузился в темноту.

Башенные часы пробили одиннадцать.

Как будто издалека Атрей услышал, как Детская Королева тихим голосом отдала приказ, потом его подхватили осторожные могучие руки и понесли. Долго вокруг было темно и тепло. Много позже, когда его сухих, потрескавшихся губ коснулась драгоценная влага, он почти проснулся. Постепенно окружающее стало проясняться, и Атрей понял, что находится внутри большого грота с золотыми сводами. Рядом с ним лежал белый дракон. И он скорее угадал,

чем увидел в середине грота фонтан. Вокруг фонтана лежали две змеи, заглотив хвосты друг друга, — одна светлая, как день, другая темная, как ночь...

Но потом невидимая рука провела по его лицу, и Атрей снова погрузился в сладкий сон без сновидений.

В это время Детская Королева покидала Башню Слоновой Кости. Она села в носилки, сделанные из хрусталя, и четыре невидимых силы понесли ее, так что со стороны казалось, будто носилки парят в воздухе сами по себе.

Они пересекли Лабиринт, а точнее, то, что от него еще оставалось. Им то и дело приходилось обходить места, превратившиеся в Ничто.

Когда, наконец, они достигли края Лабиринта, она остановила своих невидимых носильщиков, выпрямилась на подушках и бросила взгляд назад, в сторону Башни Слоновой Кости. Потом, снова откидываясь на подушки, сказала:

— Идите дальше! Просто идите дальше — куда-нибудь!

Порыв ветра подхватил ее снежно-белые волосы. И они как знамя затрепетали позади хрустальных носилок.

Глава XII

СТАРИК ИЗ СТРАНСТВУЮЩЕЙ ГОРЫ

ощные лавины с громоподобным шумом низвергаются с вершин, снежные ветры гудят в ущельях среди закованных в ледяной панцирь гор, свистят в пропастях и провалах. Такая погода обычна для гор Судьбы. Ведь они самые высокие и крутые во всей Фантазии, некоторые их вершины возносятся в буквальном смысле до неба.

В эти края вечных льдов не отваживались подняться даже самые смелые. Или, точнее сказать, прошло слишком много времени с тех пор, как было совершено последнее восхождение на вершину — все уже успели о нем забыть. Это был один из непостижимых законов Фантазии: горы Судьбы покоряли только тогда, когда предыдущие покорители были совершенно забыты и не оставалось ни устного, ни письменного упоминания о них. А если никто ничего не помнит, значит, ничего и не было. Вот и получается, что всякий покоритель вершин здесь всегда первый.

На такой высоте не было ничего живого, за исключением ледяных великанов — если, конечно, их вообще можно причислить к живым, ибо они двигались так медленно, что на один шаг у них уходили годы, а на маленькую прогулку — столетия. Ясно, что они могли общаться только с себе подобными, об иной жизни в Фантазии не имели никакого понятия и считали себя единственными живыми существами Вселенной.

Потому с таким недоумением они таращились теперь на крохотное пятнышко внизу. Оно двигалось по нехоженым тропам, поднималось по едва заметным выступам, карабкалось по скалам.

То были хрустальные носилки Детской Королевы. Четыре невидимых силы несли ее уже много дней и ночей, как им было приказано: все дальше, куда-нибудь. Ей было все равно, тяжел ее путь или нет. Точно так же она не делала различия между существами темноты и света, красоты и безобразия. Она была готова проникнуть всюду, потому что старик из Странствующей горы мог оказаться где угодно.

Тем не менее, путь часто не оставлял выбора, так как растущее Ничто вынуждало обходить исчезнувшие места. Нередко вообще не оставалось ничего, кроме узенькой тропы, мостика или ворот. Иногда на их пути были волны моря, и силы шли по волнам, потому что для этих носильщиков не было разницы между твердым и зыбким.

Так они пришли к ледяным вершинам гор Судьбы и теперь поднимались все выше и выше. Детская Королева лежала на своих подушках с закрытыми глазами. Последнее слово, которое она произнесла, было то самое «куда-нибудь» при прощании с Башней Слоновой Кости.

Носилки теперь двигались в тесном ущелье, отвесные стены его сходились почти вплотную, под ногами лежал глубокий снег, однако носильщики не проваливались и не оставляли следов.

Потом скалы расступились, и взгляду предстала широкая, сверкающая снежная равнина. Посреди этой равнины, в свою очередь, пирамидой высилась еще одна гора весьма своеобразного вида. Она состояла из множества причудливых зубцов, повернутых остриями вверх, словно опрокинутые сосульки. Примерно на половине горы на трех остриях покоилось яйцо величиной с дом. В нем было круглое отверстие — не то дверь, не то окно, и в этом отверстии показалось чье-то лицо.

Почувствовав на себе взгляд, Детская Королева открыла глаза и тихо велела носильщикам остановиться:

— Это он. Последний отрезок пути я должна проделать одна. Ждите меня здесь, что бы ни случилось.

Лицо в круглом отверстии яйца исчезло.

Детская Королева сошла с носилок и медленно двинулась по снежной равнине. Она ступала тяжело, потому что шла босиком, а снег был колючий, мелкие льдинки, как осколки стекла, ранили кожу. Ледяной ветер рвал волосы и одежду.

Наконец она подошла к горе и остановилась перед гладкими, как стекло, зубцами. Из темного отверстия в яйце стала выдвигаться лестница. Удивительно, как она помещалась внутри яйца, ведь она была много длиннее. Когда лестница опустилась к подножию горы, Детская Королева взялась за перекладины и увидела, что те составлены из букв, цепляющихся одна за другую. Бук-

вы образовывали фразы. Детская Королева стала подниматься, читая их:

ПОСТОЙ ДИТЯ ОСТАНОВИСЬ
КТО БЕЗ КОНЦА СТРЕМИТСЯ ВВЫСЬ
ТОТ БОЛЬНО ПАДАЕТ НА ДНО
ТЫ ЖИЗНЬ Я СМЕРТЬ И НЕ ДАНО
ТЕБЕ ПРОДЕЛАТЬ ЭТОТ ПУТЬ
ВЕРНИСЬ НАЗАД И ПОЗАБУДЬ
КО МНЕ ДОРОГУ НА ВЕКА
ВЕРНИСЬ ПОСЛУШАЙ СТАРИКА

Она остановилась перевести дыхание и поглядела наверх. До яйца было еще далеко.

— Старик из Странствующей горы, — громко произнесла Королева, — если бы ты действительно не хотел нашей встречи, ты не стал бы писать для меня лестницу. Твои запреты помогают мне двигаться дальше.

И она продолжала свой путь.

ТЫ ЖИЗНЬ И ТЫ ДОЛЖНА ШАГАТЬ
А МОЙ УДЕЛ СЛОВА ПИСАТЬ
ОНИ ИДУТ ЗА РЯДОМ РЯД
НО ТОЛЬКО ЗНАЙ СЛОВА МЕРТВЯТ
ШАГИ ТВОИ И ТЫ ПОЙМЕШЬ
МЫСЛЬ ИЗРЕЧЕННАЯ ЕСТЬ ЛОЖЬ

Снова ей пришлось остановиться, чтобы передохнуть.

Она оказалась уже очень высоко, лестницу качало бурей, как ветку. Детская Королева крепко сжимала ледяные буквенные перекладины и читала:

МОЛЧИ СКРЫВАЙСЯ И ТАИ
ВСЕ ЧУВСТВА И МЕЧТЫ СВОИ
ТЫ МНЕ ИХ ВЫСКАЖЕШЬ ЕДВА

В НАРУЖНЫЙ МИР УЙДУТ СЛОВА
НО ТАМ СПАСЕНЬЯ НЕ НАЙДЕШЬ
МЫСЛЬ ИЗРЕЧЕННАЯ ЕСТЬ ЛОЖЬ
ТАМ ЗНАЕТ КАЖДЫЙ МАЛЬЧУГАН
ДЛЯ НИХ НАШ МИР ОДИН ОБМАН
А МЫ ДЛЯ НИХ ГЕРОИ КНИГ
ТЫ НЕ РАССЧИТЫВАЙ НА НИХ
ИНОЙ ЧИТАЕТ ДЕНЬ И НОЧЬ
НО РАЗВЕ МОЖЕТ ОН ПОМОЧЬ
СЛОВА МОИ ЛЕГКО ПРОЧЕСТЬ
ТРУДНЕЙ ПОВЕРИТЬ ЧТО МЫ ЕСТЬ
НО ТЫ НЕ СЛУШАЕШЬ ЗАПРЕТ
ИДЕШЬ КО МНЕ ВОЗВРАТА НЕТ
ИЗ ЭТИХ СТЕН НЕ ОБЕССУДЬ
ВЕДЬ ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Детская Королева миновала эту последнюю перекладину-строку, вздохнула и поглядела вниз. Ее белое длинное платье разорвалось, в нем торчали занозы от буквенной лестницы.

Она очутилась перед круглым отверстием в яйце и проскользнула внутрь. Отверстие тотчас захлопнулось за нею. Она очутилась в темноте.

Долгое время не происходило ничего.

— Вот и я, — сказала она тихо. Ее голос эхом отразился от стен, как в большом зале, — а может, это отозвался другой голос теми же словами.

Постепенно она привыкла к темноте и различила красноватое свечение. Оно исходило от раскрытой книги, которая парила в воздухе посреди помещения. Снизу был виден переплет. На нем, как на АУРИНЕ, изображались две змеи, заглатывающие хвосты друг друга. Внутри образованного ими овала стояло название:

БЕСКОНЕЧНАЯ КНИГА.

Мысли Бастиана смешались. Ведь именно эту книгу он сейчас читал. Он еще раз взглянул на переплет: она. Но как книга могла появиться сама в себе?

Детская Королева подошла поближе и увидела лицо склонившегося над книгой человека, слегка освещенное голубовато-зеленым светом. Лицо было изрыто морщинами, как кора древнего дуба. Глаз было не различить. Капюшон монашеского одеяния опускался на лоб, в руке он держал стержень, которым писал.

Детская Королева молча глядела на него. Он, собственно, и не писал, а нежно водил стержнем по пустой странице, при этом буквы и слова возникали сами собой. Детская Королева читала, и там появлялось именно то, что происходило в настоящий момент: «Детская Королева читала, и там...»

— Все, что происходит, — сказала она, — ты записываешь?

— Все, что я записываю, происходит, — был ответ тем же низким, глухим голосом, который она уже слышала как эхо собственного.

Странно было то, что старик из Странствующей горы не размыкал губ. Он записывал ее и свои слова, а она их слышала — но так, как будто вспоминала, как он только что произнес их.

— Ты и я, — спросила она, — и вся Фантазия — все в этой книге есть?

Он писал, и одновременно она слышала его ответ:

— Не так. Эта книга и есть вся Фантазия и ты и я.

— И где эта книга находится?

— В книге, — был ответ, который он как раз записывал.

— Тогда это только иллюзия и видимость? — спросила она.

И он записал, и она услышала:

— Что показывает зеркало, которое отражается в зеркале? Ты знаешь это, Золотоглазая Повелительница Желаний?

Детская Королева помолчала, и старик записал, что она помолчала.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она. — Ты — память Фантазии и знаешь все, что произошло до этого самого момента. Скажи, ты не мог бы пролистать твою книгу вперед и узнать, что будет?

— Там пустые страницы. Я могу вернуться назад и посмотреть, что было. Я могу читать то, что в это время пишу. И я знаю это лишь постольку, поскольку читаю. Я записываю все, что произошло. Так Бесконечная Книга пишет сама себя моей рукой.

— Значит, ты не знаешь, для чего я пришла к тебе?

— Нет, — услышала она его голос, пока он писал. — Но лучше бы ты не приходила. Здесь все приобретает окончательность и необратимость — и ты тоже не исключение, Золотоглазая Повелительница Желаний. Это яйцо — могила и склеп. Ты вошла в память Фантазии и больше не сможешь покинуть это место.

— Любое яйцо, — отвечала она, — это и начало новой жизни.

— Верно, — записал и сказал старик, — но только если расколется скорлупа.

— Ты можешь его открыть. Ты же впустил меня.

Старик отрицательно покачал головой и записал это.

— Яйцо открыла твоя сила. Но поскольку ты

теперь здесь, ты больше не имеешь этой силы. Мы заточены тут навсегда. Это конец Бесконечной Книги.

Детская Королева ничуть не встревожилась и даже улыбнулась.

— Ты и я, — сказала она, — мы действительно ничего больше не можем. Но есть один, который может.

— Сделать новое начало, — записал старик, — может только человеческий ребенок.

— Да, — подтвердила она, — человеческий ребенок.

Старик медленно поднял взгляд и впервые посмотрел на Детскую Королеву. Этот взгляд будто исходил из другого конца Вселенной — из такой дали, из такой тьмы он глядел. Она отвечала ему взглядом своих золотых глаз, казалось, то было молчаливое соизмерение сил. Наконец старик снова склонился над книгой и записал:

— Не переступай поставленных тебе границ!

— Я не переступлю, — ответила она. — Но тот, о ком я говорю и кого жду, давно уже перешел их. Он читает книгу, которую ты пишешь, он воспринимает каждое слово, которое мы произносим. Потому он с нами.

— Верно, — послышался голос старика, пока он писал, — он тоже теперь принадлежит Бесконечной Книге, это его собственная история.

— Расскажи мне ее! — приказала Детская Королева. — Ты, будучи памятью Фантазии, расскажешь мне ее от начала слово в слово!

Пишущая рука дрогнула.

— Чтобы рассказать, я должен буду написать ее заново — с самого начала. И все, что я пишу, будет происходить снова.

— Пусть! — сказала Детская Королева.

Бастиан отчетливо слышал этот голос. Но первые слова, которые произнес старик, были непонятны. Они звучали так: «Тсиникуб рднаерок дарнок лрак».

«Интересно, — подумал Бастиан, — почему он говорит на чужом языке? Или, может, это колдовское заклинание?»

Голос старика читал дальше, а Бастиан слушал.

«Так выглядела надпись на стеклянной двери маленькой лавки, если смотреть на улицу изнутри.

Было серое ноябрьское утро, моросил дождь. Капли скатывались по стеклу, переваливаясь через завитки букв. На улице было сыро, тихо, пустынно».

«Этой истории в книге не было, — подумал Бастиан немного разочарованно. — Вот сейчас все и выяснится. А уж я всерьез поверил, что старик начнет рассказывать Бесконечную Книгу с самого начала».

«Вдруг дверь распахнулась, латунный колокольчик отчаянно зазвонил и долго не мог успокоиться.

Возмутителем тишины был толстый мальчик лет десяти или одиннадцати. Мокрые волосы прилипли ко лбу, с пальто капало, на плече висела школьная сумка. Похоже, он не знал, куда попал, и потому застыл на пороге как вкопанный».

В то время как Бастиан читал это и одновременно слышал низкий голос старик из Странствующей горы, в его ушах начало шуметь, а перед глазами вспыхивали искорки.

Рассказывалась его собственная история! Она оказалась в Бесконечной Книге. Он, Бастиан, стал персонажем в книге, тогда как до сих пор считал себя лишь читателем ее! И кто знает, какой мальчик читает эту книгу теперь и тоже думает, что он лишь читатель, — и так далее до бесконечности!

И тут Бастиан испугался. Он почувствовал себя так, будто попал в невидимую тюрьму. Он захотел остановиться.

Но голос старика из Странствующей горы продолжал рассказывать,

и Бастиан не мог противиться. Он заткнул уши, но это не помогало, потому что голос звучал у него внутри. Он уверял себя, что все эти совпадения с его собственной историей всего лишь случайность,

но низкий голос неумолимо продолжал дальше,

и тут он совершенно отчетливо услышал, как голос произнес:

«А манеры-то! За такие манеры гроша ломаного не дашь. Во всяком случае, тебе следовало бы с самого начала представиться.

— Меня зовут Бастиан, — сказал мальчик. — Бастиан Балтазар Букс».

В это мгновение Бастиану открылась одна нелегкая истина: можно быть абсолютно убежденным, что чего-то хочешь, годами, пока ты знаешь, что твое желание неисполнимо. Но вдруг возникает возможность его исполнить, и тут оказывается, что на самом деле тебе хочется одного: чтобы твое желание никогда, никогда не могло осуществиться!

Так, во всяком случае, было сейчас с Бастианом.

Теперь, когда события приобрели неумолимую серьезность, ему больше всего хотелось сбежать отсюда, только никакого «отсюда» уже не было. Теперь все происходило у него внутри.

Он попытался спастись, как мог — так притворяется мертвой букашка, перевернувшись на спину. Он хотел сделать вид, что его вообще нет, замереть и сделаться маленьким и незаметным.

Старик из Странствующей горы продолжал читать и одновременно заново записывать, как Бастиан украл книгу, как сбежал на чердак. И снова начался Великий Поиск, появились Атрей, древняя Морла и Фухур в паутине Эргамуля. Еще раз тетушка Ургл лечила Атрея, он прошел сквозь трое заколдованных ворот и говорил с Уиулалой. Потом Четыре Ветра, Гморк, спасение Атрея и возвращение в Башню Слоновой Кости. И между тем происходило все, что пережил Бастиан на чердаке, и как Детская Королева

тщетно ждала, что он придет. Снова она пускалась в путь, чтобы найти старика из Странствующей горы, и слово в слово повторялся их разговор, кончаясь тем, что старик снова начинал писать с начала Бесконечную Книгу, одновременно рассказывая ее.

И опять все повторялось — неизменно — и опять приходило к встрече Детской Королевы со стариком из Странствующей горы, который возобновлял рассказ и запись в Бесконечной Книге...

...и это продолжалось бы вечно, потому что не происходило того события, которое изменило бы ход вещей. Только он один, Бастиан, мог вмешаться. И ему придется сделать это, чтобы не оставаться в круге вечного повторения. Ему казалось, Бесконечная Книга прозвучала в его ушах уже тысячу раз. Более того, исчезли понятия «до» и «после», все слилось в одно бесконечное время. Теперь он понял, почему дрогнула рука летописца. Круг вечного повторения был концом без конца!

Слезы текли по измученному лицу Бастиана, но он уже не чувствовал их. Почти теряя сознание, он закричал:

— Луниана! Я иду!

В то же мгновение

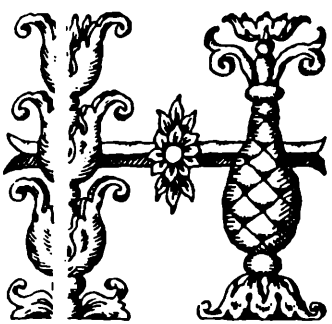
скорлупа громадного яйца распалась с громовым грохотом. Потом поднялся штормовой ветер

и вырвался со страниц книги, которую Бастиан держал на коленях, так что страницы эти бе-

шено залистались. Бастиан почувствовал ветер в волосах и на лице, у него перехватило дыхание, пламя семи свечей заплясало и легло набок, потом налетел второй, еще более сильный порыв ветра — уносясь назад, в книгу, и свечи погасли.

Башенные часы пробили полночь.

Глава XIII
НОЧНОЙ ЛЕС ПЕРЕЛИН



очь лежала вокруг, тихая ночь.

— Лониана! — снова сказал Бастиан в темноту. Он чувствовал: от одного этого имени исходит сладкая, упоительная сила, и он произнес его еще несколько раз:

— Лониана! Лониана! Я иду, Лониана! Я уже здесь.

Но где он? Не видно ни единого проблеска света. Правда, вокруг больше не было чердачного холода. Его окружала бархатная, теплая темнота, в которой он чувствовал себя надежно укрытым.

Страх давно оставил его. Тут было так легко и радостно, что он даже тихонько засмеялся.

— Лониана, где я? — спросил он.

Тяжести собственного тела он больше не чувствовал и, поведя вокруг себя руками, понял, что парит в пустоте. Ни твердого пола, ни матов. Это было чудесное, никогда прежде не изведанное ощущение безграничной свободы. Может, он в открытом космосе? Нет, там есть звезды, а

здесь только бархатная тьма и блаженство. А может, он умер?

— Луниана, где ты?

И тут он услышал нежный, как у певчей птички, голос, который ответил ему и, скорее всего, отвечал уже и раньше, но он не осознавал этого. Он слышал его совсем близко, но не знал, с какой стороны.

— Я здесь, Бастиан!

— Луниана, это ты?

Она засмеялась — как запела.

— А кто же еще! Ведь это ты дал мне это красивое имя. Благодарю тебя за него. Милости прошу к нам, мой спаситель и мой герой.

— Где мы, Луниана?

— Я с тобой, а ты со мной.

Это было похоже на беседу во сне, но Бастиан знал точно, что не спит.

— Луниана, — прошептал он, — это конец?

— Нет, — ответила она, — это начало.

— Где Фантазия, Луниана? Где все остальные? Где Атрей и Фухур? Разве они все исчезли? А старик из Странствующей горы — его больше нет?

— Фантазия по твоему желанию возникнет заново, мой Бастиан. А моей властью она обретет реальность.

— По моему желанию? — удивленно повторил Бастиан.

— Ты же знаешь, — услышал он сладкий голос, — меня называют Повелительницей Желаний. Говори же, чего ты хочешь?

Бастиан подумал, потом осторожно спросил:

— А сколько желаний у меня в запасе?

— Сколько хочешь. Чем больше, тем лучше, мой Бастиан. Тем богаче и многообразнее будет Фантазия.

Бастиан был ошеломлен. Однако именно потому, что возможности оказались бесконечными, ему в голову не приходило ни одного желания.

— Я ничего не знаю, — сказал он наконец.

— Это плохо, — ответил ему певучий голос. — Тогда не будет Фантазии.

Бастиан смущенно молчал. Чувство безграничной свободы омрачилось тем, что от него зависело слишком много.

— Почему так темно, Луниана?

— Начало всегда темное, Бастиан.

— Я хотел бы снова тебя увидеть, Луниана, знаешь, как в тот раз, когда ты на меня взглянула.

Он снова услышал певучий смех.

— Почему ты смеешься?

— Я радуюсь, что ты наконец произнес желание.

— И ты его исполнишь?

— Да, протяни руку!

Он сделал это и почувствовал, как что-то легло на его ладонь. Это была крошечная, но странно тяжелая крупинка. Холод исходил от нее, на ощупь она была мертвая и жесткая.

— Что это, Луниана?

— Песчинка, — ответила она. — Это все, что осталось от моего безграничного королевства. Я дарю ее тебе.

— Спасибо, — сказал Бастиан, сожалея, что крупинка была неживой. Вдруг он почувствовал нежное шевеление у себя в руке.

— Взгляни-ка, Луниана! — прошептал он, поднеся ладонь к лицу. — Начинает теплеть и светиться! А вот и язычок пламени! Да это не пламя, а росток! Луниана, да это не песчинка! Это светящееся зернышко, и оно начинает прорастать!

— Отлично ты все сделал, Бастиан! — похвалила она. — Видишь, как у тебя хорошо получается.

От точечки на его ладони теперь исходило едва видимое свечение, оно набирало силу, и из бархатной темноты высветились два детских лица, склонившихся к ростку.

Бастиан медленно убрал руку, и светящаяся точка осталась парить на прежнем месте, как маленькая звезда.

Росток прямо на глазах выпустил листья и стебель, набухли и раскрылись почки, явив чудесные многокрасочные цветы. Вот уже появились маленькие светящиеся плоды. Созрев, они лопнули, как маленькие ракеты, и рассеяли вокруг, как дождь искр, новые семена.

Из новых семян тотчас начали расти новые растения, они имели уже другие формы, самые разные — одни напоминали пальму, другие папоротник, третьи кактус, хвощ или фикус. Каждое расцвечивалось новым цветом.

Вскоре вокруг Бастиана и Лунианы, над ними и под ними все пространство заполнилось растущими многоцветными растениями. Сияющий шар парил посреди Ничто, посреди Нигде, рос и разрастался, и в самой его сердцевине сидели Бастиан и Луниана, взявшись за руки и с восхищением наблюдая чудесное рождение нового мира.

Растения были неистощимы в цвете и формах, ночной лес разрастался все пышнее, ткалась причудливая ткань из разноцветного света.

— Ты должен дать ему имя! — прошептала Луниана.

— Перелин, ночной лес, — сказал Бастиан.

Он посмотрел Детской Королеве в глаза — и

снова произошло то же, что и в первый раз, когда они заглянули друг другу в глаза. Он сидел, как зачарованный, и не мог отвести взгляда. Теперь она была много, много красивее, чем тогда. Ее разорванное одеяние опять стало как новое, и в непорочной белизне шелка и ее длинных волос играли блики многоцветного нежного света. Его желание исполнилось.

— Луниана, — пролепетал одурманенный Бастиан, — ты выздоровела?

— Разве ты не видишь, Бастиан? — она улыбалась.

— Я хотел бы, чтоб всегда было так, как сейчас.

— «Всегда» — это лишь мгновение, — ответила она.

Бастиан не понял ее ответа, но ему было не до размышлений. Он хотел только сидеть напротив нее и нескончаемо любоваться ею.

Вокруг них уже выросли целые джунгли, сплелись светящимся куполом, но Бастиан больше не обращал внимания на этот лес, он сидел, утонув во взгляде Луниаиы.

Он не мог сказать, много ли прошло времени или мало, когда Луниана закрыла ему глаза ладонью.

— Зачем ты заставил меня так долго ждать тебя? — спросила она. — Зачем ты заставил меня отправиться к старику из Странствующей горы?

— Это было, потому что, — начал он смущенно, — я думал... много всего было... и страх тоже... но на самом деле я просто стыдился себя.

— Стыдился? Но из-за чего? — Она убрала свою руку и с удивлением смотрела на него.

— Ну... я думал, ты ждешь наверняка такого, кто подходил бы тебе.

— А ты, — спросила она, — разве ты мне не подходишь?

— Ну, то есть, — запинался Бастиан, чувствуя, что краснеет, — я хотел сказать, ты ждала мужественного, сильного, красивого, принца или кого-то похожего на него, но уж не такого, как я.

Он опустил глаза и снова услышал ее певучий смех.

— Вот видишь, — сказал он, — и ты смеешься надо мной.

Когда Бастиан снова осмелился поднять глаза, ее лицо было серьезно.

— Я хочу тебе кое-что показать, Бастиан. Посмотри мне в глаза!

Бастиан сделал это, хотя сердце у него колотилось и кружилась голова. И он увидел в золотых зеркалах ее глаз маленькую фигурку, которая затем становилась все ближе и яснее. Это был мальчик примерно его лет, но стройный и дивной красоты. Его осанка была гордой, лицо благородным, тонким и мужественным. Он выглядел как юный принц из восточной страны. На голове красовался тюрбан из голубого шелка, на ногах красные сапоги с загнутыми носками, поверх парчового одеяния серебрился плащ. Но самым великолепным в этом мальчике были руки — с тонкими, благородными и одновременно сильными пальцами.

Бастиан как раз собирался спросить, кто этот юный царевич, как вдруг молнией пронеслась в его голове догадка: да ведь это он сам!

Это было его собственное отражение в глазах Лунианы.

Он перевел взгляд на свои руки и ноги и действительно увидел и красные сапоги, и серебряный плащ, он долго и удивленно рассматривал все это, а потом повернулся к Луниане.

Ее больше не было!

Он стоял один в круглом гроте, образованном светящимися растениями.

— Луниана! — звал он, поворачиваясь во все стороны. — Луниана!

Но не получал ответа. Что же делать? Почему она оставила его одного? Куда ему теперь идти? А вдруг он вообще попался в ловушку?

Пока он пытался понять, что затеяла Луниана, оставив его одного, ничего не объяснив и не простившись, пальцы стали машинально играть золотым амулетом, который висел у него на шее.

Он поглядел на него и удивленно ахнул. Это был АУРИН, знак Детской Королевы, который делал его полномочным ее представителем. Луниана передала ему власть над всей Фантазией. И пока он носит этот знак, все будет так, будто она неотлучно рядом с ним.

Бастиан долго разглядывал двух змей, светлую и темную, заглотивших хвосты друг друга и образовавших овал. Потом перевернул медальон обратной стороной и к своему удивлению обнаружил там надпись — три коротких слова: ДЕЛАЙ ЧТО ХОЧЕШЬ. В Бесконечной Книге ничего не говорилось про эту надпись. Разве Атрей не заметил ее? Это были слова разрешения — нет, повеления: делать, что душе угодно.

Бастиан подошел к плотной живой стене леса и обнаружил, что полог из растений отодвигается безо всяких усилий. Он вышел наружу.

Нежный и одновременно мощный рост ночного леса продолжался — ввысь и вширь. Кое-где светящиеся стволы стояли так густо, что между ними едва можно было протиснуться. Бастиан шел вперед, стараясь не наступать на рос-

тки, но вскоре понял, что это невозможно, и зашагал напрямик.

Он наслаждался сознанием своей красоты. И его вовсе не огорчало, что никто им здесь не мог полюбоваться. Зачем ему изумление тех, кто его постоянно дразнил? Он их почти жалел теперь. Нет, он вообще забыл про них.

Постепенно это упоительное чувство насытило его, стало привычным и незаметным. Как будто по-другому никогда не было и не могло быть.

Причину этой перемены Бастиан узнал много позже, гораздо позже, чем следовало бы. За подаренную ему красоту он заплатил одним из своих воспоминаний: он забыл, что когда-то был толстым мальчиком с запавшими внутрь коленками.

Но если бы даже он обратил внимание на это свойство превращений — отнимать часть памяти о прошлом, — он не стал бы тревожиться: утраченное воспоминание вовсе не было для него дорогим.

Его желание быть красивым утолилось, и тотчас он почувствовал в себе новое желание. Быть только красивым — ведь этого мало! Вот быть сильным — другое дело!

Проголодавшись, он сорвал несколько плодов и осторожно попробовал, съедобны ли они. Оказалось, не только съедобны, но вкусны необычайно — одни сладкие, другие терпкие, горьковатые, но очень аппетитные. Он ел, шагая по лесу, и чувствовал, как в него вливается чудесная сила.

Между тем стволы деревьев встали на пути так густо, что и просвета не было видно. Сверху свисали лианы и воздушные корни, превращая заросли в непроходимые джунгли. Бастиан ре-

бром ладони прорубал себе путь, и заросли расступались, как будто это была не ладонь, а мачете. За его спиной они снова смыкались. Он раздвинул стволы руками — и они поддались, а затем бесшумно сомкнулись за ним.

Бастиан издал ликующий крик. Он был покорителем джунглей!

Какое-то время он наслаждался силой, позволявшей ему идти, сметая все преграды — как слон, влекомый великим зовом. Силы его все прибывали, ему не приходилось даже останавливаться, чтобы передохнуть, и не было никакого сердцебиения, и не кололо в боку, и даже пот не выступил на спине.

Но в конце концов Бастиан пресытился ощущением силы, и им овладело желание взглянуть с высоты на свое царство — чтобы узнать, как далеко простирается лес Перелин. Он глянул вверх, поплевал на ладони, схватился за лиану и, просто перебирая руками, даже не прибегая к помощи ног, стал подтягиваться, как это делают цирковые гимнасты. Бледным воспоминанием перед ним промелькнула полузабытая картина: урок физкультуры, когда он, к удовольствию всего класса, болтался на нижнем конце каната, как мешок муки. Он улыбнулся. Если бы они увидели его сейчас, у них бы отвисла челюсть. Они бы гордились знакомством с ним. Но он бы даже внимания на них не обратил.

Не останавливаясь ни на минуту, он добрался до нижних ветвей дерева, с которого свисала лиана, и сел на ветку верхом. Она была толстая и светилась изнутри красным. Бастиан осторожно поднялся на ноги.

Ствол здесь был толщиной в пять обхватов, а ближайшая ветка росла с противоположной стороны ствола, и дотянуться до нее было невозможно. Тогда он прыжком достиг ветвей по-

тоньше и стал на них раскачиваться, пока не достал до ближайшей опоры. И так он взбирался все выше и выше, пока крона не кончилась. Но ствол продолжал возноситься вверх, гладкий, без ветвей, толщиной с телеграфный столб. Бастиан поднял голову — верхушку ствола венчал громадный темно-красный цветок, похожий на гигантский тюльпан. Бастиан обхватил ствол руками и ногами и полез наверх. Ствол качался, как былинка на ветру.

Наконец он добрался до цветка, подтянулся, раздвинул лепестки и залез внутрь. Потом встал и выглянул, как из гигантской корзины, наружу.

Вид, открывшийся ему, был великолепен! Наверху все еще была бархатная темнота беззвездного неба, но внизу простиралась бесконечность Перелина, играющего всеми цветами радуги.

Бастиан долго упивался этим видом. Это было его царство! Он сотворил его сам. Он был господином Перелина!

И снова он не сдержал ликующего крика, и крик этот пронесся над светящимися джунглями.

А лес все рос — беззвучно, безудержно, нежно.

Глава XIV
ГОАБ, ЦВЕТНАЯ ПУСТЫНЯ

Открыв глаза после долгого сна, Бастиан увидел над собой все то же ночное беззвездное небо. Он потянулся, с наслаждением ощутив силу во всем теле.

Выглянув из цветка наружу, он увидел, что Перелин перестал разрастаться и уже не менялся больше. Бастиан еще не понял, что и это связано с исполнением его желания. Не ощутил он и того, что одновременно утратилось воспоминание о том, как он был когда-то слабым и неловким. Теперь он был красив, силен, но красота и сила мало чего стоят, если ты не закален, не тверд и не вынослив. Как Атрей, например. Но здесь, среди этого леса, где достаточно протянуть руку, чтобы сорвать сладкий плод, выносливости не обретешь!

На востоке стало светать, занималась заря. И бледнело свечение леса.

— Хорошо, — сказал Бастиан. — А я уж думал, тут вообще не наступит день.

Он сел и стал думать, что делать дальше. Ра-

зумеется, как господин этого леса, он мог бы гулять тут днями и неделями, но это казалось Бастиану скучным. Хорошо бы постранствовать и по другим местам Фантазии — например, по пустыне. По самой большой пустыне Фантазии. Да, вот чем можно было бы гордиться!

И в это мгновение он почувствовал сильную встряску. Послышался шум, и ствол дерева, на котором он сидел, накренился. Бастиан едва успел схватиться за лепестки, чтобы не выпасть из цветка. Он выглянул — вид Перелина был ужасен. Взошедшее солнце осветило картину разрушения. От могучего леса мало что осталось. Гораздо быстрее, чем рос, он распадался теперь в пыль, в мелкий цветной песок. Уцелевшие остатки стволов были похожи на руины башен. Последним деревом, что еще держалось, было то, на котором сидел Бастиан. Но едва он попытался покрепче вцепиться в лепестки, как они рассыпались. Теперь, когда перед глазами не было никакой преграды, Бастиан увидел, на какой головокружительной высоте он находится. Надо как можно скорее спускаться по стволу, пока он цел.

Осторожно, чтобы не вызывать сотрясений, он выбрался из цветка, обхватил ствол руками и ногами — но ствол согнулся. Цветок тотчас отпал и рухнул вниз, распавшись в красную пыль.

Бастиан медленно продвигался по стволу. Любой на его месте, глянув вниз, потерял бы равновесие и сорвался, но Бастиан полностью сохранял самообладание. Он знал, что любое неосторожное движение может стоить ему жизни. Он медленно пробрался к тому месту, где ствол стоял вертикально, и отсюда сантиметр за сантиметром стал соскальзывать вниз. Много раз сверху его осыпало цветным песком. Ветвей у дерева уже не было.

Новое сотрясение ствола остановило его скольжение. Ствол начал оседать, а потом и вовсе превратился в гору песка, с которой Бастиан скатился, несколько раз перекувырнувшись через голову. Его чуть не засыпало сверху, но он выбрался наружу, отряхнулся и выплюнул песок.

Невиданная картина открылась ему: весь песок пребывал в медленном текучем движении. Тут и там собирались холмы и барханы, каждый своего цвета. Голубой песок стекался к голубому, зеленый к зеленому, фиолетовый к фиолетовому. Перелин, рассыпавшись в прах, превратился в пустыню, но что это была за пустыня!

Бастиан взобрался на пурпурный холм и огляделся. До горизонта громоздились холмы всех мыслимых цветов, не повторяясь в оттенках. Кобальтовый, шафранно-желтый, карминно-красный, индиго, яблочно-зеленый, персиковый, лиловый, сиреневый, умбра-коричневый, и так далее, сколько хватал глаз. Золотые и серебряные песчаные струи текли меж холмов, отделяя цвета друг от друга.

— Да, — сказал Бастиан вслух, — это Гоаб, цветная пустыня!

Солнце поднималось, зной нарастал, становился нестерпимым. Воздух задрожал над раскаленными холмами, и Бастиан понял, что в такой жаре ему долго не выдержать.

Невольно он схватился за амулет в надежде, что тот выведет его отсюда, и пустился в путь. Он перебирался с холма на холм, час за часом продвигаясь вперед, но картина не менялась. Впереди громоздились все те же холмы, меняя только цвет. Воздух стал огнедышащим адом. Язык приклеился к нёбу, по лицу струился пот.

Палящее солнце неподвижно стояло в зените. Этот пустынный день тянулся так же долго, как ночь над Перелином.

Бастиан шел все дальше, глаза его воспалились, в горле пересохло. Но он не сдавался. Его тело отдало всю свою влагу, кровь в жилах загустела так, что едва текла, но Бастиан медленно продвигался дальше, не спеша и не останавливаясь, как и поступают все опытные путешественники в пустыне. Ему хотелось стать самым выносливым и не обращать ни малейшего внимания на жажду.

Он подумал, как быстро терял мужество прежде. Тысячу раз он что-то начинал, но сдавался при малейшей трудности. Он боялся проголодаться или заболеть. Теперь все это позади.

Путь через цветную пустыню Гоаб до него не осиливал никто, и никто после него не отважится пуститься в этот путь.

А может, никто про его подвиг никогда и не узнает?

Эта последняя мысль опечалила Бастиана. Все говорило о том, что границ Гоаб достичь нельзя. Рано или поздно, несмотря на выносливость, придется здесь погибнуть. Он встретил бы смерть достойно, как охотники из племени Атрея, но обидно, что никто никогда не придет сюда и не узнает про его смерть — ни в Фантазии, ни дома — будто его и не было.

Потом ему в голову пришла мысль. Ведь вся Фантазия — в книге, которую пишет старик из Странствующей горы. Там возникает все, что с ним теперь происходит. И кто-нибудь когда-нибудь об этом прочтет — а может, именно сейчас читает, — и сейчас он может этому кому-то подать знак.

Холм, на котором он в это время стоял, был ультрамариновый. Напротив, отделенный впадиной, высился рубиновый. Бастиан стал пригоршнями носить красный песок и вывел на голубом склоне красные буквы: Б Б Б.

Довольный, он разглядывал свою работу. Теперь любой читатель Бесконечной Книги увидит этот знак.

И снова в памяти Бастиана погас какой-то кусочек воспоминаний о человеческом мире — в обмен на исполнившееся желание: он стал выносливым и стойким. Он забыл свою былую слабость.

Но в нем уже проснулось новое желание.

— Здесь, в пустыне, никого не встретишь, — сказал он вслух. — А хорошо было бы испытать свое мужество и повстречать какое-нибудь опасное существо. Конечно, не такое ужасное, как Эргамуль, — лучше красивое. Но такое же грозное, а может быть, еще грознее...

Бастиан замолк, почувствовав, как задрожала под ним земля. Послышалось рычание такой силы и глубины, что мороз прошел по коже.

Бастиан обернулся и увидел вдали необъяснимое явление. Там мчалось нечто похожее на огненный шар. С невероятной скоростью этот шар описал круг по всей линии горизонта и понесся прямиком к Бастиану. В раскаленном дрожащем воздухе шар казался зыбким, он напоминал пляшущего огненного демона.

Не успев ничего сообразить, Бастиан скатился в ложбинку между красным и синим холмами. Но тотчас устыдился своего страха.

Потом он снова услышал рык, от которого дрожит земля, на сей раз совсем близко. Он поднял глаза. На вершине красного холма стоял громадный лев. Он стоял против солнца, так что его мощная грива пламенела, словно огненный венец. И грива, и вся шкура были не желтые, как обычно у львов, а такого же красного цвета, как холм.

Лев, кажется, даже не заметил мальчика, гля-

дя лишь на красные буквы на голубом склоне. Потом раздался его мощный рык:

— Кто это сделал?

— Я, — уже совершенно спокойно сказал Бастиан.

— Что это значит?

— Это мои инициалы. Меня зовут Бастиан Балтазар Букс.

Только теперь лев поглядел на Бастиана, и у того появилось чувство, что его окатило огнем, от которого он должен был на месте превратиться в пепел.

— А я, — сказал могучий зверь, — Граограман, господин цветной пустыни. Меня еще называют Цветная Погибель.

Они все еще смотрели друг на друга, и Бастиан по-прежнему выдерживал смертельную мощь, исходящую от львиного взгляда. Наконец лев опустил глаза. Медленной, величественной поступью он спустился с холма. Когда он ступил на голубой песок, цвет его шкуры сменился на голубой. Бастиан был против него как мышка против кота, и поэтому Граограман улегся и положил голову на землю.

— Господин мой, — сказал он. — Повелевай, я твой раб!

— Я хотел бы выбраться из этой пустыни. Ты можешь вывезти меня?

— Это, господин, для меня невозможно. Я ношу пустыню с собой.

— А есть еще какое-нибудь существо, — спросил Бастиан, — которое вывезло бы меня отсюда?

— Нет и не может быть, господин, — отвечал Граограман. — Там, где есть я, не может быть больше ничего живого. Одного моего присутствия достаточно, чтобы испепелить самое могу-

чее и страшное животное на тысячу миль кругом. Поэтому меня зовут Цветной Погибелью.

— Но я, как видишь, цел.

— Ты носишь АУРИН, он защищает тебя.

— Значит, без амулета я превратился бы в кучку пепла?

— Да, господин, даже против моей воли, хоть ты мой первый и единственный собеседник в этом мире.

— Спасибо, Луниана! — тихо сказал Бастиан, коснувшись амулета.

Граограман снова поднялся во весь рост:

— Я думаю, господин, нам есть чем поделиться друг с другом. Может быть, я открою тебе тайны, которых ты еще не знаешь. Может быть, ты объяснишь мне загадку моего существования.

— Но прежде, если это возможно, я хотел бы напиться.

— Твой раб слушает и повинуется, — ответил Граограман. — Садись на меня, я отвезу тебя в мой дворец, там ты найдешь все, что нужно.

Бастиан вскочил на него верхом, и Граограман сказал, обернувшись:

— Держись, господин, я быстрый бегун. И еще об одном не забудь: пока ты в моем царстве, ни на миг не снимай АУРИН!

И лев помчался, вначале не очень быстро, потом все больше разгоняясь. С удивлением Бастиан наблюдал, как его шкура меняет цвет, все время соответствуя цвету песка. Но вот Граограман мощными прыжками стал переноситься с одной вершины холма на другую, его могучие лапы едва касались земли, смена красок все ускорялась, пока у Бастиана не зарябило в глазах. Он зажмурился, ветер свистел в ушах, он вдохнул запах львиной гривы и издал ликующий крик, который прозвучал, как клекот орла. Граог-

раман отозвался ему ревом, от которого задрожала пустыня. Они слились, как всадник и конь, Бастиан обратился в сплошной свист ветра и пришел в себя, лишь когда Граограман сказал:

— Приехали, господин.

Бастиан спрыгнул на землю. Перед ним высилась скалистая гора, похожая на развалины древнего строения, полузасыпанные цветным песком. Горячий ветер давно отшлифовал все выступы и неровности.

— Это и есть мой дворец, господин. И моя могила. Входи, будешь первым и единственным гостем Граограмана.

Солнце уже потеряло свою испепеляющую силу и шло к закату, бледное и остывшее.

Они миновали темный коридор и множество лестниц, ведущих то вверх, то вниз. Шаги зверя слабели, поступь теряла легкость. Они подошли к большой каменной двери, она открылась перед Граограманом сама по себе, а позади Бастиана снова закрылась.

В просторном зале, а лучше сказать, в освещенной множеством люстр пещере, где они очутились, лежала ступенчатая плита. Граограман медленно обернулся к Бастиану, его взгляд потух.

— Мой час близок, господин, — сказал он слабым голосом, — и не остается больше времени для беседы. Но не беспокойся и жди утра. То, что происходит всегда, произойдет и на сей раз. И, может быть, ты сумеешь объяснить мне, почему.

Потом он кивнул на маленькую дверь в конце зала.

— Ступай туда, господин, там уже все готово. Эти покои дожидаются тебя с незапамятных времен.

Бастиан пошел к двери, но прежде, чем от-

крыть ее, оглянулся. Граограман улегся на плиту и теперь сам стал черный, как камень. Еле слышно он прошептал:

— Возможно, ты услышишь шум, не пугайся. На тебе АУРИН.

Бастиан кивнул и вошел в дверь.

Перед ним была великолепно убранная комната с колоннами и резными сводами. В углу стояла кровать под пологом, в другом углу в бассейне поблескивала золотистая вода, на столике был накрыт богатый ужин. Бастиан досыта наелся и напился, потом разделся, оставив на себе только амулет, и шагнул в бассейн. Он долго плескался в теплой воде, нырял и отфыркивался. Ему показалось, что люстры приглушили свет. Он вышел из воды, вытерся и снова оделся.

Вдруг раздался треск, гром и грохот, будто сорвалась и раскололась громадная льдина, и долго еще слышался постепенно утихающий стон.

У Бастиана забилось сердце, но он вспомнил слова Граограмана, что беспокоиться не следует.

Звук больше не повторился. Но тишина казалась еще страшнее. Бастиан открыл дверь и заглянул в пещеру. Вначале он не заметил никаких перемен, но люстры едва горели и здесь, потом свет их стал пульсировать — как сердце. Лев лежал в прежней позе и, казалось, смотрел на Бастиана.

— Граограман! — тихо окликнул Бастиан. — Что случилось?

Лев не отозвался и не пошевелился, но глазами следил за его приближением. Помедлив, Бастиан протянул руку, чтобы погладить гриву, но отпрянул: грива была жесткая и холодная, как камень.

Бастиан не знал, что делать. Он увидел, что створки входной двери медленно отворились, и,

только выйдя наружу, он спросил себя, что, собственно, он надеется тут найти. Ведь в пустыне нет никого, кто бы мог спасти Граограмана.

Но никакой пустыни больше не было!

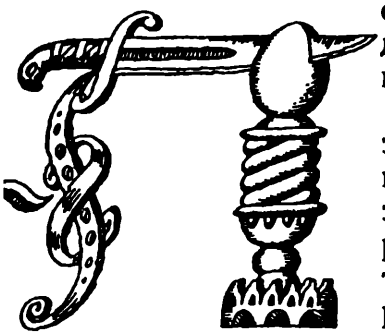
Ночная темнота засветилась и засверкала. Миллионы крохотных ростков проклюнулись из песчинок, снова ставших семенами. Перелин, ночной лес, набирал силу.

Бастиан вдруг понял — то, что Граограман окаменел, как-то связано со всем этим.

Он вернулся в пещеру. Свет в люстрах едва мерцал. Бастиан добрался до льва, обнял его могучую шею и уткнулся лицом в его гриву. Теперь и глаза льва стали черными и мертвыми, как скала. Последняя вспышка света — и стало темно, как в могиле.

Бастиан горько заплакал, и каменная морда льва повлажнела от слез. Наконец он улегся между могучими лапами, свернулся калачиком и заснул.

Глава XV
ГРАОГРАМАН



ора вставать, господин! — раздался мощный львиный рык.

Бастиан протер глаза. Он сидел между лапами льва, громадный зверь с удивлением взирал на него сверху. Люстры в пещере снова горели вовсю.

— Ах, — удивился Бастиан. — Я думал, ты окаменел.

— Так оно и было, — отвечал лев. — Я умираю каждый день, когда наступает ночь, а наутро оживаю снова.

— А я думал, это навсегда.

— Так оно и есть — всякий раз навсегда, — загадочно подтвердил лев.

Он встал, потянулся и начал бегать по пещере, разминая мышцы. Его шкура и шерсть пламенели все ярче, принимая ту же окраску, что и мраморные плиты пола. Вдруг он остановился и взглянул на мальчика:

— Это из-за меня ты плакал?

Бастиан молча кивнул.

— Тогда ты не только единственный, кто спал в лапах Цветной Погибели, но и единственный, кто оплакал его смерть.

— Ты всегда один? — тихо спросил Бастиан.

Лев отвернулся и повторил, рыча:

— Один... — Слово эхом отразилось в пещере. — Мое царство — пустыня, и она же — мое творение. Куда я ни повернусь, всё вокруг обращается в пустыню. Я ношу ее в себе. Я составлен из смертоносного огня. Что же может сопутствовать мне, кроме вечного одиночества?

Бастиан печально молчал.

— Ты, господин, — с горящими глазами лев подошел к мальчику, — ты, носящий знак Детской Королевы, ответь мне: почему я умираю каждую ночь?

— Чтобы в пустыне мог вырастать ночной лес Перелин.

— Перелин? Что это такое?

И Бастиан рассказал ему о чуде джунглей, состоящих из живого света.

— И все это, — заключил он, — возможно только тогда, когда ты превращаешься в камень. Но Перелин поглотил бы все кругом и задушил сам себя, если бы ему не приходилось каждое утро рассыпаться в песок, как только ты проснешься. Перелин и ты — вы связаны друг с другом.

— Господин, — сказал Граограман, обдумав все это. — Теперь я вижу, что моя смерть дает жизнь, а моя жизнь несет смерть. И то и другое хорошо. Теперь я понял тайну моего существования.

Он медленно и торжественно отправился в темный угол пещеры, и Бастиан услышал, как там что-то зазвенело. Вернувшись, Граограман

склонил голову и положил к ногам Бастиана какой-то предмет.

Это был меч.

Но выглядел он не слишком привлекательно. Стальные ножны проржавели, а рукоять была как у детской сабельки, выструганной из деревяшки.

— Можешь дать ему имя? — спросил Граограман.

— Булат, — сказал Бастиан, задумчиво разглядывая меч.

В тот же миг меч сам по себе выскользнул из ножен и влетел Бастиану прямо в руку. Теперь он увидел, что лезвие его состояло из ослепительного света, плотного, как сталь, но невесомого.

— Этот меч, — сказал Граограман, — ждал тебя с незапамятных времен. Прикоснуться к нему может лишь тот, кто скакал на моей спине, ел и пил у моего очага и купался в моей воде. Теперь ты дал ему имя, и он принадлежит тебе.

— Булат! — прошептал Бастиан, жадно любуясь, как свет играет на лезвии. — Ведь это волшебный меч, не так ли?

— Ни сталь, ни камень, ни другой материал не могут противостоять ему. Но его нельзя принуждать. Ты можешь применить его, только если он сам прыгнет тебе в руку. Горе тебе и всей Фантазии, если ты вынешь его из ножен по собственному желанию!

— Я всегда буду помнить об этом! — пообещал Бастиан.

Меч скользнул в ножны и снова стал тусклым и неприметным.

— А теперь, господин, бежим в пустыню, — предложил Граограман.

Бастиан вскочил на него верхом, и они по-

мчались. Утреннее солнце вновь поднялось над горизонтом, ночной лес давно рассыпался в пыль. Они носились по цветным холмам и дюнам, как пылающий вихрь. Весь мир обратился в единый свист ветра, будто Бастиан мчался на огненной комете.

К полудню Граограман вдруг остановился.

— Вот на этом месте, господин, мы встретились вчера.

Бастиан огляделся, но не нашел ни голубого, ни красного холмов. На сей раз холмы были оливковым и розовым. От букв не осталось и следа.

— Но тут все по-другому! — сказал он.

— Да, господин, каждый день все по-другому. До сих пор я не знал, почему так происходит. Но теперь, когда ты объяснил, что ночью из песка вырастает лес Перелин, мне все стало понятно.

— Но откуда ты знаешь, что это то самое место?

— Я чувствую это, как я чувствую любую точку на собственном теле. Ведь пустыня — это часть меня.

Бастиан спрыгнул с его спины и поднялся на вершину оливкового холма. Лев улегся рядом и стал оливкового цвета. Бастиан задумчиво смотрел вдаль.

— Скажи, Граограман, ты правда живешь здесь с незапамятных времен?

— Я жил здесь всегда.

— И пустыня Гоаб — она тоже была всегда?

— Да, конечно. А почему ты спрашиваешь?

— Я не понимаю... — Бастиан задумался. — Я готов был поспорить, что она здесь только со вчерашнего дня.

— Почему ты так думаешь, господин?

И тут Бастиан рассказал ему все, что пережил с тех пор, как встретил Луниану.

— Все это очень странно, — сказал он. — Ко мне приходит какое-нибудь желание, и потом случается именно то, что приводит к его исполнению. Понимаешь, ведь я все это не выдумываю. Да я бы и не смог. Разве выдумаешь тебя или все многообразие ночного леса! Воображения не хватит. Но все появляется сразу после того, как я что-нибудь пожелаю.

— Это потому, что ты носишь АУРИН, — сказал лев.

— Но я не понимаю, возникает ли все это по моему желанию или это уже было здесь, а я просто каким-то таинственным образом все угадал?

— И то, и другое.

— Но как это может быть? Ведь ты живешь здесь всегда! Комната в твоем дворце дожидалась меня вечность. И меч Булат был мне предназначен с давних пор, ты сам это сказал!

— Правильно, все так и есть, господин.

— Но я только со вчерашнего дня в Фантазии! Значит, все это появилось не вместе со мной?

— Господин, — спокойно ответил лев. — Разве ты не знаешь, что Фантазия — это царство сказаний. Сказание может быть совсем новым, а повествовать о древних временах. И все прошлое возникает одновременно с ним.

— Значит, и Перелин был всегда? — озадаченно спросил Бастиан.

— С того мгновения, как ты дал ему имя, господин, он стал существовать с незапамятных времен.

— Значит, все-таки я сотворил его?

— Это может сказать тебе лишь Детская Королева. Ты все получил от нее. — Он поднялся. — Но нам пора возвращаться во дворец.

Тот вечер Бастиан провел с Граограманом

на его черной плите. Он принес сюда ужин, заново приготовленный невидимыми волшебными руками, и ел подле Граограмана.

Когда свет люстр стал меркнуть, а потом запульсировал, постепенно угасая, он встал и обнял шею льва. Грива уже была каменная, холодная, как застывшая лава. И снова повторился вчерашний грохот и гром, но Бастиан уже не испугался.

Ночью он вышел наружу и долго любовался беззвучным ростом леса. Потом вернулся в пещеру, улегся между лапами льва и заснул.

Еще много дней и ночей он оставался у Граограмана, и они проводили долгие часы в бешеной скачке по пустыне и в диких играх. Бастиан прятался в дюнах, но Граограман всегда находил его. Они бегали наперегонки, и Граограман, конечно, побеждал. Они боролись — и уж тут Бастиан был ему равным соперником.

Однажды, вдоволь навозившись и еле переводя дух, Бастиан спросил:

— А можно, я останусь здесь навсегда?

— Нет, господин. Здесь только Перелин и Гоаб, здесь ничего не происходит. А тебе нужны события.

— Но я не могу уйти: пустыня слишком велика, а ты не вывезешь меня за ее пределы, потому что носишь ее с собой.

— Тебя могут вывести отсюда твои желания. Недостижимо для тебя лишь место, куда ты не захочешь. Только такое значение имеют в Фантазии слова «близко» и «далеко». Но недостаточно хотеть уйти ОТКУДА-ТО, надо стремиться КУДА-ТО.

— А я не хочу уходить отсюда, — отвечал Бастиан.

— Ты должен найти свое следующее жела-

ние, — сурово сказал Граограман. — И тогда ты сможешь уйти через Храм Тысячи Дверей. Так называется место, которое ведет куда угодно. И откуда угодно оно достижимо. Никто, однако, не видел его снаружи, потому что у него нет наружности. А его внутренность состоит из лабиринта дверей. И какая-нибудь обязательно выведет тебя туда, куда ты стремишься.

— Но как войти в этот храм, если снаружи к нему не приблизиться?

— Любая дверь, — продолжал лев, — даже самая обыкновенная дверь сарая или кухни, даже дверца шкафа может в какой-то момент ввести в храм. Но едва этот миг минет, она снова становится обыкновенной дверью, как была. Поэтому никто не может дважды пройти в одну и ту же дверь. И возвращения там не бывает.

— Но, очутившись там, — спросил Бастиан, — как выбраться наружу?

— Это не так просто, как в обычных домах. Из Храма Тысячи Дверей может вывести только желание ПРИЙТИ КУДА-ТО. У кого нет этого желания, тот будет блуждать по храму до тех пор, пока оно не появится.

— И как же найти входную дверь?

— Этого тоже надо захотеть.

— Очень странно, — размышлял Бастиан вслух, — что нельзя запросто пожелать, чего хочешь. Откуда в нас возникают желания? И что это такое вообще — желание?

Граограман поглядел на мальчика долгим взглядом, но не ответил.

Бастиан показал ему надпись на обороте амулета:

— Что бы это могло означать? «Делай что хочешь», ведь это означает, что можно делать все, что заблагорассудится, ведь так?

Морда Граограмана вдруг стала устрашающе строгой, даже грозной, и глаза его запылали.

— Нет, — проревел он. — Это означает, что ты должен исполнять только твою ИСТИННУЮ ВОЛЮ. Труднее этого нет ничего.

— Мою истинную волю? — повторил Бастиан. — Но что это такое?— Это твоя глубочайшая тайна, которая спрятана от тебя самого.

— Но как я могу ее обнаружить?

— Идя по пути желаний, от одного к другому — до самого последнего. Этот путь и приведет тебя к твоей истинной воле.

— Но мне это вовсе не кажется таким уж трудным, — Бастиан пожал плечами.

— Это самый опасный из всех путей. Он требует внимания и полной искренности, и нет другого пути, на котором так легко заблудиться.

— Ты хочешь сказать, легко заблудиться, если не все желания будут хорошими? — допытывался Бастиан.

Лев ударил хвостом по песку и оскалился, из глаз посыпались искры. Бастиан невольно сжался, не зная, чем так рассердил его.

— Что ты можешь знать о том, что ХОРОШО и что ПЛОХО? Что ты можешь знать о том, что такое ЖЕЛАНИЕ?

Бастиан долго думал над словами Цветной Погибели. Но лишь по прошествии многих событий он понял их смысл.

Желания мужества и отваги, исполнившись, отняли у него воспоминание о былой трусости. Теперь Бастиан чувствовал, как в нем нарастает новое желание. Он больше не хотел быть один. Ведь с Граограманом он был в известном смысле одинок. Ему хотелось показать свои способности перед другими. Чтобы им любовались и восхищались.

И однажды ночью он вдруг почувствовал, что сегодня в последний раз видит цветение Перелина.

Он вернулся в могильную пещеру Граограмана и сел в темноте на ступени. Он не мог бы сказать определенно, чего ждет, но знал, что в эту ночь он не может лечь спать. Он задремал немного, но вдруг резко встрепенулся, будто его окликнули. Дверь в его комнату приоткрылась. Из щели падала полоска красноватого света.

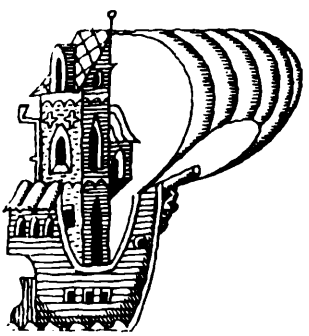
Бастиан поднялся. Не превратилась ли эта дверь на миг в одну из дверей Храма? Он приблизился и остановился в нерешительности. Но дверь стала медленно закрываться. Еще миг — и все!

Он обернулся к Граограману...

— Я еще вернусь! — крикнул он и скользнул в дверь, которая тотчас закрылась за ним.

Бастиан не знал, что не сможет сдержать свое обещание. Много позже по его поручению сюда придет другой человек, но это уже совсем другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

Глава XVI
СЕРЕБРЯНЫЙ ГОРОД АМАРГАНТ



Розовый свет волнами пробегал по полу и стенам комнаты. Она была шестиугольная, как ячейка пчелиных сот. В каждой второй стене была дверь, остальные три расписаны сказочными ландшафтами. Через одну из трех дверей Бастиан вошел сюда, две другие вели налево и направо. Двери были одинаковой формы, только левая черная, а правая белая. Бастиан выбрал белую.

В следующей комнате горел желтоватый свет. Стены располагались в том же порядке, картины изображали какие-то приборы и инструменты. Обе двери, ведущие дальше, по цвету оказались одинаковы, но левая была высокая и узкая, а правая низкая и широкая. Бастиан прошел в левую.

Комната, где он очутился теперь, тоже была шестиугольная, но освещенная голубым, а на стенах были выписаны иероглифы. Здесь двери различались материалом: одна деревянная, другая железная...

Невозможно описать все комнаты, которые миновал Бастиан, странствуя по Храму Тысячи Дверей. Были двери, похожие на замочную скважину и на вход в пещеру, были золотые и ржавые, кованые и кожаные, бумажные и пряничные, одни открывались, как задвижки, другие — как западня, а третьи даже застегивались на пуговицы. И всегда обе двери имели что-то общее — форму, цвет, материал, — но чем-то и основательно различались.

Каждый выбор, сделанный Бастианом, приводил его к другому выбору, из двух вариантов следовало выбрать один. Но Бастиан продолжал оставаться внутри храма, так как не знал, куда хочет. Потому и не мог решить, какую выбрать дверь: стеклянную или плетенную из лыка.

Он как раз находился в комнате с зеленым светом, стены были расписаны облаками, левая дверь сверкала перламутром, а правая матово поблескивала черным эбонитом. И вдруг он понял, чего хочет: встретить Атрея!

Перламутровая дверь напомнила ему про везучего дракона счастья, и Бастиан шагнул в нее.

В следующей комнате одна из дверей была сплетена из травы, а вторая из железных прутьев. Бастиан выбрал травяную, подумав о родине Атрея, Травяном море.

Дальше одна дверь была из кожи, а другая из бумаги, Бастиан прошел через кожаную и снова очутился перед двумя дверьми, и тут ему пришлось поломать голову. Одна была пурпурно-красная, другая оливково-зеленая. Атрей был зеленокожим, но плащ носил из шерсти пурпурного буйвола. На оливково-зеленой двери белой краской были нарисованы простые узоры — наверное, такие были у Атрея на лбу и на щеках, когда старый Сайрон впервые увидел его. Те же

самые знаки виднелись и на пурпурной двери, но Бастиан не знал, были ли они на плаще Атрея, и задумался. Какой путь выбрать? Неверная дорога приведет его к кому-нибудь другому, но не к Атрею.

Бастиан решился, открыл оливковую дверь — и очутился на воле!

К его удивлению, он вышел не в Травяное море, а в светлый лес. Воздух был наполнен птичьим пением. Бастиан обернулся и увидел, как за ним закрывается дверь маленькой лесной часовни. Видимо, на миг она стала выходом из Храма Тысячи Дверей. Бастиан снова открыл ее, но увидел за нею только тесное, узкое помещение часовенки.

Бастиан пошел по лесу, не сомневаясь теперь, что рано или поздно встретит Атрея.

Вскоре он увидел на полянке прекрасную даму в окружении рыцарей.

Перед ними была расстелена скатерть с едой, мужчины беззаботно беседовали, а дама играла на лютне. В отдалении паслись их оседланные кони. Бастиан вышел к ним, спрятав под рубашку АУРИН, чтобы не вызывать лишних церемоний.

Рыцари поднялись ему навстречу и вежливо поклонились, приняв его, очевидно, за восточного принца. Прекрасная дама с улыбкой склонила голову, продолжая пощипывать свой инструмент. Один из рыцарей был особенно хорош собою, с белокурыми локонами до плеч.

— Я — герой Хинрек, — представился он, — эта дама — принцесса Огламар, а эти господа — мои друзья Хикрион, Хисбальд и Хидорн.

— Я пока не могу назвать своего имени, — почему-то сказал Бастиан.

— Ах, обет? — предположила принцесса Ог-

ламар немного насмешливо. — Такой юный и уже дал обет?

— Вы, конечно, прибыли издалека? — осведомился герой Хинрек.

— Да, очень.

— Вы, видимо, принц? — принцесса благосклонно оглядела его.

— Этого я тоже не могу пока сказать, — ответил Бастиан.

— Ну, в любом случае, милости просим! — пригласил герой Хинрек.

Из разговора рыцарей Бастиан узнал, что неподалеку отсюда есть прекрасный город Амаргант. Там состоится состязание героев. Со всех концов Фантазии туда съезжаются самые отважные юноши, лучшие охотники и храбрейшие воины. Трое победителей состязания отправятся в путь, чтобы разыскать спасителя Фантазии. Когда-то давно над Фантазией разразилась ужасная катастрофа, страна была на волосок от гибели, но в последнее мгновение этот спаситель отвел беду, явившись к ним и дав Детской Королеве имя Луниана, под которым теперь ее знает каждое существо Фантазии. С тех пор он где-то блуждает, победители должны разыскать его и стать его телохранителями.

Состязания организует Серебряный старец Кверкобад. В Амарганте всегда правил старейший житель или жительница — Кверкобаду исполнилось сто семь лет. Отбирать победителей будет юный дикарь Атрей, мальчик из племени зеленокожих, он и возглавит поход: он единственный, кто однажды видел спасителя в Волшебном Зеркале.

При имени Атрей сердце Бастиана встрепенулось от радости, но он ничем не выдал себя, решив пока оставаться неузнанным.

Герою Хинреку не так важно было попасть в состав экспедиции, как завоевать сердце принцессы Огламар. Бастиан сразу заметил, что герой влюблен по уши — он то и дело вздыхал и поглядывал на свое божество печальными глазами. А она делала вид, что ничего не замечает. Когда-то она дала обет, что выйдет замуж только за великого героя, а Хинреку никак не представлялась возможность доказать, что он сильнее всех. Не убивать же кого-нибудь просто так, а войн в этих краях давно не было. Он побеждал бы в день по чудовищу и каждое утро приносил к ногам принцессы окровавленный хвост дракона, но во всей округе не водилось ни одного. И герой Хинрек был счастлив сразиться хотя бы в состязании, а принцесса Огламар отправилась с ним — чтобы своими глазами увидеть, на что он способен.

— Ведь словам героев нельзя верить, — сказала она Бастиану с улыбкой. — Они все преувеличивают.

— Хоть преувеличивай, хоть нет, — заметил герой Хинрек, — а раз в сто я сильнее этого самого спасителя.

— Откуда вам это знать? — спросил Бастиан.

— Будь у парня хоть вполовину моих силенок, ему не понадобилась бы никакая охрана.

— Как вы можете так говорить! — воскликнула Огламар. — Ведь он спас Фантазию!

— Ну и что? — пренебрежительно отозвался герой Хинрек. — Для этого не надо особенного героизма.

Бастиан решил при случае припомнить ему эти слова.

Три остальных рыцаря присоединились к Хинреку по дороге. Черноусый Хикрион утверждал, что он самый сильный рубака, изящный ры-

жеволосый Хисбальд уверял, что ему нет равных в ловкости обращения с клинком, а Хидорн был убежден, что никто не сравнится с ним в упорстве и выносливости. Внешний вид его был тому подтверждением: он весь состоял, казалось, из одних жил и костей.

Покончив с едой, они пустились в путь. Посуду, скатерть и остатки еды убрали в мешки и погрузили на вьючную полулошадку-полуишака. Принцесса Огламар, ни на кого не оглядываясь, пустилась на своем иноходце вскачь, герой Хинрек на вороном жеребце понесся ей вдогонку, а остальные рыцари позаботились о госте, предложив ему место среди вьюков лошачихи.

Старая лошачиха все время отставала, Бастиан пытался ее подгонять, но в конце концов она остановилась и сказала:

— Не подгоняй меня, господин, я отстала намеренно. Я знаю, кто ты.

— Откуда тебе это знать?

— Кто не полный осел, а только наполовину, как я, тот не может этого не заметить. Я была бы счастлива рассказать моим детям и внукам, что несла на себе спасителя Фантазии и первой приветствовала его. Но у меня, к сожалению, нет ни детей, ни внуков.

— Как тебя зовут? — спросил Бастиан.

— Йиха, господин.

— Послушай, Йиха, никому не говори о том, что знаешь, ладно?

— Конечно, господин.

Тут она пустилась вскачь и догнала остальных. Так они доехали до опушки леса, где им открылся живописный вид на большое, фиалкового цвета, озеро, окруженное холмами. Посреди озера и находился город Амаргант. Дома его стояли на кораблях, большие дворцы — на про-

сторных баржах, маленькие домики — на лодках и барках. Все дома и корабли были сделаны из серебра тонкой чеканки, окна и двери — из филиграни. По глади озера скользили лодки и паромы, перевозя посетителей с берега в город.

От паромщика, который перевозил их, Бастиан узнал, что фиалковая вода озера настолько едкая, что никакой другой материал, кроме серебра, не может ей противостоять и быстро растворяется. Озеро называется Мурху, или озеро Слез. В старину Амаргант был надежно защищен от нападений, потому что ни деревянные, ни железные суда не могли доплыть до него, растворяясь в озере Слез. Войны давно миновали, но теперь у Амарганта были другие причины располагаться на воде: жители любили время от времени переставлять дома и улицы с места на место.

Отыскать в этом городе гостиницу оказалось не так-то легко: всё было переполнено приезжими. Однако путники устроились, Бастиан отвел Йиху в стойло и шепнул ей на ухо:

— Смотри не забудь, о чем мы с тобой договорились. Скоро увидимся!

Бастиану не терпелось поскорее разыскать Атрея, и он отправился в город. Большие и маленькие корабли и баржи соединялись друг с другом трапами, мостами и сходнями, по ним гуляли толпы прохожих. Город кишел гостями. Амаргантцев легко было узнать в этой толпе: все они носили одежду из серебряной ткани, волосы у них были серебряные, а глаза фиалкового цвета, как озеро Мурху. Не многие из гостей могли сравниться с ними по красоте. Тут и там сновали удалые приезжие озорники; встречались мускулистые великаны с головой не больше яблока; бесноватые, у которых дым шел изо рта и из носа; бродили лешие с сучковатыми ногами, заки-

нув на плечо дубину. Однажды Бастиан увидел издали даже скалоеда, серебряные сходни раскачивались под его тяжелой поступью. Но Бастиан не смог догнать его, чтобы спросить, не Пюрнрахцарак ли он.

Наконец Бастиан добрался до центра города. Здесь уже вовсю шли состязания. На большой площади, окруженной зрителями, мерились силами борцы, фехтовальщики и стрелки. Зрители толпились на балконах, высовывались из окон и даже взбирались на крыши домов.

Бастиану тоже пришлось вскарабкаться на фонарный столб, чтобы увидеть происходящее.

На широком балконе дворца в серебряных креслах сидели старик правитель и мальчик в кожаных штанах — на голые плечи накинут пурпурный плащ, взгляд темных глаз внимателен и спокоен. Несомненно, то был Атрей! Позади него на балконе появилась поблескивающая перламутром львиноподобная голова. Это Фухур, везучий дракон, он что-то сказал Атрею на ухо, и тот кивнул.

Бастиан спустился с фонарного столба. Теперь можно было протиснуться поближе.

Конечно, все это напоминало скорее цирковое представление, чем настоящую борьбу. В правила соревнований входил пункт, по которому учитывалось благородство и благожелательность по отношению к противнику. Если кто-то увлекался до того, что причинял сопернику серьезный вред, его тотчас удаляли с соревнований.

То и дело побежденным приходилось покидать площадку, и участников становилось все меньше. Потом Бастиан увидел, как в борьбу вступили ловкий Хисбальд, сильный Хикрион и упорный Хидорн. Героя Хинрека и его обожаемой принцессы пока не было видно.

Дело подходило к концу, и Хикриону, Хисбальду и Хидорну пришлось не так легко, как они ожидали. Целый час длилась борьба, прежде чем им удалось превзойти всех остальных в силе, ловкости и выносливости. Публика ликовала, приветствуя победителей, и Атрей уже было поднялся, чтобы сказать что-то, но тут в круг вступил еще один состязатель. Это был Хинрек. Напряженная тишина воцарилась на площади, и Атрей снова сел.

— Господа, — громко обратился к рыцарям Хинрек, — я не допускаю даже мысли, что предыдущая небольшая разминка могла истощить ваши силы. Но все же с моей стороны было бы недостойно вызывать вас на поединок поодиночке. Я сохранил свои силы свежими, ибо до сих пор не видел себе соперника. Если кто-то из вас уже утомился, он может отказаться от борьбы. Я со своей стороны готов сражаться со всеми тремя одновременно. Есть ли у вас возражения?

— Нет, — ответили рыцари в один голос.

И начался фехтовальный поединок, да такой, что искры посыпались. Удары Хикриона ничуть не потеряли в силе, однако герой Хинрек был сильнее. Хисбальд носился молнией, но герой Хинрек был стремительнее. Хидорн пытался изнурить его, но герой Хинрек был выносливее. Все состязание длилось едва ли десять минут, а все трое были разоружены и преклонили колени перед героем Хинреком. Он гордо оглянулся по сторонам, ища взгляда своей дамы, которая наверняка следила за борьбой из толпы. Зрители ликовали.

Когда все стихло, поднялся Серебряный старец Кверкобад и спросил:

— Есть ли еще желающие помериться силой с героем Хинреком?

И тут в полной тишине раздался голос мальчика:

— Да, есть!

Все лица повернулись в сторону Бастиана. Толпа дала ему дорогу, и он вошел в круг. Возгласы удивления и беспокойства послышались со всех сторон.

— Кто ты? — спросил Серебряный старец Кверкобад.

— Мое имя я открою позднее, — сказал Бастиан.

Он заметил, как сузились глаза Атрея, глядя напряженно, но не узнавая.

— Мой юный друг, — обратился к нему герой Хинрек, — мы ели и пили за одним столом. Зачем ты вынуждаешь меня тебя опозорить? Возьми свои слова обратно и уходи.

— Нет, — ответил Бастиан, — я не отказываюсь от своих слов.

Герой Хинрек помедлил, потом предложил:

— Было бы недобросовестно с моей стороны мериться с тобой силой в сражении. Давай сперва посмотрим, кто выше запустит стрелу.

Принесли два тяжелых лука. Хинрек натянул тетиву и выпустил в небо стрелу так высоко, что она исчезла из виду. Почти в тот же момент выстрелил вдогонку и Бастиан.

Когда обе стрелы упали к ногам, оказалось, что стрела Бастиана с красным оперением в высшей точке догнала стрелу Хинрека с голубым оперением и вонзилась в нее сзади с такой силой, что расщепила ее.

Герой Хинрек немного побледнел, на щеках проступили пятна.

— Это случайность, — пробормотал он. —

Посмотрим, кто из нас окажется более ловким на рапирах.

Он потребовал две рапиры и две колоды карт, тщательно перетасовал обе колоды, потом одну подкинул вверх и молниеносно вскинул рапиру. Когда карты упали на землю, все увидели, что рапира пронзила червонного туза в самое его сердце. Хинрек снова победно оглянулся, ища взглядом свою даму.

Теперь Бастиан подбросил свою колоду вверх, и его рапира засвистела в воздухе. Ни одна карта не упала на землю. Он нанизал на свою рапиру все тридцать шесть, точно в середину, причем в правильном порядке, хотя герой Хинрек перетасовал их как следует.

Тут герой Хинрек понял, с кем имеет дело. Он ничего не сказал, только губы его слегка задрожали.

— Но в силе ты меня не превзойдешь, — сказал он чуть охрипшим голосом.

Взявшись за самую тяжелую штангу из тех, что оставались на площади, Хинрек медленно поднял ее вверх. Но прежде, чем он бросил вес, Бастиан подхватил его самого и поднял вверх вместе со штангой. У героя Хинрека было такое лицо, что некоторые зрители не удержались от смеха.

— До сих пор, — сказал Бастиан, — вы определяли вид состязания. Если вы согласны, теперь я предложу кое-что.

Герой Хинрек молча кивнул.

— Это будет испытание на мужество. Я предлагаю поплыть наперегонки по озеру Слез.

Толпа затаила дыхание. Герой Хинрек то краснел, то бледнел.

— Это не испытание на мужество, это безумие, — выдавил он из себя.

— Я готов. Идем?

Тут герой Хинрек потерял самообладание. Он топнул ногой и крикнул:

— Нет! Вы знаете не хуже меня, что вода озера растворяет все!

— Я не боюсь, — спокойно отвечал Бастиан. — Я странствовал по Цветной пустыне, ел и пил у очага Цветной Погибели, купался у него.

— Вы лжете! — взревел герой Хинрек, покраснев от гнева. — Никто в Фантазии не может выжить вблизи Цветной Погибели!

— Герой Хинрек! — медленно обратился к нему Бастиан. — Вместо того чтоб обвинять меня во лжи, признайтесь лучше, что вы испугались.

Это было для героя Хинрека слишком. Обезумев от гнева, он выхватил свой меч и ринулся на Бастиана. Бастиан отшатнулся и хотел предостеречь его, но герой Хинрек не дал ему ничего сказать. Нападение было не шуточным. В тот же миг меч Булат молнией выпорхнул из ржавых ножен, вложился в руку Бастиана и пустился в свой безумный танец.

То, что затем произошло, никто из зрителей не сможет забыть до конца своих дней. К счастью, Бастиан не выпускал меч из рук и следил за всеми его движениями. Сперва меч разрубил на куски все доспехи героя Хинрека. Клочья одежды летели во все стороны, но на коже его не было ни единой царапины. Оставшись только в нижнем белье, он все еще не прекращал битвы, и тогда Булат рассек его меч на множество кусков, да так молниеносно, что какое-то время рассеченный меч еще держался в воздухе, сохраняя целостный вид, а потом рассыпался звонкими осколками по площади. Широко раскрыты-

ми глазами герой Хинрек взирал на рукоять, оставшуюся у него в руке.

Крик удивления и восторга разнесся над толпой. Зрители бросились на площадь, схватили Бастиана, подняли его на руки и торжественно понесли по кругу. Ликованию не было конца. Бастиан с высоты искал глазами героя Хинрека, чтобы крикнуть ему слова утешения и примирения, ведь ему было искренне жаль беднягу, но героя Хинрека нигде не было видно.

Потом разом все стихло. Толпа отхлынула и расступилась, давая дорогу Атрею. Он с улыбкой снизу вверх смотрел на Бастиана. Бастиан тоже улыбался. Его спустили на землю, и теперь оба мальчика стояли друг против друга и молчали. Наконец Атрей заговорил:

— Если бы мне понадобился сопровождающий, чтобы пуститься на поиски спасителя Фантазии, мне хватило бы его одного, потому что он стоит многих. Но мне не нужен спутник, поход не состоится.

Ропот удивления и разочарования прошел по толпе.

— Спаситель Фантазии не нуждается в нашей защите, — продолжал Атрей, повысив голос, — потому что он в состоянии защитить себя сам лучше, чем могли бы сделать все мы. И нам не надо больше искать его, потому что он сам нашел нас. Я не сразу узнал его, потому что в Волшебном Зеркале Южного Оракула я видел его совсем другим. Он изменился, и очень. Но взгляд его остался прежним. Этот взгляд теперь устремлен на меня.

Бастиан ответил с улыбкой:

— Ты не ошибся, Атрей. Это меня ты привел к Детской Королеве, чтобы я дал ей новое имя. И я благодарю тебя за это.

Почтительный шепот как порыв ветра пронесся по толпе.

— Ты обещал нам назвать свое имя, — напомнил Атрей, — которое не знает в Фантазии никто, кроме Золотоглазой Повелительницы Желаний.

— Меня зовут Бастиан Балтазар Букс.

Зрители не могли больше сдерживаться. Крик тысяч собравшихся взметнулся вверх. Многие от восторга принялись плясать, так что все трапы и мостики зашатались.

Атрей, улыбаясь, протянул Бастиану руку, и тот ударил по ней, и так — рука об руку — они пошли по площади ко дворцу, у входа в который их ждали Серебряный старец Кверкобад и Фухур, счастливый дракон везения.

В этот вечер весь Амаргант праздновал свой лучший праздник. Все, что было на ногах, коротких ли, длинных, кривых или прямых, — плясало. И все, что имело голос — красивый или безобразный, высокий или низкий, — пело и смеялось.

Когда стемнело, на серебряных плотах и кораблях Амарганта зажглись тысячи огней. А в полночь начался фейерверк, какого в Фантазии еще не видали. Бастиан стоял с Атреем на балконе, рядом с ними были Фухур и Серебряный старец Кверкобад, и все они любовались, как пестрые цветные огни фейерверка в небе и тысячи фонарей серебряного города отражаются в темной воде озера Слез Мурху.

Глава XVII
ДРАКОН ДЛЯ ГЕРОЯ ХИНРЕКА

Серебряный старец Кверкобад уснул в своем кресле и пропустил лучшее из впечатлений, которое только мог получить за все свои сто семь лет. Много потеряли и те амаргантцы и гости, которые, утомившись от праздника, ушли спать. Лишь немногие остались бодрствовать, и эти немногие стали свидетелями пения, по своей красоте превосходящего все, что они слышали до сих пор, и все, что еще могли услышать.

То было пение Фухура, везучего дракона счастья.

Высоко в ночном небе он кругами летал над Амаргантом и пел своим бронзовым голосом. То была песня без слов, великая и простая мелодия чистого счастья. Кто слышал ее, у того раскрывалось сердце.

Атрей и Бастиан стояли на балконе и, сами не заметив как, схватились за руки. Они слушали, как зачарованные, боясь разрушить трепетное чувство словами.

Миновали величественные минуты, пение Фухура постепенно стихло, хотя он продолжал кружить по небу, время от времени проплывая тенью мимо луны.

— Разве Фухур не хочет спать? — спросил Бастиан.

— Он уже спит, — тихо ответил Атрей.

— В полете?

— Да. В домах ему тесно.

— Как ты думаешь, он разрешит мне покататься на нем?

— Конечно. Только это не так просто. Надо привыкнуть, — сказал Атрей.

— Я скакал верхом на Граограмане!

Атрей с восхищением посмотрел на Бастиана:

— Я слышал, как ты сказал это еще герою Хинреку. Но как тебе удалось укротить Цветную Погибель?

— На мне АУРИН, — объяснил Бастиан.

— Ах, вон оно что! — изумился Атрей. — Значит, теперь ТЫ носишь его.

Бастиану показалось, что на мальчишеском лице промелькнуло огорчение, и он тотчас горячо предложил:

— Хочешь, возьми его опять! — и хотел снять цепь.

— Ни в коем случае! — В голосе Атрея прозвучало отчуждение. И он добавил, смягчая его: — Нет, Бастиан, я досыта наносился.

— Как хочешь. А ты видел эту надпись? — Бастиан повернул знак.

— Хоть и видел, но не знаю, что тут написано.

— Как так?

— Мы, зеленокожие, хорошо умеем читать

следы, но не буквы. — Атрей пристально разглядывал знак. — И что же тут написано?

— ДЕЛАЙ ЧТО ХОЧЕШЬ. Если бы ты знал, что-нибудь изменилось бы?

— Нет, — сказал Атрей. — Я делал, что хотел.

— Атрей, ты сказал, я выглядел иначе в Волшебном Зеркале?

— Да, совсем иначе. Ты был очень толстый и бледный и одет по-другому.

— Толстый и бледный? — Бастиан недоверчиво улыбнулся. — Но я всегда был таким, как сейчас. Может, зеркало искажало?

— Вряд ли, — Атрей задумчиво поглядел на Бастиана.

— Чем же тогда объяснить, что ты видел меня таким?

— Не знаю, но я не мог ошибиться, — ответил Атрей.

Когда они отправились спать, Бастиан долго думал над словами Атрея. Ему показалось, что победа над героем Хинреком и даже пребывание у Граограмана перестали производить на Атрея впечатление с того момента, как он узнал об АУРИНЕ. Бастиану хотелось бы вернуть уважение Атрея, но как? Он должен сделать что-то такое, чего не мог бы никто в Фантазии, даже с АУРИНОМ.

Вот если бы ему представилась возможность блеснуть в сочинении историй! Уж этого в Фантазии не может никто. Например, состоялся бы завтра в Амарганте поэтический праздник, на котором Бастиан затмил бы всех своими сочинениями. Вот тогда бы Атрей увидел!

А еще лучше, если бы все, что он сочинит, осуществилось! Разве не сказал Граограман, что Фантазия — страна историй и потому даже дав-

нее прошлое возникает заново, если попадет в историю или сказку!

И, воображая, как удивился бы Атрей, Бастиан незаметно заснул.

На следующее утро за завтраком в пышном зале дворца Серебряный старец сказал:

— Мы решили сегодня устроить для наших гостей совершенно особенный праздник. Ты можешь не знать, Бастиан Балтазар Букс, что амаргантцы издавна славятся в Фантазии как рассказчики историй и исполнители песен. Наши дети сызмальства обучаются этому искусству, а когда вырастают, мы отправляем их в путешествия, чтобы они упражнялись в своем умении и радовали других. Нас всюду встречают с почетом. Но вот в чем беда: запас наших песен и сказок скуден. То немногое, что есть, мы делим между многими исполнителями. Но я слышал, что ты в своем мире умел сочинять истории.

— Да, — сказал Бастиан. — Меня даже высмеивали за это.

Серебряный старец удивленно поднял брови:

— Высмеивать за то, что ты можешь придумывать истории, которые еще никто не знает? Как это возможно? Мои сограждане были бы только благодарны, если бы ты одарил нас своими сказаниями.

— С удовольствием! — отвечал Бастиан.

После завтрака они вышли на террасу дворца, где их уже поджидал Фухур. На площади между тем собралась толпа, у многих амаргантцев были с собой серебряные струнные инструменты: арфы, лиры, лютни и гитары — чтобы сопровождать чтение музыкой.

Кверкобад хлопнул в ладоши, прося тишины.

— Сегодня великий поэт подарит нам новые

истории. Но вначале, чтобы вдохновить его, пусть выступят лучшие из вас!

Амаргантцы на площади низко поклонились и стали один за другим читать наизусть. Бастиан волновался все сильнее, ожидая момента, когда наступит его черед. Вчерашнее его желание исполнилось с изумительной точностью. Теперь ему не терпелось проверить, исполнится ли и все остальное, что он задумал.

Амаргантцы рассказывали истории и исполняли песни, пока Кверкобад не остановил их, потому что истории уже начали повторяться.

— Я говорил тебе, Бастиан Балтазар Букс, что наш запас невелик. Не сможешь ли ты поделиться с нами своими легендами?

— Я подарю вам все, что придумал, — воодушевленно сказал Бастиан, — потому что я могу сочинить еще. Многое я рассказывал одной маленькой девочке по имени Крис Та, а некоторые истории не рассказывал никому. Но потребовалось бы много времени, чтобы пересказать их все. Поэтому я расскажу лишь одну историю, в которой будут и все остальные. Она называется «История библиотеки Амарганта».

Он сделал паузу и начал:

— В давно прошедшие, забытые времена в Амарганте правила королева Квана. Тогда здесь еще не было ни озера Слез Мурху, ни серебряных домов. Это был обыкновенный город из камня и дерева. У Кваны был сын по имени Квин, заядлый охотник. Однажды в лесу он встретил единорога, у которого на кончике рога сиял камень. Квин убил это животное и взял камень себе. Но из-за этого в Амарганте перестали рождаться дети. Город был обречен на вымирание. Убитого единорога не вернешь, и никто не знал, как же быть.

Тогда королева Квана отправила посланника в Южный Оракул, чтобы узнать от Уиулалы, что делать. Но Южный Оракул очень далеко, посланник отправился в путь еще юным, а вернулся стариком. Квана к тому времени умерла, правил ее сын Квин, но и он был уже стар, как большинство амаргантцев. Было во всем городе только двое детей: мальчик Аквил и девочка Ликва.

Посланник поведал, что открыла ему Уиулала: Амаргант вернет себе былое величие, если сможет стать самым красивым городом Фантазии. Но этого амаргантцы могут добиться только при помощи ахараев, самых безобразных существ Фантазии. Их еще называют вечноплачущими, потому что они горюют из-за своего уродства и непрерывно проливают слезы. Этими слезами они вымывают из недр земли необыкновенный вид серебра, которое умеют искусно обрабатывать.

И вот амаргантцы отправились на поиски ахараев, но не могли разыскать их, потому что те жили глубоко под землей. Наконец умерли все, остались только Аквил и Ликва, ставшие к тому времени взрослыми. И в конце концов им двоим удалось найти ахараев и уговорить их сделать Амаргант самым красивым городом Фантазии.

Ахараи построили серебряный плот, а на нем небольшой дворец из филиграни. Они установили его посреди главной городской площади, а потом провели слезопровод из внутренних подземных хранилищ, так что долина наполнилась едкой соленой водой. Возникло озеро Мурху, по его водам стал плавать серебряный дворец. Там стали жить Аквил и Ликва. Ахараи по-

ставили молодой паре одно условие: чтобы сами они и все их потомство всегда пели песни и рассказывали истории. И до тех пор, пока они делают это, ахараи будут им помогать, потому что, создавая прекрасное, они будут не так печалиться из-за своего уродства.

Аквил и Ликва основали целую библиотеку — знаменитую библиотеку Амарганта, в которой собраны все мои сочинения. Библиотека начинается с истории, которую я вам теперь рассказываю, а потом к ней постепенно добавились и все остальные. Их стало так много, что никто не в состоянии прочитать их все.

То, что Амаргант и по сей день самый красивый город Фантазии, объясняется тем, что ахараи и амаргантцы до сих пор выполняют уговор, хотя те и другие уже забыли об этом уговоре, да и друг о друге тоже. Только название озера Слез Мурху еще напоминает о происшедшем в незапамятные времена.

Когда Бастиан замолк, поднялся Серебряный старец Кверкобад. На его лице сияла радостная улыбка.

— Бастиан Балтазар Букс, — сказал он, — ты подарил нам больше, чем просто историю, и больше, чем все истории на свете. Теперь мы знаем о нашем происхождении, знаем, откуда взялось озеро Мурху и отчего мы издавна считаемся народом песен и сказаний. А важнее всего то, что теперь мы узнали: то большое круглое здание, в которое не входил никто из нас, потому что оно было заперто с незапамятных времен, — это, оказывается, библиотека Амарганта!

Бастиан и сам был поражен, что все рассказанное им обрело реальность (или всегда было реальностью? Граограман сказал: и то и другое!). Но он хотел убедиться своими глазами.

— Где же это здание? — спросил он.

— Идемте все туда, — сказал Кверкобад. — Может быть, сегодня мы станем свидетелями еще одного чуда.

Все отправились по мостикам и трапам к таинственному строению с совершенно гладкими стенами без окон. В серебряную поверхность наглухо закрытой двери был вправлен камень, по виду из обыкновенного стекла. Над камнем виднелась надпись:

Я алмаз единорога,
Звездный глаз —
Снят охотниками с рога
И погас.
Но без света в темной сфере
Нет пути.
Потому держу я двери
Взаперти.
Свет пробудит мой не каждый —
Только тот,
Кто по имени однажды
Назовет.
На сто лет ему свеченье
Подарю.
Грот Минроуд, сновиденья
Озарю.
Коль с конца прочесть случится
Тайный стих,
Свет столетний источится
В тот же миг.

— Никто из нас, — сказал Кверкобад, — не мог объяснить эту надпись, никто не знает, что такое Минроуд. Никто не нашел имя камню, хотя мы перебрали уже все слова. Может, ты заставишь его светиться?

Все амаргантцы в ожидании замерли.

— Аль-Таир! — воскликнул Бастиан.

В тот же миг камень ярко вспыхнул и вы-

прыгнул из своей оправы прямо в руки Бастиану. Дверь открылась.

Единый восхищенный вздох слетел с тысяч губ.

Держа светящийся камень в руке, Бастиан первым вошел внутрь.

В просторном круглом помещении было темно, Бастиан поднял камень повыше, но света не хватало. Принесли лампы. Теперь стало видно, что вдоль круглых стен стоят полки с книгами. Указательные таблички разделяли их по жанрам: «Веселые истории», «Увлекательные истории», «Серьезные истории» и так далее.

В середине круглого зала на полу была надпись: «Библиотека полного собрания сочинений Бастиана Балтазара Букса».

Атрей оглядывал все это удивленными глазами:

— Неужели все это ты сочинил сам?

— Да, — сказал Бастиан и сунул Аль-Таир в карман.

— Это не укладывается у меня в голове.

Амаргантцы с воодушевлением набросились на книги, они читали их, усевшись прямо на пол, а иные, не теряя времени, уже заучивали их наизусть.

Весть о событии разнеслась по всему городу. Едва Бастиан и Атрей вышли наружу, как к ним уже спешили рыцари Хисбальд, Хидорн и Хикрион.

— Господин Бастиан, мы услышали, какие необыкновенные способности вы нам сегодня показали. Каждый из нас тоже мечтает узнать свою собственную историю. Мы просим принять нас на службу. Хоть вы и не нуждаетесь в защите, мы все же могли бы вам пригодиться.

— Такими спутниками гордился бы каждый, — согласился Бастиан.

Три рыцаря хотели тут же на месте принести присягу верности на мече Бастиана, но он удержал их:

— Булат — волшебный меч. Кто не ел и не пил у очага Цветной Погибели, не может прикоснуться к нему без опасности для жизни.

Пришлось друзьям ограничиться простым рукопожатием.

— А что же с героем Хинреком? — спросил Бастиан.

— Он совершенно сокрушен — из-за дамы. Вы лучше сами взгляните на него, — отвечали рыцари.

И они отправились в гостиницу, где вчера Бастиан оставил в стойле Йиху. Герой Хинрек сидел за столом, запустив руки в свои белокурые кудри. Он поднял навстречу вошедшим лицо с красными от бессонницы и слез глазами. На столе перед ним лежал листок бумаги, который, как можно было догадаться, несколько раз уже комкали и потом заново разглаживали ладонью.

— Я хотел бы справиться о вашем самочувствии, — начал Бастиан, — и принести извинения, если обидел вас чем-нибудь.

— Со мной все кончено, — произнес герой Хинрек. — Вот, прочтите!

Он придвинул Бастиану записку: «Мне нужен только самый великий герой — а это не Вы. Посему прощайте!»

— От принцессы Огламар? — спросил Бастиан.

— Она уехала сразу же после нашего поединка, — кивнул герой Хинрек. — Я больше не увижу ее. Что мне еще остается в этом мире?

— А вы не могли бы ее догнать? Переубедить?

Герой Хинрек горько рассмеялся.

— Плохо же вы знаете принцессу Огламар. Я тренировался больше десяти лет, чтобы уметь все то, что умею теперь. Я подчинил свою жизнь железной дисциплине. Брал уроки фехтования и борьбы у самых знаменитых борцов, пока не победил их всех. Я бегаю быстрее коня, прыгаю выше оленя, я все умею лучше всех, вернее умел до вчерашнего дня. Когда-то она не удостаивала меня взглядом, потом ее интерес ко мне вырос. Я уже надеялся стать ее избранником — и все оказалось напрасно. Как мне жить без надежды?

— Может, вам понравится другая девушка? — сказал Бастиан.

— Нет, ведь принцесса Огламар тем и нравилась мне, что ей нужен был самый великий.

— Может, вам попробовать стать великим в чем-нибудь другом? В исполнении песен, например?

— Я герой, это моя профессия, — с достоинством отвечал Хинрек.

Рыцарь Хисбальд тихонько шепнул Бастиану:

— Для вас, господин Бастиан, помочь ему было бы не так сложно.

— Для таких героев, как Хинрек, — добавил Хидорн, — нет ничего хорошего в том, что во всей округе не водится никаких чудовищ.

— Чудовища ведь для того и нужны, — разъяснил Бастиану Хикрион, — чтобы герой смог стать героем.

При этом он подмигнул, и Бастиан, наконец, все понял.

— Послушайте, герой Хинрек, — сказал

он. — Я предложил вам отдать сердце другой даме лишь для того, чтобы испытать ваше постоянство. Сейчас принцесса Огламар очень нуждается в вашей защите. Никто, кроме вас, не в состоянии ее спасти, ибо она только что похищена.

— Вы это серьезно, господин Бастиан? — поднял голову Хинрек.

— Она как раз ехала верхом по лесу, ее заметил ужасный дракон Смэрг, напал на нее, вырвал из седла и унес.

Герой Хинрек вскочил, глаза его сверкнули, щеки вспыхнули. Но тотчас блеск его глаз потускнел, и он снова сел.

— К сожалению, этого не может быть. Во всей округе нет никаких драконов, — сказал он печально.

— Вы забываете, герой Хинрек, — объяснил Бастиан, — что я пришел издалека и знаю гораздо больше, чем может быть открыто вам.

— Это так, — подтвердил Атрей, впервые вмешиваясь в разговор.

— И она в самом деле похищена чудовищем? — воскликнул герой Хинрек. Потом он прижал обе руки к сердцу и простонал: — О моя божественная Огламар, как ты, наверное, страдаешь! Но не бойся, твой спаситель уже в пути! Скажите, что я должен делать, куда скакать?

— Очень далеко отсюда, — начал Бастиан, — в стране Холодного Огня есть закаменевший лес, а посреди него стоит свинцовая крепость. Она окружена тремя глубокими рвами, первый наполнен жидким ядом, второй — дымящейся кислотой, а в третьем кишат скорпионы. Через эти рвы нет ни мостика, ни перехода, потому что хозяин этой свинцовой крепости и есть тот

летучий дракон Смэрг. Как вам найти страну Холодного Огня, я не знаю. Смэрг способен летать очень далеко и очень быстро. До сих пор он промышлял в других краях Фантазии, поэтому вы ничего не слышали о нем. Чтобы победить такое чудовище, требуется невиданный герой.

При этих словах щеки героя Хинрека снова разрумянились.

— Нет ли у Смэрга какого-нибудь уязвимого места? — по-деловому спросил он.

— Ах, чуть не забыл самое главное! — ответил Бастиан. — В глубочайших подвалах крепости лежит свинцовый топор. Его Смэрг бережет, как зеницу ока, потому что это единственное оружие, которым его можно убить.

Бастиан не успел договорить, как со двора послышались жуткие вопли:

— Дракон! Чудовище! Да вон же, в небе! Спасайся, кто может!

Герой Хинрек ринулся наружу, все бросились за ним вслед.

По небу неслось чудовище, похожее на гигантскую летучую мышь. Холодная тень накрыла весь город Амаргант. В лапах чудовище сжимало молодую даму, которая кричала и билась из последних сил.

— Хинрек! — слышалось сверху. — На помощь, Хинрек! Спаси меня!

Хинрек уже выводил из стойла своего вороного коня и на бегу кричал паромщику:

— Скорее! Я дам тебе все, что ты захочешь, только скорее!

— Надеюсь, я не слишком загрузил его работой, — пробормотал Бастиан.

Атрей пристально поглядел на него сбоку и тихо сказал:

— Не отправиться ли и нам в дорогу?

— Куда?

— Ты пришел в Фантазию из-за меня. Теперь я должен помочь тебе найти дорогу назад, в твой мир.

— О, об этом я еще не думал.

— Ты спас Фантазию, и теперь тебе надо вернуться назад, чтобы спасти мир людей. Или тебя здесь что-то держит?

— Нет, вроде бы ничего, — ответил Бастиан, давно забыв, что не всегда был таким сильным, красивым и мужественным.

— А путь может оказаться долгим и трудным, кто знает, — добавил Атрей.

— Да, кто знает, — согласился Бастиан. — Если хочешь, отправимся.

Три рыцаря немного поспорили из-за права уступить своего коня Бастиану, но Бастиан легко разрешил спор, попросив себе Йиху. Рыцари, правда, сомневались, не унизит ли такая лошадь достоинства Бастиана, но он настоял на своем.

Фухур, дракон везения, был счастлив, что наконец-то они отправляются. Все-таки города не для Фухура, даже такие красивые, как Амаргант.

— Мы будем ждать вас на берегу! — крикнул Атрей, и они взлетели.

Рыцари сняли с Йихи поклажу и оседлали ее, как своих коней. Она не могла понять, в чем дело, пока Бастиан не шепнул ей на ухо:

— Теперь ты мой конь, Йиха!

И когда паром отчаливал от города Амаргента, по окрестностям все еще разносилось радостное ржание старой лошачихи.

Что же касается героя Хинрека, то ему удалось попасть в страну Холодного Огня. Он про-

ник и в свинцовую крепость, преодолев все три рва вокруг нее. Он нашел свинцовый топор и победил дракона Смэрга. После этого он отвез принцессу Огламар к ее отцу, хотя теперь она охотно вышла бы за него замуж. Но он почему-то больше не хотел этого. Впрочем, это уже другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

Глава XVIII
АХАРАИ

Тяжелые облака низко нависали над головами всадников, обливая их плотным холодным дождем. Потом с дождем смешался снег. Кони, склонив головы, шли против ветра. Плащи всадников отяжелели от влаги.

Путь их оказался долгим и трудным. Три последних дня всадники скакали по высокогорной равнине. Погода ухудшалась, под ногами было месиво из грязи и острых камней.

Но, несмотря на трудности, рыцари были в отличном расположении духа. Они и не ждали, что поход будет похож на воскресную прогулку. Время от времени они даже пели — не столько хорошо, сколько от сердца. Их любимая песня начиналась словами:

Когда я был мальчишкой,
Гулял я, молодец...

Они говорили, это старинная песня путешественников и называется не то ШЕКСПИР, не то что-то в этом роде.

Одному лишь Атрею и дождь и холод были нипочем. Они с Фухуром улетали вперед на разведку, потом возвращались, чтобы подготовить путников к тому, что их ждет впереди.

Все были убеждены, что ищут для Бастиана дорогу назад, в его мир. Бастиан и сам так думал. Хоть вовсе и не хотел покидать Фантазию. Но география Фантазии определяется исключительно желанием. И поскольку направление выбирал Бастиан, они лишь углублялись внутрь Фантазии, приближаясь к ее центру. А центром была Башня Слоновой Кости.

На другой же день после выхода из Амаранта путешественники наткнулись в лесу на следы дракона Смэрга. Часть деревьев закаменела от его ледяного дыхания, и были видны отпечатки страшных лап. Атрей — как-никак охотник-следопыт — обнаружил тут еще один след — коня героя Хинрека. Значит, герой Хинрек наступал дракону на пятки.

— Не могу сказать, что мне это очень приятно, — полушутя сказал Фухур. — Хоть этот Смэрг и чудовище, но он мне родня.

С тех пор Бастиан много размышлял над тем, что он, собственно, сделал, выдумав для героя Хинрека дракона. Конечно, герою Хинреку надо с кем-то сражаться и кого-то защищать. Но ведь заранее не скажешь, победит ли он. А если верх одержит Смэрг? И в каком ужасном положении теперь находится принцесса Огламар! Она, конечно, заслуживает наказания за свою заносчивость, но не такого же! А подумать только, что еще может натворить это чудовище в Фантазии. Получается, Бастиан легкомысленно подверг опасности многих невинных. Луниана, конечно, не делает в своем королевстве различия

между злым и добрым, между безобразным и прекрасным, но разве Бастиан мог разрешить себе такое же отношение?

Нет, Бастиан вовсе не хотел войти в историю Фантазии как создатель чудовищ. Лучше прославиться добрыми делами и слыть благодетелем, вот чего бы ему хотелось.

Местность между тем стала скалистой, и Атрей, прилетев с разведки, доложил, что впереди есть горная котловина с пещерами.

Вечерело, пора было подумать о ночлеге. Дорога шла по ущелью — возможно, то было русло высохшей реки. Вскоре они очутились в котловине, выбрали просторную пещеру и уютно устроились в ней. Рыцари набрали сухого хворосту, и скоро в пещере мирно полыхал огонь. Положили просушить плащи, расседлали лошадей, и даже Фухур, предпочитавший вольное небо, укрылся в тепле пещеры.

Пока Хидорн, нанизав куски мяса на меч, обжаривал их на костре, а остальные наблюдали за этим упоительным процессом, Атрей повернулся к Бастиану:

— Расскажи нам что-нибудь про девочку Крис Та.

— Про кого? — не понял Бастиан.

— Про твою подругу, для которой ты придумывал разные истории.

— Я не знаю такой девочки, — ответил Бастиан, — и с чего ты взял, что я рассказывал ей истории?

Атрей посмотрел на него долгим задумчивым взглядом.

— В твоем мире, — настойчиво повторил он, — ты рассказывал много историй — ей и себе самому. Ты сам говорил про это в Амарганте.

— Это верно, — пробормотал Бастиан, уставившись в костер. — Припоминаю, действительно говорил. Но откуда я это взял — сам не пойму. Ничего такого со мной на самом деле не было.

Атрей переглянулся с Фухуром, как будто они уже понимали, в чем причина этого странного забвения.

— Мясо готово, — доложил Хидорн и раздал всем по куску.

«Готово» — это было слишком сильно сказано: снаружи мясо обуглилось, а внутри было сырое. Но в таких условиях выбирать не приходилось.

— Расскажи, как ты к нам пришел, — попросил Атрей за ужином.

— Но ты сам это знаешь, — ответил Бастиан, — ведь это ты привел меня к Детской Королеве.

— Я хочу сказать, еще до того, что было с тобой в твоем мире?

И Бастиан рассказал, как он украл книгу у господина Кореандра, как спрятался с этой книгой на чердаке школы и начал там читать. Когда он дошел до Великого Поиска, Атрей остановил его. Собственные приключения Атрея не интересовали. Ему гораздо важнее было узнать подробности о чердаке, о похищении книги.

Бастиан ничего не мог вспомнить. Все, что было связано с побегом на чердак — его страх, его слабость и робость, — исчезло из памяти. Уцелевшие обрывки воспоминаний были неотчетливы — будто речь шла о ком-то другом.

Атрей настойчиво задавал вопросы, Бастиан рассказывал о тех временах, когда еще была жива его мать, об отце, о своем доме, о своем горо-

де и о школе — все, что еще не выкрошилось из его памяти.

Рыцари спали, а Бастиан все рассказывал. Ему удивительно было, что Атрея интересовали самые обыденные вещи. По тому, как Атрей слушал, Бастиану и самому стало казаться, что все эти повседневные мелочи полны тайны, которой он до сих пор не разгадал.

Была уже поздняя ночь, огонь догорел. Бастиан завернулся в свой серебряный плащ, и тут Атрей произнес:

— Все дело в АУРИНЕ.

— Что ты имеешь в виду? — Бастиан сонно взглянул на друга.

— АУРИН, — продолжал Атрей, будто разговаривая сам с собой, — на человеческих детей действует совсем иначе. Знак дает великую власть, он исполняет все твои желания, но взамен отнимает у тебя воспоминания о твоем мире.

Бастиан поразмыслил. Он вовсе не чувствовал, что его память что-то утратила.

— Граограман сказал мне, что я должен идти дорогой желаний, чтобы понять мою истинную волю. Именно это означает надпись на АУРИНЕ. Я не могу перепрыгнуть или обойти ни одно из желаний, иначе я вообще не смогу продвигаться по Фантазии. Так он сказал.

— Да, — задумчиво проговорил Атрей, — АУРИН показывает тебе путь и одновременно отнимает цель у этого пути...

— Ну, — беспечно сказал Бастиан, — уж Луниана, наверное, знала, что делала, давая мне этот знак. Не может быть, чтоб АУРИН был ловушкой.

— Я тоже так думаю, — пробормотал Ат-

рей, — но все же хорошо, что мы спешим найти обратный путь в твой мир. Пока не поздно.

— Да-да, — отвечал Бастиан, уже засыпая.

Среди ночи он проснулся от необычного шума. Костер давно потух, полная темнота окружала его. Атрей тоже не спал и прошептал:

— Что это, слышишь?

— Не знаю.

Они подползли к выходу из пещеры и прислушались. Им казалось, будто до них доносятся тысячи всхлипов и сдавленных рыданий. Это было похоже на шорох прибоя, когда накапливается, набегает пенистая волна, разбивается о берег и опять затихает, и так снова и снова.

— Если бы хоть что-нибудь было видно! — прошептал Атрей.

— Погоди-ка, ведь у меня есть Аль-Таир!

Он вынул из кармана светящийся камень и поднял его над головой. Свет был не ярче свечи и лишь немного рассеял темноту, но друзьям открылась картина, от которой у них мурашки пробежали по спине.

Вся котловина кишела безобразными червями длиной с человеческую руку. Там и сям на них торчали, как полипы, какие-то отростки. Из-под лохмотьев кожи выглядывали, непрерывно слезясь, лишенные век глаза. От этого они сами и вся долина были мокрые.

В тот момент, когда их застиг свет Аль-Таира, все они замерли, и стало видно, чем они тут занимались. Посередине возвышалась почти готовая башня из серебряной филиграни — красивее всех зданий, какие Бастиан видел в Амарганте. Червеобразные эти существа взбирались на башню и собирали ее из заранее заготовленных частей.

— О горе! О горе! — пронесся через всю котловину шепот ужаса. — Обнаружилось все наше уродство. Горе нам! Горе! Чьи это глаза смотрят на нас? Горе нам! Горе, что мы сами увидели и себя, и друг друга. Кто бы ты ни был, проникший к нам, пощади нас, убери этот жестокий свет!

— Я Бастиан Балтазар Букс, — Бастиан поднялся во весь рост. — А вы кто?

— Мы ахараи, — прозвучало в ответ, — ахараи, ахараи! Несчастнейшие создания Фантазии, вот кто мы!

— Так, значит, это вы построили красивейший город Амаргант?

— Да, мы, — стенали эти создания, — но смилуйся, убери этот свет и не смотри на нас!

— И это вы наплакали озеро Мурху?

— Господин, — охали ахараи, — все это так, но мы умрем от стыда и позора, если ты и дальше будешь освещать нас. Зачем ты умножаешь наши муки? Ах, ведь мы не сделали тебе ничего плохого.

Бастиан спрятал Аль-Таир в карман, и снова все погрузилось в темноту.

— Спасибо! — пронесся вздох облегчения. — Ты милостив, господин!

— Я хотел бы помочь вам, — сказал Бастиан. Ему было почти дурно от отвращения и от сострадания к этим тварям. Это были те самые существа из его истории про Амаргант. Но и на этот раз он не был вполне уверен, что они возникли лишь по его воле, а не пребывали здесь от века. Если он один виноват в их появлении, то он и отвечает за их несчастье. И, как уже бывало, он решил исправить свою ошибку.

— Ах, — жаловались голоса ахараев, — кто может нам помочь!

— Я, — воскликнул Бастиан. — Я ношу АУРИН!

Стало тихо. Плач прекратился.

— Откуда вы пришли сюда? — спросил Бастиан в темноту.

— Мы живем в глубине земли в полной тьме, — прозвучал шепот множества голосов, — чтобы никому не показываться на глаза. Мы непрерывно оплакиваем несчастье своего существования и слезами вымываем из руды серебро, из которого потом вьем филигрань. Только в самые темные ночи мы выползаем наружу; через эти пещеры мы и выходим из-под земли. Здесь мы собираем серебряные строения из отдельных частей. Как раз сегодняшняя ночь оказалась достаточно темной, чтоб скрыть наш облик. Этой работой мы пытаемся хоть как-то сгладить свое уродство. Она приносит нам утешение.

— Но ведь вы не виноваты, что вы такие! — сказал Бастиан.

— Ах, вина бывает разная, — отвечали ахараи. — Вина поступка, вина умысла. Наша же — вина существования.

— Как бы мне помочь вам? — чуть не плакал от сострадания Бастиан.

— Ах, великий благодетель, — воскликнули ахараи, — ты, носящий на себе АУРИН и обладающий властью расколдовать нас! Дай нам другой облик!

— Я сделаю это, бедные червяки! — сказал Бастиан. — Я хочу, чтобы сейчас вы заснули, а утром проснулись бабочками. Яркими, пестрыми и веселыми. Вы будете только смеяться и шутить! И называться будете не ахараи, вечно плачущие, а озорники, вечно смеющиеся!

Бастиан прислушался, в темноте больше ничего не было слышно.

— Они уснули, — прошептал Атрей.

Оба друга вернулись в пещеру. Рыцари все еще спали и ничего не слышали. Бастиан улегся, чрезвычайно довольный собой. Скоро вся Фантазия узнает про его великие благодеяния. Ведь он совершает их бескорыстно!

— Ну, что скажешь, Атрей? — прошептал он.

— Но чего это будет тебе стоить? — задумчиво отозвался Атрей.

Бастиан понял, что Атрей имел в виду его очередное воспоминание, но не хотел об этом думать и заснул, предвкушая радость.

Наутро он проснулся от громких восклицаний:

— Боже мой, вы только посмотрите! Даже моя кобыла смеется!

Рыцари стояли у выхода из пещеры, Атрей с ними. Он один не смеялся.

Бастиан встал, подошел к ним и тут увидел, что вся котловина наполнена порхающими комичными существами — с крыльями, как у мотыльков. Они были разряжены, как клоуны. Клетчатые, цветастые и полосатые лохмотья на них — все не по размеру: либо слишком тесные, либо слишком просторные, и все держалось на честном слове. Перепачканы были даже крылья. Двух одинаковых не было среди них, клоунские лица размалеваны, носы картошкой, рты до ушей. На одних цилиндры, на других колпаки, у третьих торчит рыжий клок волос, четвертые лысые. Многие сидели и висели на башне из серебряной филиграни, прыгали, раскачивались и кувыркались, что-нибудь расшатывая при этом.

Бастиан выбежал к ним.

— Эй, вы там! — закричал он снизу вверх. — Прекратите сейчас же! Вы не смеете!

Существа прекратили возню и посмотрели на него сверху вниз. Один из них, на самой макушке, спросил:

— Что он сказал?

И другой, пониже, передал ему:

— Эта штучка тут говорит, мы не смеем.

— Почему он говорит, мы не смеем? — спросил третий.

— Потому что вы не можете так просто все ломать! — кричал Бастиан.

— Этот тут говорит, мы не можем все ломать, — сообщил первый клоунский мотылек остальным.

— Нет, мы можем!

Башня раскачивалась и трещала.

— Что вы делаете! — кричал Бастиан, не зная, то ли ему сердиться, то ли смеяться, уж больно комичны были эти существа.

— Этот здесь, — повернулся первый мотылек к своим товарищам, — спрашивает, что мы делаем.

— А что, собственно, мы делаем? — поинтересовался другой.

— Мы забавляемся! — объяснил третий.

И они понеслись, хохоча, в бешеной пляске.

— Мы забавляемся! — крикнул Бастиану первый мотылек, чуть не захлебываясь от смеха.

— Но башня обрушится, если вы не перестанете! — кричал Бастиан.

— Этот здесь говорит, — сообщил первый мотылек остальным, — что башня обрушится.

— Ну и что? — сказал другой.

И первый крикнул вниз:

— Ну и что?

Бастиан растерялся и пока подыскивал подходящий ответ, все клоунские мотыльки закру-

жились в хороводе, держа друг друга не за руки, а за что придется: за ноги, за воротник, иные вверх ногами, и все хохотали, и смотреть на это без смеха было невозможно.

— Но вы не смеете этого делать! — кричал Бастиан, борясь со смехом. — Это работа ахараев!

— Этот там, — снова повернулся первый клоун к компании, — говорит, мы не смеем.

— Мы смеем всё, — закричал другой и кувыркнулся в воздухе, — мы смеем всё, что нам не запрещено. А кто нам что запретит? Ведь мы же озорники!

— Я! — ответил Бастиан.

— Этот там, — сказал первый мотылек другим, — говорит: я!

— Как это ты? — удивились остальные. — Ты нам ничего не говорил.

— Да не я! — объяснил первый. — Этот там говорит: он.

— Почему этот там говорит «он»? — интересовались другие. — И на кого это он говорит «он»?

— Эй, на кого ты говоришь «он»? — крикнул первый.

— Я сказал не «он», — кричал Бастиан, наполовину сердясь, наполовину смеясь, — я сказал, я запрещаю вам разваливать башню!

— Он запрещает нам, — объяснил первый мотылек остальным, — разваливать башню.

— Кто? — спросили вновь прибывшие.

— Вон та штучка там, — ответили остальные.

И вновь прибывшие сказали:

— А мы не знаем этого там. Кто это такой вообще?

Первый крикнул:

— Эй, ты там! Кто ты такой вообще?

— Я не «эй, ты там»! — теперь уже по-настоящему рассердился Бастиан. — Я Бастиан Балтазар Букс и сделал из вас озорников, чтобы вы больше не страдали и не плакали. Еще сегодня ночью вы были ахараи. Вы могли бы оказать побольше почтения вашему благодетелю!

Все клоунские мотыльки разом прекратили роиться и плясать. Они повернули взгляды к Бастиану. Воцарилась тишина.

— Что этот там сказал? — прошептал самый дальний мотылек, но тот, что был с ним рядом, ударил его по шляпе так, что шляпа наехала на нос и на уши. «Тс-с-с!» — зашипели остальные.

— Не мог бы ты еще раз медленно и отчетливо повторить это? — попросил первый мотылек подчеркнуто вежливо.

— Я ваш благодетель! — громко сказал Бастиан.

Сразу же после этого рой клоунских мотыльков пришел в бурное оживление, все передавали услышанное друг другу, смешавшись в один клубок и крича в ухо соседу:

— Слыхали? Видали? Понятно? Он наш блюго-датель! Его зовут Настибан Балтебукс! Нет, его зовут Буксиан Детоблагель! Чепуха, его зовут Бастиблаг Буксидетель! Нет, Балдриан Хикс! Шлякс! Бабельтран Блеготодель! Никс! Флакс! Трюкс!

Вся компания взвихрилась от восторга. Они трясли друг другу руки, хлопали по шапкам, били по плечам и по животам, поднимая тучи пыли.

— Мы счастливчики! — орали они. — Да здравствует наш Бастидетель Сансибар Буксиблаг!

И, продолжая шуметь и хохотать, вся толпа

поднялась в воздух и полетела прочь. Шум постепенно стих.

Бастиан стоял и не мог вспомнить, как его зовут на самом деле.

Теперь он уже не был уверен, что правильно поступил с ахараями.

Глава XIX
СПУТНИКИ

тренняя дорога податливо стелилась под копытами коней. Дождь кончился, выглянуло солнце. Рыцари смеялись, озорничали и пускались наперегонки. Только Бастиан ехал на своей Йихе молча, погруженный в себя.

Атрей, улетая с Фухуром на разведку, заметил, как подавлен Бастиан. Он спросил везучего дракона, чем бы им развеселить друга.

— Это очень просто: не покататься ли ему верхом на мне?

Так и сделали.

— Бастиан, не дашь ли ты мне прокатиться на твоей Йихе? — попросил Атрей, вернувшись к всадникам. — Если, конечно, тебе не жалко. А я передам тебе пока Фухура, а?

— Это правда, Фухур, ты не против? — Бастиан покраснел от радости.

— Конечно, великий султан! — прогремел дракон и подмигнул рубиновым глазом. — Садись и держись крепче!

Бастиан одним махом вскочил на спину Фухура, крепко вцепился в гриву, и дракон взмыл вверх. Бастиан еще хорошо помнил Граограмана, но лететь на Фухуре — совсем другое дело. Нестись на огненном льве — это было сравнимо с шумом и громом, а плавно взмывать вверх-вниз — это больше походило на пение, то нежное и мягкое, то мощное и грозное. Грива и усы Фухура трепетали на ветру белым пламенем. Серебряный плащ Бастиана реял за его спиной.

В полдень сделали привал, и три рыцаря отправились на охоту, чтобы пополнить съестные припасы. Они предложили и Атрею пойти с ними, но зеленокожий охотник с благодарностью отказался.

Оставшись с Фухуром и Бастианом, Атрей попросил:

— Бастиан, не рассказал бы ты нам еще что-нибудь о своем мире?

— Что именно?

— Что-нибудь про детей из твоей школы, — попросил везучий дракон.

— Каких еще детей? — удивился Бастиан.

— Которые тебя дразнили.

— Что, дразнили? Дети? Меня? Да как бы они посмели?

— Но ты хоть помнишь еще, что ходил в школу? — спросил Атрей.

— Да, — задумался Бастиан, — школу я припоминаю, да.

Атрей и Фухур переглянулись.

— Этого я и боялся, — сурово сказал Атрей. — Ты утратил еще часть своих воспоминаний. На сей раз из-за превращения ахараев в озорников.

— Бастиан Балтазар Букс, — обратился к нему везучий дракон почти строго. — Если тебя

интересует мое мнение, то больше не применяй ту власть, которую дает тебе АУРИН. Иначе ты забудешь последнее и тогда уже не сможешь вернуться туда, откуда пришел.

— Честно говоря, — признался Бастиан, — мне туда и не хочется.

— Но ты должен вернуться! — испуганно вскричал Атрей. — Чтобы исправить твой мир, чтобы люди снова могли приходить в Фантазию. Иначе рано или поздно Фантазия опять будет на краю гибели!

— Но ведь я-то здесь, я никуда не денусь, — обиделся Бастиан. — Имя Луниане дал я. И еще дам, если понадобится.

— Теперь мне ясно, — сказал Фухур, — почему мы до сих пор не нашли для Бастиана обратной дороги. Он просто не хочет!

— Бастиан! — почти взмолился Атрей. — Разве нет ничего, что тянуло бы тебя назад? Подумай об отце, он ждет и беспокоится о тебе!

— Думаю, он не беспокоится. Может, он даже рад, что меня нет.

Атрей взглянул на друга с недоумением.

— Послушать вас, — горько добавил Бастиан, — так ведь можно подумать, что вы рады меня скорее спровадить.

— Как ты можешь так говорить? — голос Атрея дрогнул.

— Ну да, — продолжал Бастиан, — у вас только одна забота: чтоб я поскорее убрался из Фантазии.

Атрей посмотрел на Бастиана долгим взглядом и ничего не сказал. Бастиан уже раскаивался, что обидел друзей. Он сам понимал, что упреки его несправедливы.

— А я думал, мы друзья, — тихо сказал Атрей.

— Да, — воскликнул Бастиан, — и так всегда будет. Простите меня, я сказал не то.

— Ты тоже не сердись, если мы тебя нечаянно обидели.

— Но вашего совета я послушаюсь, — примирительно сказал Бастиан.

Вернулись с охоты рыцари, принесли рябчиков, фазана и зайца. Свернули лагерь и снова отправились в дорогу. К вечеру они набрели на развалины старого замка, нашли среди разрушенных стен и мостов уцелевшие своды, под которыми можно провести ночь. Фазан, зажаренный Хисбальдом на ужин, был отменного вкуса.

На следующее утро тронулись в путь, целый день шли по лесу, который никак не кончался. Кроны смыкались наверху, образуя плотный покров, и Фухуру приходилось бежать по земле, потому что с воздуха он потерял бы спутников из виду.

К вечеру оказалось, что они сделали круг и снова очутились у тех же развалин, только подошли к ним с другой стороны.

— Ничего себе! — сказал Хикрион и поскреб в затылке.

— Я не верю своим глазам, — проворчал Хидорн, бродя по замку.

Но сомнений не было: даже косточки фазана валялись тут.

Атрей и Фухур молчали.

После ужина — на сей раз это было жаркое из зайца — трое рыцарей попросили Бастиана снова что-нибудь рассказать о его мире. Но Бастиан отговорился тем, что болит горло. Он действительно целый день молчал.

Только Атрей и Фухур догадывались, что с Бастианом на самом деле.

Наутро снова пустились в путь и к вечеру очутились у тех же развалин.

— Кажется, я схожу с ума! — простонал Хисбальд.

— Друзья, — сухо сказал Хидорн, — мы не годимся в рыцари.

Йиха шепнула Бастиану:

— Господин, я знаю, почему мы не двигаемся дальше.

— Откуда тебе это знать, Йиха?

— Ведь ты сидишь на мне верхом. Кто не полный осел, а лишь наполовину, как я, не может этого не почувствовать.

— Ну и почему же, на твой взгляд?

— Ты не хочешь ехать дальше, господин. Ты перестал желать.

Бастиан удивленно посмотрел на нее.

— А ты действительно мудрое животное, Йиха.

Она скромно повела ушами:

— Собственно говоря, ты знаешь, куда мы двигались до сих пор?

— Нет, — сказал Бастиан. — А ты знаешь?

— До сих пор мы все время ехали к Башне Слоновой Кости, центру Фантазии. И хорошо продвигались вперед.

— Этого не может быть, — усомнился Бастиан. — Атрей заметил бы это, и Фухур тоже.

— Мы, лошаки, — сказала Йиха, — существа простые и не можем сравниться с везучими драконами счастья. Но и мы наделены некоторыми способностями, и одна из них — чувствовать направление. Мы не можем заблудиться. Поэтому я и не сомневалась, что ты стремишься к Детской Королеве...

— К Луниане... — пробормотал Бастиан. — Да, я действительно хотел бы снова увидеть ее. Она скажет мне, что делать.

На следующее утро Атрей отвел Бастиана в сторонку:

— Послушай, Бастиан, мы с Фухуром должны попросить у тебя прощения. Совет, который мы тебе дали, оказался негодным. Если ты последуешь ему, нам никогда не выбраться отсюда. Сегодня ночью мы с Фухуром много говорили об этом. Пока ты не пожелаешь чего-нибудь, нам не уйти. При этом ты неизбежно что-нибудь снова забудешь, но другого выхода нет. Остается только надеяться, что ты найдешь обратный путь раньше, чем забудешь все о том мире, куда должен стремиться.

— Да, — сказал Бастиан. — Йиха сказала мне то же самое. И я уже знаю мое следующее желание. Идем, я хочу сказать о нем при всех.

Они вернулись к остальным.

— Друзья, — громко сказал Бастиан, — до сих пор мы тщетно искали дорогу, которая вывела бы меня назад в мой мир. Боюсь, если и дальше так пойдет, мы ее никогда не отыщем. Поэтому я решил попросить помощи у Детской Королевы. И мы идем к Башне Слоновой Кости.

— Ура! — в один голос закричали рыцари.

Но бронзовый голос Фухура прозвучал предостерегающе:

— Откажись от этой мысли, Бастиан Балтазар Букс! То, чего ты хочешь, невозможно! Разве ты не знаешь, что Золотоглазую Повелительницу Желаний можно встретить только раз в жизни? Ты больше никогда не увидишь ее!

— Луниана многим обязана мне, — сказал Бастиан раздраженно. — Я не думаю, что она откажет мне в приеме.

— Ты сам убедишься, что ее решения иногда очень трудно понять, — сказал Фухур.

— Ты и Атрей, — ответил Бастиан, чувствуя,

что гнев разрастается в нем, — вы уже достаточно мне насоветовали. Сами видите, куда нас завели эти советы. Теперь я буду решать сам. Будет так, как я сказал. — Он перевел дыхание и добавил несколько мягче: — И кроме того, вы рассуждаете, исходя из своих понятий. Но вы существа Фантазии, а я человек. Когда Атрей носил АУРИН, с ним все было иначе, чем со мной. И как, по-вашему, я могу вернуть АУРИН Детской Королеве, если не встречу ее? Ты сказал, дважды ее не увидеть. Но я и так уже видел ее дважды. Первый раз, когда Атрей вошел в магнолиевый павильон, а второй раз — когда взорвалось большое яйцо. Для меня законы другие.

Рыцари вообще не понимали, о чем спор, а Атрей и Фухур молчали — потому что не знали, что сказать.

— Да, — наконец тихо произнес Атрей, — видимо, ты прав. Не нам судить, как отнесется к тебе Детская Королева.

После этого они отправились в путь и очень скоро достигли опушки леса. Теперь перед ними простиралась равнина, вдали поблескивала река.

Атрей снова улетел на разведку, но полет Фухура не был так легок, как прежде. Атрей спросил его:

— Как ты думаешь, Детской Королеве безразлично, что станет с Бастианом?

— Кто знает, — ответил Фухур. — Она ведь не делает различий, никого не выделяет.

— Но тогда, — продолжал Атрей, — ведь тогда она просто бросает его на произвол судьбы.

— Решения Детской Королевы — для нас загадка.

— Но ведь он мой друг, Фухур. Мы должны помочь ему. Даже против воли Детской Королевы, если на то пошло. Или нет?

— Если сумеем, — ответил дракон, и впервые голос его дрогнул.

Во время этой разведки Атрей заметил с воздуха, что с четырех сторон к ним двигаются фантазийцы. Рыцари уже предвкушали битву, но оказалось, что это просители и что они не собираются нападать.

— Слава спасителю Фантазии Бастиану Балтазару Буксу! — воскликнули первые прибывшие, преклонив колени.

Один имел необыкновенно длинную шею и голову с четырьмя лицами, направленными на четыре стороны света. Одно лицо было радостное, другое гневное, третье печальное, а четвертое сонливое, — причем каждое из лиц закаменело в своем выражении. Голова всякий раз поворачивалась тем лицом, которое соответствовало ситуации. Это был тролль Четырех четвертей. Второй ходок был головоног — он имел только голову на длинных ногах. Головоноги всегда на ходу. Они нигде не живут постоянно, а странствуют толпами и питаются травой. Была среди пришельцев ведьма с кошачьим лицом, были гном и сгусток тени. Один всадник на быке происходил из племени Сафраниев, которые рождаются старыми, а умирают, став грудными младенцами. Этот был седобородый и лысый, и до смерти ему было еще далеко.

— Кто вы такие и что вам нужно? — задиристо спросил Хикрион. Несмотря на церемонию приветствия, он не был уверен в благонамеренности пришельцев и на всякий случай держался за рукоять меча.

Тролль Четырех четвертей, до сих пор повернутый своим сонливым лицом, теперь повернул вперед веселое лицо и обратился к Бастиану, совсем не обращая внимания на Хикриона:

— Господин, мы князья разных племен, каждый из нас двинулся в путь в надежде помочь тебе. Весть о тебе пронеслась повсюду, ветер и облака называют твое имя, волны моря возвещают о твоей славе, и каждый куст рассказывает о твоем могуществе.

Бастиан мельком глянул на Атрея, чтобы узнать, произвела ли на него впечатление эта речь, но лицо Атрея было непроницаемо.

— Мы знаем, — взял слово голубой джинн в пышном тюрбане, и его голос звучал, как клекот орла, — что ты создал ночной лес Перелин и цветную пустыню Гоаб. Ты ел и пил у очага Цветной Погибели и купался у него, чего не может больше никто в Фантазии. Ты прошел через Храм Тысячи Дверей, и мы знаем, что произошло в Амарганте. Если ты произнесешь слово, господин, оно сбывается. Поэтому мы приглашаем тебя к себе, чтобы ты удостоил наши племена истории их происхождения.

Бастиан отрицательно покачал головой.

— Вначале я должен встретиться с Детской Королевой. Поэтому лучше укажите нам дорогу к Башне Слоновой Кости!

Пришельцы обрадовались случаю сопровождать Бастиана, и караван тронулся в путь. По дороге к ним подходили новые фантазийцы. Козлоногие фавны и громадные ночные альбы, наездники на жуках и трехногие эльфы и кобольды; были среди них существа совершенно причудливые: например, ходячие скалы в виде флейт, игравшие музыку на своих носах, и даже так называемые лужники, которые перемещались, перетекая с места на место и перед каждым новым шагом снова собираясь в лужицу.

Все они приходили, чтобы приветствовать

спасителя Фантазии Бастиана и просить его, чтоб он для каждого из них придумал историю.

Хикрион, Хидорн и Хисбальд скакали с Бастианом во главе процессии. Вечером они подошли к высокому обрыву, с которого низвергался мощный водопад. Путники разыскали тропу, которая свела их вниз, и углубились в густой лес гигантских орхидей.

Эти пестрые цветы одним своим видом вызывали тревогу. Поэтому ночью, располагаясь на ночлег, путники на всякий случай выставили охрану.

Бастиан и Атрей сделали себе постель из мха, Фухур обвился вокруг них кольцом, так что они чувствовали себя за его телом в безопасности. Воздух был теплый, напоенный странным, предвещавшим недоброе запахом орхидей.

Глава XX
ЗРЯЧАЯ РУКА

Фиолетовая роса сверкала на листьях и лепестках орхидей, когда утром караван тронулся в путь. За ночь не случилось никаких происшествий, лишь увеличилось число сопровождающих караван фантазийцев, так что их собралось теперь уже сотни три.

Чем дальше они углублялись в орхидеевый лес, тем причудливее становилась форма цветов, и вскоре рыцари обнаружили, что тревожное предчувствие не обмануло их. Многие из этих растений оказались хищными, они в состоянии были проглотить целого теленка. К счастью, цветы не могли двигаться. Но стоило неосторожно прикоснуться к ним, как они тут же захлопывались, словно капкан. То и дело рыцарям приходилось пускать в ход мечи, чтобы освободить руку или ногу кого-нибудь из спутников.

Бастиан был все время окружен разновидными существами, которые стремились оказать ему какую-нибудь услугу или хотя бы просто

удостоиться его взгляда. Но он ехал молча, с непроницаемым лицом. В нем проснулось новое желание, и впервые оно казалось ему недостижимым и опасным.

Его раздражало, что Атрей и Фухур опекают его, как слабого ребенка. Если подумать, так было с самого начала. А почему, собственно? Они решили показать ему свое превосходство? Но он не беспомощный мальчик, они еще увидят это! Он хочет быть великим и устрашающим, чтобы все перед ним трепетали — и Фухур с Атреем тоже...

Голубой джинн Иллуан пробрался сквозь толпу к Бастиану и глубоко поклонился, скрестив на груди руки.

— Что случилось, Иллуан? Говори.

— Господин, — орлиным голосом сказал джинн, — я послушал, что говорят вновь прибывшие. Они знают эти места и знают, к чему мы приближаемся. Они дрожат от страха, господин.

— Почему же? Что это за местность?— Этот лес из хищных орхидей называется Оглаис, он примыкает к волшебному замку Хорк, который еще называют Зрячей Рукой. Там живет могущественная и злая волшебница Ксаида.

— Это хорошо, — ответил Бастиан. — Скажи пугливым, пусть не боятся, я с ними.

Иллуан снова поклонился и исчез, а вскоре приземлились после разведки Атрей с Фухуром и тоже доложили, что впереди в лесу высится странное строение в форме руки, торчащей из земли.

— Вид этой руки ужасен, — сказал Атрей. — Было бы разумнее всего изменить направление.

— Нет, — ответил Бастиан.

— Но зачем нам встречаться с Ксаидой!

— Причина есть.

— Какая же?— Я этого хочу, — сказал Бастиан.

Атрей молча посмотрел на него. Продолжить разговор им помешали просители, теснящиеся вокруг Бастиана.

Чтобы наконец поговорить без помех, Атрей предложил Бастиану вместе полететь на везучем драконе. Впервые они летели вдвоем.

— Нам надо поговорить с глазу на глаз, Бастиан, — сказал Атрей.

— Ну, что стряслось?

— Куда мы движемся и куда попадем, зависит только от твоего желания, ведь так? — начал Атрей издалека.

— Видимо, так, — ответил Бастиан отчужденно.

— В чем оно состоит, это желание? — И, поскольку Бастиан молчал, Атрей добавил: — Речь не о том, что мы чего-то боимся, но ведь мы твои друзья, мы беспокоимся за тебя.

— Вот уж это ни к чему, — холодно сказал Бастиан.

Фухур повернулся к ним:

— У Атрея есть очень разумное предложение, к которому тебе следовало бы прислушаться, Бастиан Балтазар Букс.

— Что, снова добрый совет? — язвительно усмехнулся Бастиан.

— Нет, Бастиан, не совет, — сказал Атрей. — Предложение, которое в первый момент тебе, может быть, не понравится. Но ты подумай, прежде чем отвергнуть его. Мы все время бьемся над тем, как бы тебе помочь. Все дело тут в действии АУРИНА. Без его власти ты не можешь двигаться от одного желания к другому, но с его властью утрачиваешь себя по частям и ско-

ро вообще ничего не вспомнишь о мире, в который тебе надо стремиться.

— Об этом мы уже говорили, — сказал Бастиан. — Что еще?

— Когда я носил АУРИН, — продолжил Атрей, — он вел меня и ничего при этом у меня не отнимал. Может, потому, что я не человек и у меня нет никаких воспоминаний о человеческом мире. Мне этот знак ничуть не навредил, напротив. Поэтому предлагаю тебе передать АУРИН мне и просто довериться тому, куда он поведет меня. Путь для тебя буду искать я. Ну, что ты скажешь?

— Исключено! — холодно отрезал Бастиан.

Фухур снова повернул голову:

— Почему ты совсем не хочешь подумать?

— А зачем? — ответил Бастиан.

Тут Атрей впервые разгневался.

— Бастиан, будь благоразумен! Ты должен понять, что ничего не добьешься! Неужели ты не замечаешь, как ты изменился? А что будет с тобой дальше?

— Спасибо, — сказал Бастиан, — спасибо, что вы без передышки беспокоитесь за меня! Но мне, честно говоря, было бы гораздо лучше, если бы вы избавили меня от вашей опеки. Если вы еще не забыли, спас Фантазию я, и именно мне Луниана доверила всю власть. Для этого у нее, верно, были основания, иначе она передала бы этот знак кому-нибудь другому — например, тебе, Атрей. Ты сказал, я сильно изменился? Да, дорогой Атрей, тут ты прав. Я больше не тот беспомощный олух, которого вы привыкли видеть во мне! А хочешь, я скажу, зачем тебе АУРИН? Да просто ты завидуешь мне и ревнуешь. Вы меня еще плохо знаете, но если вы буде-

те продолжать в том же духе — последний раз говорю добром, — вы меня узнаете!

Полет Фухура вдруг потерял легкость и силу, он, как подстреленная птица, опускался все ниже и ниже.

— Бастиан, — наконец с усилием сказал Атрей, — не может быть, чтобы ты говорил это всерьез. Давай забудем весь этот разговор. Будем считать, что его не было.

— Как хочешь, — ответил Бастиан. — Не я его начал.

Вдали из орхидеевого леса показался замок Хорк. Он действительно походил на колоссальную руку.

— Но кое-что я хотел бы прояснить раз и навсегда, — жестко сказал Бастиан. — Я решил вообще не возвращаться в свой мир. Я останусь в Фантазии навсегда. Мне нравится здесь. И от всех моих воспоминаний с легкостью откажусь. Что же касается будущего Фантазии: я могу дать Детской Королеве еще тысячу имен. Нам больше не нужен человеческий мир.

Фухур вдруг сделал крутой поворот и полетел назад.

— Эй, куда ты! — воскликнул Бастиан. — Лети дальше! Я хочу взглянуть на замок Хорк вблизи.

— Я больше не могу, — ответил Фухур, ощетинившись. — Я не могу.

Когда они приземлились у каравана, их спутники были в сильном волнении. Оказалось, на караван напала банда в пятьдесят могучих громил, закованных в доспехи, похожие на панцири насекомых. Многие фантазийцы в страхе разбежались, другие оказали нападавшим сопротивление, но тщетно: те играючи расправились с ними, а трех рыцарей увели в плен. При этом

один из панцирных великанов прокричал металлическим голосом:

«Это послание Ксаиды, госпожи замка Хорк, к Бастиану Балтазару Буксу. Она требует, чтобы спаситель Фантазии безоговорочно сдался ей и принес присягу верности. Если же он не подчинится Ксаиде или попытается прибегнуть к хитрости, тогда три его друга Хисбальд, Хидорн и Хикрион будут подвергнуты мучительной медленной казни. Он должен решать скорее, ибо срок условия истекает завтра на восходе. Это послание Ксаиды, госпожи замка Хорк, к Бастиану Балтазару Буксу. Послание передано!»

Бастиан кусал губы. Атрей и Фухур молчали, но Бастиан догадывался, что они думают. Его и злило больше всего то, что они не упрекают его.

— Я ни в коем случае не подчинюсь Ксаиде, это ясно, — громко сказал Бастиан, — мы должны сейчас же разработать план, как освободить пленников.

— Это будет не так легко, — сказал голубой джинн Иллуан. — С этими черными панцирными ребятами нам не управиться, мы уже поняли. Если Ксаида заметит, что мы идем войной, она убьет трех рыцарей.

— Значит, нападение должно быть внезапным, — сказал Бастиан.

— Но Ксаида хитрая, она выставит посты, — сказал тролль Четырех четвертей, повернувшись своим испуганным лицом.

— Тогда, — сказал Бастиан, — воспользуемся именно этим и обманем ее. Вы поведете караван в другую сторону — будто убегаете. А пленников освободим мы втроем: я, Атрей и Фухур. Если, конечно, они согласны. В противном случае я пойду один.

Шепот прошел по рядам, на Бастиана взглянули с благоговением.

— Этот поступок, господин, — сказал Иллуан, — войдет в историю Фантазии не зависимо от того, победишь ты или потерпишь поражение.

— Ну, так вы идете со мной? — повернулся Бастиан к Фухуру и Атрею. — Или у вас опять есть свои собственные предложения?

— Мы идем с тобой, — тихо сказал Атрей.

— Тогда, — приказал Бастиан, — караван сейчас же трогается, пока светло, чтобы Ксаида увидела бегство. А мы дождемся темноты. Утром присоединимся к каравану с пленниками или вообще не присоединимся. Идите!

Когда опустились сумерки, в зарослях орхидей послышался металлический звон, и появились пятеро железных великанов. Они двинулись механически, в ногу — разом остановились, разом повернулись, как по команде, и замаршировали в ту сторону, куда ушел караван.

— Кажется, план заработал, — прошептал Бастиан.

— Но их только пятеро. Где же остальные? — отозвался Атрей.

Когда стало совсем темно, они выбрались из укрытия, и Фухур поднялся со своими всадниками в воздух. Он летел низко над верхушками орхидей, чтобы не выдать себя. Вскоре вдали показался замок, все его окна были ярко освещены. За каждым окном маячил охранник — панцирный великан. Фухур снова скользнул под прикрытие орхидей, чтобы его перламутровая чешуя не выдала их своим блеском. Они пробрались к замку сквозь заросли. Перед воротами стояло десять охранников.

Каждый из пяти пальцев замка высился от-

дельной башней. Окна в виде светящихся глаз смотрели во все стороны.

Атрей знаком велел Бастиану оставаться на месте, а сам бесшумно пополз к замку. Вернулся он не скоро.

— Вход только один. К тому же хорошо охраняется. Зато на вершине среднего пальца я заметил слуховое окно, за которым нет охранника. Но лететь туда на Фухуре нельзя, заметят. Пленники наверняка в подвале. Мне кажется, я слышал оттуда тихий стон.

Бастиан задумался, потом прошептал:

— Я попробую добраться до слухового окна. А ты и Фухур тем временем отвлечете охрану. Вы должны приманить всех охранников сразу, но в бой не вступать!

Атрей пожал ему руку, и Бастиан, сняв свой сверкающий плащ, скользнул в темноту. Он обогнул замок, прокравшись сквозь орхидеевый лес, и как раз в это время услышал громкий голос Атрея:

— Эй, вы там! Бастиан Балтазар Букс, спаситель Фантазии, пришел к вам — не для того, чтобы сдаться, а чтобы дать Ксаиде последний шанс. Она должна отпустить пленников добровольно. Только при таком условии ее поганая жизнь будет сохранена!

Бастиан выглянул из укрытия: Атрей стоял перед воротами, накинув на себя его плащ и обвязав черные волосы чалмой, так что его действительно можно было принять за Бастиана.

Панцирные великаны пришли в замешательство, но уже через минуту все ринулись к Атрею, послышался металлический топот. Те, что охраняли окна, тоже покинули свои посты. Когда первый из них почти настиг Атрея, тот отскочил,

как белка, и в следующее мгновение пронесся на Фухуре над головами великанов.

Бастиан стремительно перебежал открытое пространство перед замком и стал взбираться вверх по фасаду. Он использовал выступы окон и выемки в стене. Иногда удерживаясь лишь кончиками пальцев и чудом подтягиваясь, поднимался все выше и выше. Когда он добрался до башен, дело пошло быстрее: башни стояли так близко друг к другу, что можно было взбираться вверх, упираясь в две противоположные стены. Вот наконец и слуховое окно. Бастиан скользнул внутрь. Винтовая лестница уводила вниз. Там у каждого окна стояли охранники, но они с таким увлечением следили за происходящим снаружи, что Бастиан бесшумно пробрался мимо них. Эти ребята были непобедимы в битве, но как охранники никуда не годились.

На стенах горели факелы, Бастиану показалось, что в глубине, под землей, этажей не меньше, чем сверху. Из подвала потянуло холодом. Наконец он открыл последнюю дверь и увидел в темнице трех рыцарей. Зрелище было ужасное. Их подвесили за руки на цепях над глубокой ямой. Цепи тянулись к большому вороту, но ворот был закрыт на висячий замок.

Все трое, похоже, были без сознания, но вот Хидорн, самый выносливый, приоткрыл левый глаз и пошевелил пересохшими губами:

— Эй, братцы, посмотрите, кто пришел!

Другие тоже медленно разомкнули веки, улыбки пробежали по измученным лицам.

— Мы знали, что вы не бросите нас в беде, — прохрипел Хидорн.

— Как мне спустить вас вниз? — спросил Бастиан. — Ворот на замке.

— Возьмите ваш меч и разрубите цепи, — предложил Хисбальд.

— Чтобы мы рухнули в бездну? — сказал Хикрион.

— Мне не извлечь меч из ножен, — сказал Бастиан. — Булат может действовать только по своей воле.

— Гм, — проворчал Хидорн, — это самое глупое в волшебных мечах.

— Эй, — вспомнил Хисбальд. — Но ведь где-то был ключ!

— Они засунули его под какую-то плиту, — сказал Хикрион.

Бастиан напряг зрение и, походив туда и сюда, обнаружил в полу подвижную плиту, а под ней ключ. Он открыл замок, и теперь можно было повернуть ворот, разматывая цепи и опуская подвешенных все ниже. Ворот издавал ужасный скрежет, но было уже не до осторожности. Когда рыцари очутились на уровне пола, они стали раскачиваться над ямой, пока не почувствовали под ногами твердую плиту. Все трое бессильно рухнули на пол.

Послышался приближающийся топот металлических ног. В дверях уже блеснули панцири железных великанов. Тут взметнулся из ржавых ножен Булат и засвистел в воздухе. Как молния, он обрушился на первого нападавшего, и уже через мгновение тот лежал, изрубленный на куски. И вдруг стало ясно, что это были за воины: полые внутри, они состояли из пустых панцирей, которые двигались сами по себе.

У Бастиана была выгодная позиция, великаны могли пройти в узкую дверь только по одному, здесь их встречал Булат, превращая их в раскрашенную железную скорлупу. Когда штук двадцать были изрублены, остальные отступили,

чтобы подождать Бастиана в более удобном для них месте.

Бастиан бросился к друзьям, и Булат в одно мгновение разрубил цепи на их запястьях. Рыцари с трудом поднялись, руки их затекли от долгого висения. Хисбальд не мог идти, и друзья поддерживали его.

Как только они выбрались из темницы, на них тут же набросились панцирные великаны. Факелы на стенах были погашены, но Булат ярко освещал все происходящее. Ни один из ударов панцирных воинов не достиг Бастиана, и ни один удар Булата не был впустую. Наконец Бастиан остался один посреди кучи панцирных обломков. Ничто в этой куче больше не шевелилось.

— Ничего похожего мне еще не приходилось видеть, — сказал Хикрион.

— Я расскажу об этом внукам, — сказал Хисбальд.

— Они тебе не поверят, — с сожалением заметил Хидорн.

— А теперь я хотел бы познакомиться с Ксаидой и лично представиться ей, — заявил Бастиан. — Хочется перекинуться с ней словечком.

Они выбрались из подземелья. Атрей и Фухур уже поджидали их.

— Отлично сработано! — Бастиан похлопал Атрея по плечу.

— Что с панцирными воинами? — спросил Атрей.

— Одни скорлупочки остались, — беспечно ответил Бастиан. — А теперь идем к Ксаиде, в ее колдовской зал!

Он снова накинул свой плащ, и все вместе они поднялись на верхний этаж замка. Даже Фухур последовал за ними.

Сверкая драгоценностями, Ксаида поднялась навстречу со своего трона из красных кораллов. На ней было длинное фиолетовое одеяние, волосы огненного цвета убраны в сложную прическу. Красота ее была ослепительной, но что-то в этой красоте действовало на Бастиана отталкивающе. Немного позднее он понял: глаза ее были разного цвета — один зеленый, другой красный. Ксаида дрожала от страха, и когда Бастиан в упор посмотрел на нее, она опустила длинные ресницы.

В зале повсюду стояли предметы непонятного назначения: глобусы с картинками, маятники и звездные часы; курительницы источали тяжелый дым, он расползался и стлался по полу.

Бастиан еще не произнес ни слова. Вдруг Ксаида бросилась к нему, упала ниц, взяла в руки его ступню и поставила себе на затылок.

— Мой господин и мастер, — сказала она низким, странно обволакивающим голосом, — никто в Фантазии не может противостоять тебе. Если ты хочешь наказать меня за то, что я не догадалась о твоем величии, растопчи меня этой ногой. Я заслужила твой гнев. Но если твое великодушие, которым ты так прославился, простирается и на недостойных, то не возьмешь ли ты меня в послушные рабыни? Я тотчас принесу тебе присягу. Научи меня, что делать, и я стану самой прилежной твоей ученицей. Я жестоко раскаиваюсь и молю тебя о пощаде и милости!

— Встань, Ксаида! — приказал Бастиан. Ее речь смягчила его гнев. Если она действительно горько раскаивается, было бы ниже его достоинства наказывать ее. — Согласна ли ты во всем слушаться меня, даже если мои приказания не понравятся тебе?

— Да, господин и мастер! И ты увидишь, как

много мы сможем сделать вместе, объединив мое искусство и твое могущество!

— Хорошо, я беру тебя к себе на службу. Ты отправишься с нами к Башне Слоновой Кости, где я намерен встретиться с Лунианой.

Глаза Ксаиды на миг загорелись красным и зеленым огнем, но она тотчас прикрыла их ресницами.

— Повинуюсь, мой господин и мастер!

Они спустились вниз и вышли из замка.

— Сначала найдем наших спутников! — сказал Бастиан.

— Они недалеко. Я заставила их заблудиться, — потупилась Ксаида.

— В последний раз! — предупредил Бастиан.

— В последний раз! — заверила она.

— Но как мы пойдем ночью по лесу?

— Рыцари уже могут идти пешком. А мы полетим на Фухуре. Он достаточно сильный, чтобы унести троих.

Фухур поднял голову, его рубиновые глаза сверкнули:

— Я не повезу эту женщину, Бастиан Балтазар Букс!

— Тебе придется это сделать! — отрезал Бастиан.

Везучий дракон взглянул на Атрея, и тот знаком велел подчиниться.

— Куда? — спросил дракон, когда все уселись на его спину.

— Вперед! — скомандовала Ксаида.

— Куда? — повторил Фухур, будто не слыша ее слов.

— Тебе же сказали: вперед! — прикрикнул Бастиан.

— Лети, — тихо попросил Атрей, и Фухур подчинился.

Утро уже брезжило на востоке, когда они приземлились у лагеря. За прошедшее время к каравану присоединились новые гонцы и просители. Голубой джинн доложил, что число их приближается теперь к тысяче. Он сообщил и еще кое-что: вскоре после того, как лагерь расположился на ночлег, к ним подошли пятеро панцирных воинов с просторными коралловыми носилками, но держались они в сторонке и вели себя мирно.

— Это мои носильщики, — просительным голосом обратилась Ксаида к Бастиану. — Я отправила их вчера вечером. Это самый удобный способ передвижения. Если ты, конечно, разрешишь мне, господин!

— Все это мне не нравится! — резко вмешался Атрей.

— Что ты имеешь против? — насторожился Бастиан.

— Она может передвигаться любым способом, каким ей хочется, но тот факт, что она заранее выслала носилки, означает: она предвидела, что придет сюда. Значит, все совершилось по ее плану, Бастиан. Она одержала победу, а не потерпела поражение. Она намеренно дала тебе победить себя, чтобы по-своему одержать над тобой верх.

— Прекрати! — сердито оборвал Бастиан. — Я не спрашивал твоего мнения! Твои вечные поучения мне уже надоели! Теперь ты готов оспорить даже мою победу и высмеять мое великодушие!

Атрей хотел возразить, но Бастиан прикрикнул:

— Молчи и оставь меня в покое! Если все это вам не подходит, можете оба отправляться

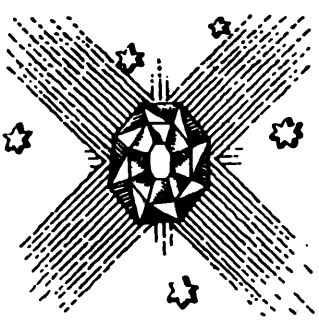
своей дорогой! Я вас не держу! Отправляйтесь, куда хотите! С меня довольно!

Бастиан скрестил на груди руки и отвернулся. Толпа вокруг замерла. Атрей молча выпрямился. До сих пор Бастиан никогда не отчитывал его, да еще при всех. К горлу у него подкатывал комок, он подождал еще немного, но Бастиан и не думал поворачиваться к нему. Тогда он медленно пошел прочь, и Фухур последовал за ним.

Ксаида улыбалась. Это была нехорошая улыбка.

А у Бастиана в этот миг погасло еще одно воспоминание — о том, что в человеческом мире он был когда-то ребенком.

Глава XXI
ЗВЕЗДНЫЙ МОНАСТЫРЬ



оть считай, хоть не считай, а гонцы всё прибывали, их собралось уже несколько тысяч, с палатками — от громадных, размером с цирковую, до маленьких, не больше наперстка. И средства передвижения были самые разные — от телеги до прыгающих шаров или шагающих коробок.

Для Бастиана изготовили специальный шатер из расшитого шелка, над куполом развевалось знамя с гербом в виде семисвечья. Голубой джинн, ставший телохранителем и камердинером Бастиана, всегда нес охрану у входа.

Атрей и Фухур остались среди спутников Бастиана, но больше он не разговаривал с ними. Он ждал, что Атрей подойдет к нему и попросит прощения, но Атрей и не собирался делать этого. Фухур тоже не оказывал Бастиану никакого почтения. Пусть же оба они увидят, что воля Бастиана несгибаема и первым он к ним не подой-

дет. Вот если бы они подошли, Бастиан бы их простил и раскрыл им свои объятия.

Оба они плелись в хвосте процессии. Фухур, похоже, разучился летать и тащился пешком, Атрей шел рядом с ним, опустив голову. Разведку теперь делать было некому.

Бастиан ехал во главе каравана на Йихе, но все чаще предпочитал пересаживаться в коралловые носилки Ксаиды. Она почтительно уступала ему самое удобное место, а сама устраивалась у его ног. Они вели долгие беседы. Ксаида почти непрерывно курила кальян в форме гадюки головой к мундштуку, так что, поднося его ко рту, она словно целовалась со змеей. Кольца дыма всегда были разного цвета — то синие, то желтые, то лиловые.

— Я давно хочу спросить тебя, Ксаида, — задумчиво проговорил однажды Бастиан, взглянув на панцирных носильщиков.

— Твоя рабыня слушает!

— Эти воины полые внутри. Как же они могут двигаться?

— Силой моей воли, — улыбнулась Ксаида. — Именно потому, что они пустые, они и слушаются меня. Все, что пусто, легко управляемо.

Бастиан по-прежнему чувствовал беспокойство под взглядом ее двуцветных глаз, но она быстро опускала ресницы.

— А моей воле они могут подчиниться? — спросил он.

— Конечно, мой господин и мастер. Ты можешь управлять ими в тысячу раз лучше меня, потому что я в сравнении с тобой ничто. Хочешь попробовать?

— Не сейчас, как-нибудь потом.

— Тебе действительно нравится ехать верхом

на старой лошачихе? Разве не лучше управлять вот такими носильщиками? — продолжала Ксаида.

— Йиха везет меня с радостью.

— Значит, ты делаешь это ради нее?

— А что в этом плохого?

— О, ничего, господин! — Ксаида выпустила изо рта зеленый дым. — Разве может быть плохо то, что делаешь ты? Но ты слишком много думаешь о других, господин и мастер! — Она наклонилась к нему ближе. — А ведь никто не заслуживает того, чтобы отнимать твое бесценное внимание и силы. Я осмелюсь дать тебе совет: думай больше о себе!

— Что же мне делать с Йихой?

— Это вьючное животное недостойно тебя. Мне за тебя просто обидно! Не только я — все в недоумении. Один ты ничего не замечаешь.

Бастиан не ответил, но слова Ксаиды задели его.

На другой день во время привала в Сиреневом лесу Бастиан отвел Йиху в сторонку и тихо сказал, поглаживая ее гриву:

— Послушай, Йиха, наступил час, когда мы должны расстаться.

— Почему, господин? — жалобно заржала Йиха. — Я не гожусь тебе?

— Напротив, ты так везла меня, что не заслужила ничего, кроме благодарности! — поспешил успокоить ее Бастиан.

— Мне не надо другой благодарности, кроме счастья везти тебя.

— Помнишь, ты горевала как-то, что у тебя нет детей и внуков?

— Да, ведь я могла бы рассказать им о днях, проведенных с тобой.

— Хочешь, я поведаю тебе одну историю, и она окажется правдой? Это история про тебя! — Он наклонился к ее уху и стал нашептывать: — Неподалеку отсюда в Сиреневом лесу тебя ждет отец твоего будущего сына. Это белый жеребец с лебедиными крыльями. Грива его свисает до земли. Он уже много дней сопровождает нас, чтобы издали полюбоваться тобой, он давно влюблен в тебя.

— В меня? — испугалась Йиха. — Но ведь я всего лишь полуишак, и молодость моя давно миновала!

— Для него ты прекраснее всех. Еще и потому, что везешь меня. Но он робок и боится подойти к тебе сам. Ты должна поспешить к нему, иначе он умрет от тоски.

— Боже правый! — обеспокоенно воскликнула Йиха.

— Да, вот оно как. Беги к нему, прощай!

— Честно признаться, куда охотнее я осталась бы у тебя, — сказала она, обернувшись.

— Не забудь рассказать про меня твоим внукам!

Бастиан долго смотрел ей вслед и не чувствовал особенной радости от того, что спровадил свою верную Йиху. Он вошел в свой шатер, лег навзничь и уставился в потолок. Он настойчиво убеждал себя, что исполнил ее заветное желание, но веселее ему не становилось.

Йиха действительно встретилась с белым крылатым жеребцом, и у нее родился сын Патаплан, о котором потом ходило много легенд в Фантазии, но это уже совсем другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

А Бастиан ехал теперь в носилках Ксаиды. Из-за того, что он отослал верную Йиху, ему все

еще было не по себе. Он молчал, и, чтобы развлечь его, Ксаида подарила ему пояс в виде стеклянной цепи.

— Этот пояс сделает тебя невидимым. Но ты должен дать ему имя, господин и мастер, чтобы он окончательно принадлежал тебе.

— Пояс Гемуль, — равнодушно сказал Бастиан, беря его в руки.

— Не хочешь примерить?

Так же равнодушно Бастиан надел пояс — и перестал видеть собственные руки и ноги. Неприятное чувство овладело им, он хотел тотчас же снять пояс, но никак не мог найти застежку, она не отличалась на ощупь от прочих звеньев стеклянной цепи.

— Помоги мне! — испуганно воскликнул он.

— Надо к нему привыкнуть, — нежно успокаивала Ксаида, помогая ему расстегнуться. — Я тоже научилась не сразу. Зато теперь ты будешь защищен от опасностей.

— От каких еще опасностей! — рассердился Бастиан, сконфуженный из-за своего страха.

— О, силой с тобой не сравнится никто, — шепнула Ксаида. — Никто, если ты будешь мудр. Но без мудрости ты безоружен перед коварством.

— Что ты имеешь в виду — быть мудрым?

— Самое мудрое — пребывать НАД вещами, никого не любить и не ненавидеть. Но у тебя, господин, все еще есть друзья и привязанности. Твое сердце еще не умеет быть независимым и холодным, как снежная вершина гор, и потому ты всегда в опасности.

— Кто же может меня обидеть?

— Тот, кому ты, несмотря ни на что, все еще предан.

— Выражайся яснее!

— Злой и непочтительный дикарь из племени зеленокожих!

— Атрей?

— Да, и с ним еще бессовестный Фухур.

— И что же, оба собираются навредить мне? — Бастиан даже засмеялся.

Ксаида сидела молча, опустив голову.

— В это я никогда не поверю! Я ничего не хочу больше слышать об этом!

Ксаида опустила голову еще ниже. Наконец Бастиан спросил:

— Ну, и что же такое Атрей замышляет против меня?

— Господин! — прошептала Ксаида. — Мне лучше молчать!

— Нет уж, теперь говори до конца!

— Я боюсь твоего гнева, господин, я вся дрожу. Но если даже это мой конец, я все-таки скажу теперь: Атрей замышляет отнять у тебя знак Детской Королевы — тайно или насильно.

— Ты можешь доказать это? — у Бастиана перехватило дыхание.

— Мои знания, господин, не из тех, которые можно доказать, — пробормотала Ксаида.

— Тогда держи их при себе! — кровь бросилась Бастиану в лицо. — И не клевещи на честнейшего и храбрейшего юношу!

С этими словами он выпрыгнул из носилок и пошел прочь.

Пальцы Ксаиды играли головой змеи на мундштуке, ее зелено-красные глаза горели. «Вот увидишь, мой господин и мастер. Пояс Гемуль тебе все докажет», — прошептала она, выпуская изо рта кольца дыма.

Когда расположились на ночлег, Бастиан во-

шел в свой шатер, приказав Иллуану никого не впускать, особенно Ксаиду. Он хотел побыть один. Но размышлял он вовсе не об Атрее, а о тех словах, которые колдунья сказала про мудрость.

Он так много пережил в последнее время — страхи и радости, победы и печали. Он шел от одного исполнившегося желания к другому, но не находил успокоения. А быть мудрым — значит жить в покое — вне радости и страданий, вне страха и жалости.

Мудрость — это независимость, сказала Ксаида, позволяющая никого не любить и никого не ненавидеть. С одинаковым безразличием принимать привязанность и неприязнь других. Вот чего надо желать! Бастиан был убежден, что нашел наконец свое истинное желание, о котором ему говорил еще Граограман. Стать самым мудрым мудрецом во всей Фантазии!

Немного спустя он вышел из шатра. Луна освещала долину, лагерь располагался у подножия причудливых гор. Стояла тишина, сияли звезды, и на вершине горы Бастиан вдруг увидел нечто вроде купола. Очевидно, там жили: оттуда исходил слабый свет.

— Я давно его заметил, — сказал Иллуан, стоя на своем посту у шатра. — Что бы это могло быть?

Едва он это произнес, как с высоты послышалось далекое совиное уханье, оно приближалось, и вот уже показались сами птицы, их было шесть. Они летели с гор прямо к лагерю. Когда они приземлились, Бастиану пришлось глядеть на них снизу вверх, так они были громадны.

— Кто вы и что ищете здесь? — спросил он.

— Нас послала Ушту, мать Догадки, мы из

звездного монастыря Гигам. Это место высшей мудрости, там обитают монахи Познания и трое великих Знающих, которые обучают монахов. Мы посланники ночи и принадлежим Ушту, одной из трех Знающих.

— Если бы был день, — добавила другая сова, — то своих послов отправил бы Ширкри, отец Прозрения. Его посланники — орлы. А в часы сумерек между днем и ночью послал бы своих гонцов Изифу, сын Разума. У него — лисы.

— Что же хотят трое Знающих?

— Они хотят просить Великого Знатока о просвещении. Он остановился где-то здесь, мы должны разыскать его.

— Великий Знаток? Кто это? — спросил Бастиан.

— Его зовут Бастиан Балтазар Букс.

— Тогда вы нашли его, это я.

— Трое Знающих, — поклонились совы, — просят тебя посетить их и ответить на вопросы, которые они не смогли разрешить за всю свою жизнь.

Бастиан задумчиво погладил свой подбородок.

— Хорошо, но я хотел бы взять с собой двух моих учеников.

— Нас шесть, — отвечали совы. — Каждые две могут нести одного.

— Иллуан, приведи сюда Ксаиду и Атрея!

Джинн послушно удалился и вскоре вернулся с Атреем и Ксаидой. Когда Бастиан объяснил им, в чем дело, Атрей тихо спросил:

— Почему я?

— Да, почему он? — вмешалась Ксаида.

— Там узнаете, — ответил Бастиан.

У сов оказались с собой трапеции на верев-

ках. Приглашенные сели на трапеции, как на качели. Громадные птицы подхватили веревки и поднялись в воздух.

Звездный монастырь Гигам был гораздо больше, чем казалось снизу. Становясь монахами Познания, жители Фантазии порывали всякую связь со своей страной и семьей. Жизнь их становилась трудной, полной лишений и посвященной лишь знанию. Сюда принимали не каждого. Вначале надо было пройти жесткий отбор и сдать экзамены. В стенах монастыря оставались только самые умные фантазийцы. Иногда их число снижалось до семи, но от такого недобора жесткость требований не ослаблялась. Сейчас монахов было около двухсот. Когда Бастиана в сопровождении Атрея и Ксаиды ввели в просторный лекционный зал, там собралась целая толпа разновидных существ, схожих разве что своим монашеским одеянием.

Три Знающих имели человеческие фигуры, но звериные головы. Ушту, мать Догадки, была с головой совы. Ширкри, отец Прозрения, имел орлиную голову. А Изифу, сын Разума, — лисью. Они сидели в высоких каменных креслах и казались громадными. Атрей и даже Ксаида немного оробели при виде их. Но Бастиан хладнокровно приблизился. Воцарилась глубокая тишина.

Ширкри, сидевший посредине, — очевидно, старший из всех, указал на пустой стул напротив себя. Бастиан сел.

— С незапамятных времен мы размышляем над загадкой нашего мира, — заговорил Ширкри, и голос его был негромок, но проникал в самое сердце. — Изифу думает не так, как догадывается Ушту, а догадки Ушту далеки от моих прозрений. А мои прозрения далеки от того, что

думает Изифу. Поэтому мы и просили тебя, Великий Знаток, прийти к нам и просветить нас. Исполнишь ли ты нашу просьбу?

— Я готов, — сказал Бастиан.

— Слушай же, Великий Знаток, наш вопрос: что есть Фантазия?

— Фантазия — это бесконечная история, — ответил Бастиан после небольшого раздумья.

— Дай нам время обдумать твой ответ, — сказал Ширкри. — Встретимся завтра на этом же месте в то же время.

Все поднялись, гостей монастыря проводили в кельи, где их ждала скромная монашеская трапеза. Постелями тут служили простые деревянные лежанки с грубыми одеялами. Бастиану и Атрею это вполне годилось, только Ксаида хотела наколдовать себе постель поудобней, но оказалось, что в этом монастыре ее чары бессильны.

На следующую ночь в тот же час они снова собрались в зале.

— Мы обдумали твои слова, Великий Знаток, — сказала Ушту, мать Догадки. — Но у нас появился новый вопрос. Если Фантазия есть бесконечная история, как ты говоришь, то где она записана?

Снова Бастиан немного подумал и ответил:

— В книге, которая переплетена в медно-цветный шелк.

— Дай нам время обдумать твой ответ, — сказала Ушту. — Встретимся завтра в тот же час на этом же месте.

На третью ночь заговорил Изифу, сын Разума:

— Мы обдумали твои слова, Великий Знаток. И снова перед нами возник вопрос. Если Фанта-

зия — бесконечная история и если она написана в медноцветной книге, то где эта книга находится?

— На чердаке одной школы в человеческом мире, — ответил Бастиан.

— Великий Знаток, — сказал Изифу, — мы не сомневаемся в истинности твоих слов. И все же мы просили бы тебя, чтобы ты дал нам увидеть это воочию. Возможно ли это?

— Увидеть человеческий мир? — Бастиан задумался. — Что ж, это возможно.

Атрей ошеломленно взглянул на него. В разноцветных глазах Ксаиды тоже появился вопрос.

— Встретимся следующей ночью, — сказал Бастиан, — но не здесь, а на крыше звездного монастыря. И вы внимательно и неотрывно будете глядеть в небо над вашей Фантазией.

Следующая ночь была такая же ясная. Все собрались на крыше монастыря и не сводили глаз с неба. Неужто там, за его звездными глубинами, таится непостижимый человеческий мир? Ксаида и Атрей, не зная, что затевает Бастиан, были тут же.

Бастиан взобрался на самую вершину купола. Он поглядел оттуда вдаль и в это мгновение увидел далеко на горизонте мерцающую Башню Слоновой Кости.

Он вынул из кармана Аль-Таир, который слабо светился в его руке. Мысленно он увидел надпись на двери библиотеки Амарганта: «...Коль с конца прочесть случится тайный стих, свет столетний источится в тот же миг». Потом поднял камень и громко произнес его имя с конца:

— Риат-Ля!

В тот же момент вспыхнул свет такой силы,

что звезды поблекли и озарился темный космос позади них. И этот космос, окружавший звездное небо Фантазии, был не что иное, как чердак школьного здания с почерневшими деревянными балками; вся Фантазия помещалась внутри этого громадного чердака.

Потом этот миг миновал. Свет целого столетия излился. Аль-Таир исчез без остатка.

Потребовалось время, чтобы глаза снова привыкли к темноте. Потрясенные увиденным, все вернулись в зал. Последним вошел Бастиан. Монахи Познания и трое Знающих склонились перед ним в глубоком поклоне.

— Нет слов, — сказал Ширкри, — какими я мог бы отблагодарить тебя за это просвещение, Великий Знаток. Ибо я заметил на том таинственном чердаке существо, похожее на меня, — орла.

— Ты ошибаешься, Ширкри, — возразила Ушту, — я точно видела, что там была сова.

— Вы оба заблуждаетесь, — вмешался Изифу, — существо там было родственное мне: лиса.

Ширкри поднял вверх руки, останавливая спор:

— Мы снова оказались там же, где начинали. Только ты, Великий Знаток, можешь разрешить наш спор. Кто из нас прав?

— Все трое, — холодно улыбнулся Бастиан.

— Дай нам время обдумать твой ответ, — попросила Ушту.

— Да, — ответил Бастиан. — Времени у вас будет сколько угодно. Потому что мы покидаем вас.

Разочарование отразилось на лицах монахов Познания и на лицах трех Знающих, когда Бастиан отклонил все просьбы остаться у них.

И Бастиана вместе с двумя его учениками вернули назад, к подножию гор.

С этой ночи в Гигаме возникло первое крупное противоречие между тремя Знающими, которое впоследствии привело к тому, что они разделились и каждый основал свой собственный монастырь. Но это уже другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

Бастиан же с этой ночи утратил еще одно воспоминание: о том, что он ходил когда-то в школу. Также и чердак вместе с похищенной книгой исчез из его памяти. И больше он уже не спрашивал себя, как он вообще очутился в Фантазии.

Глава XXII

БИТВА ЗА БАШНЮ СЛОНОВОЙ КОСТИ

ель путешествия была уже близка. Но с Бастианом творилось что-то неладное. Чаще, чем обычно, он приказывал делать привалы, а потом внезапно поднимал всех на ноги и торопил в дорогу. Никто не знал причин такого состояния предводителя. Никто не отваживался спросить об этом у него самого. Со времени великого Деяния в звездном монастыре он сделался недоступным даже для Ксаиды. Из уст в уста передавали разные домыслы, но все продолжали подчиняться его противоречивым приказам. Великие Мудрецы — так все говорили — часто отличаются от обыкновенных существ своей непредсказуемостью. Атрей и Фухур тоже не могли объяснить поведение Бастиана. Но это лишь увеличивало их тревогу за него.

А в Бастиане боролись два противоречивых чувства, и ни одно из них не могло победить. Знаменитый на всю Фантазию, он достиг вершины славы и мог бы встретиться с Лунианой

как равный. Он хотел этой встречи. Но вместе с тем его наполняла тревога. Вдруг она потребует вернуть АУРИН, а его отошлет в человеческий мир, о котором он едва мог теперь что-нибудь вспомнить. Он не хотел назад! Но, впрочем, ведь она никогда не говорила о том, чтобы вернуть АУРИН. Может, она вообще его подарила. И тогда Бастиан вскакивал, торопил спутников, но потом опять его одолевали сомнения, и он вновь объявлял привал, чтобы остановиться и все обдумать.

Так они продвигались вперед и наконец достигли Лабиринта. На горизонте уже мерцала белая Башня. Все остановились и долго не могли налюбоваться разноцветным садом и причудливыми тропинками. Даже Ксаида не сумела скрыть восхищения.

Атрей и Фухур, стоя позади всех, вспоминали, как разительно отличался от этого Лабиринта тот, что они застали здесь в последний раз, когда целые куски были проглочены уничтожением.

Бастиан решил в этот день не двигаться дальше, лишь отправил послов к Башне Слоновой Кости, чтобы приветствовать Детскую Королеву и уведомить ее о своем приближении. Сам он тщетно старался уснуть в своем шатре. Около полуночи у входа послышались шум, возня и спор.

— Что тут происходит? — строго спросил он, выйдя наружу.

— Этот посол, — отвечал Иллуан, — заявляет, что должен сообщить тебе нечто важное, не терпящее отлагательств.

Посыльный, которого Иллуан держал за шиворот, был маленький проворник — существо вроде кролика, но с перьями вместо шерсти.

Проворники умеют бегать так, что их самих даже не видно, лишь дорога пылит там, где они пронеслись. Поэтому проворники и бывают посыльными. Он уже сбегал к Башне и вернулся назад.

— Прости меня, господин, — сказал он, кланяясь, — что я посмел нарушить твой покой, но ты был бы недоволен, если бы я не сделал этого. Детской Королевы нет в Башне Слоновой Кости уже с незапамятных времен, и никто не знает, где она.

Бастиан вдруг почувствовал внутри себя пустоту и холод.

— Быть не может. Ты ошибся.

— Другие послы подтвердят, когда вернутся, господин.

Бастиан помолчал, потом сказал монотонно:

— Спасибо, хорошо, — и вернулся в шатер. Он сел на свою постель и уронил голову на руки. Что же, получается, Луниана теперь так и не узнает, что ему пришлось перенести, добираясь до нее? Может, она не хочет его видеть? Или что-то ей не понравилось?

С другой стороны, это означало, что он не должен возвращать ей АУРИН. А ведь Фухур говорил ему, что Детскую Королеву можно встретить лишь однажды.

Вспомнив про Атрея и Фухура, он затосковал. Ему пришло в голову надеть пояс Гемуль, стать невидимым и хотя бы так побыть вблизи друзей.

Бастиан снова испытал, как и в первый раз, то неприятное чувство, когда не видишь самого себя. Он подождал немного, привыкая, потом вышел и отправился по лагерю искать Атрея и Фухура.

Вокруг царили возбуждение и беготня, все

передавали друг другу новость о Детской Королеве.

Атрей и Фухур оказались на самом краю лагеря. Атрей сидел, поджав ноги и глядя в сторону Башни, а Фухур лежал рядом.

— Это была моя последняя надежда, — сказал Атрей. — Теперь эта надежда исчезла.

— Она знает, что делает, — отвечал Фухур.

— Ты думаешь, она знает это? — пробормотал Атрей. — Ему нельзя больше носить АУРИН.

— Что ты хочешь сделать? Сам он не отдаст.

— Я должен отнять у него.

Тут Бастиан почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Как ты хочешь это сделать?

— О, не знаю, не знаю, — сказал Атрей. — Ведь его сила и волшебный меч остаются при нем.

— А ведь когда-то он сам предлагал тебе этот знак, в Амарганте, помнишь? Тогда ты отказался.

— Кто же мог знать, что всё так кончится.

— Итак, что же тебе остается?

— Украсть, — ответил Атрей, Фухур вздрогнул, а Атрей опустил голову и твердо повторил: — Другой возможности нет.

— И когда же?

— Завтра будет уже поздно. Значит, сегодня.

Бастиан больше не хотел слушать. Он не чувствовал ничего, кроме холодной пустоты. Ему все было теперь безразлично — как и предвещала Ксаида.

Он вернулся в свой шатер, снял пояс Гемуль. Потом велел джинну Иллуану привести трех рыцарей и, пока ждал, вспомнил, что Ксаида предупреждала его о предательстве Атрея. А может,

Атрей еще одумается? Но даже если одумается, дружба потеряна навсегда.

Когда трое рыцарей пришли, он объяснил им, что сегодня ночью надо ждать нападения. Рыцари тотчас заступили на вахту, а Бастиан вышел из шатра и побрел к коралловым носилкам Ксаиды. Она спала, и только пятеро панцирных носильщиков стояли навытяжку, непоколебимы, как скалы.

— Я хотел бы, чтобы вы подчинились мне, — сказал им Бастиан.

— Приказывай, господин нашей госпожи! — рявкнули те хором.

— Как вы думаете, могли бы вы справиться с Фухуром?

— А чья воля будет нами управлять?

— Моя воля.

— Тогда мы со всяким справимся.

— Отлично, отправляйтесь к нему. Как только Атрей отойдет, берите дракона в плен! Но оставайтесь там, пока я вас не позову.

Пятеро черных зашагали прочь. Ксаида улыбалась во сне.

Бастиан вернулся к шатру, но не стал заходить внутрь. Ему не хотелось видеть, как возьмут в плен Атрея, если тот все же решится на грабеж. Он сел неподалеку под деревом. Уже забрезжила заря, становилось светлее, у Бастиана появилась надежда, что Атрей отказался от своей затеи. Но тут он услышал голоса и шум в шатре. Рыцари вывели оттуда Атрея со связанными руками.

Бастиан устало поднялся, опираясь о дерево.

— Значит, все-таки... Иллуан! Разбудить всех и собрать здесь. И пусть панцирные воины приведут Фухура.

Джинн издал орлиный крик и кинулся исполнять приказание.

— Он совсем не защищался, — сказал Хикрион. Бастиан отвернулся. Ему не хотелось встречаться с Атреем взглядом. Атрей тоже не поднимал головы.

Когда панцирные воины привели Фухура, у шатра уже собралась изрядная толпа, она расступилась перед пришедшими. Фухур шел не упираясь.

— Он не сопротивлялся, господин нашей госпожи! — сказал один из панцирных воинов.

Фухур лег на землю рядом с Атреем и прикрыл глаза.

Наступила тишина. Последние опоздавшие подбегали и вытягивали шеи, чтобы узнать, что происходит. Не явилась только Ксаида.

Наконец Бастиан поднялся.

— Атрей, ты хотел отнять у меня знак Детской Королевы, чтобы присвоить его. И ты, Фухур, знал об этом и разрабатывал с ним план похищения. Вы оба виновны не только в том, что предали дружбу, которая когда-то была между нами, вы совершили еще более ужасное преступление — против Лунианы, которая дала мне АУРИН. Признаете ли вы свою вину?

Атрей долгим взглядом посмотрел на Бастиана и кивнул.

У Бастиана пропал голос, ему пришлось начинать дважды:

— Я помню, Атрей, что именно ты привел меня к Детской Королеве. Я помню пение Фухура в Амарганте. И потому я дарю вам жизнь, жизнь вора и его соучастника. Делайте с этой жизнью, что хотите. Но уходите прочь, чтобы я больше никогда вас не видел. Будем считать, что я не знал вас никогда.

Он подал знак Хикриону, и тот развязал Атрею руки. Атрей постоял, хотел что-то сказать, но передумал. Везучий дракон выпрямился, Атрей сел на него, и они поднялись в воздух. И хоть полет их казался усталым и тяжелым, они быстро исчезли из виду.

Бастиан вошел в шатер и бросился на кровать.

— Ну вот ты и достиг истинного величия, — услышал он тихий, вкрадчивый голос, — теперь ты ни для кого не досягаем.

Бастиан сел. В темном углу шатра он увидел Ксаиду.

— Ты? Как ты вошла сюда?

— Нет охраны, мой господин и мастер, которая бы меня задержала, только твой приказ. Прогонишь?

Бастиан снова лег и закрыл глаза.

— Мне все равно. Хочешь — оставайся, хочешь — иди.

Она долго наблюдала за ним из-под прикрытых век.

— О чем ты думаешь, господин и мастер?

Бастиан отвернулся и не ответил. Ксаиде стало ясно, что она не должна сейчас оставлять его одного, иначе он от нее ускользнет. Надо заставить его идти той дорогой, которую выбрала для него она. Придется для этого прибегнуть к самому сильному средству, которое только было в ее распоряжении: к тайному желанию Бастиана. Она подсела ближе:

— Когда, мой господин и мастер, ты хочешь отправиться к Башне?

— Не знаю. Что мне там делать, если Луниаиы нет. Я вообще не знаю, что теперь делать, — сказал Бастиан в подушку.

— Ты мог бы подождать Детскую Королеву там.

— Ты думаешь, она вернется? — Бастиан приподнялся.

— Нет. Я думаю, она навсегда передала всю Фантазию тебе, и ты, господин и мастер, теперь ее наследник.

Бастиан медленно встал. Он не сразу понял, о чем она говорит.

— Я? — Щеки его покрылись пятнами румянца.

— Эта мысль так пугает тебя? Ведь она дала тебе знак полноты власти. Она передала тебе все королевство. Теперь ты будешь Детским Королем, мой господин и мастер. И это твое право. Ты не только спас Фантазию, ты создал ее. Мы все — и я тоже — всего лишь твои творения! Ты Великий Знаток, почему же ты так боишься взять власть, которая принадлежит тебе и больше никому? Ты станешь великим магистром Вселенной!

И еще много говорила Ксаида о Фантазии, сотворенной по воле Бастиана. И что он продолжает и будет продолжать это творение.

— Только тогда ты получишь наконец полную свободу делать, что хочешь. Разве ты не желал найти свою истинную волю? Вот она!

В то же утро лагерь свернули и тронулись в путь. Бастиан и Ксаида ехали в коралловых носилках во главе процессии. Колонна была нескончаемой. Когда первые подходили к Башне, последние еще только пересекали внешнюю границу Лабиринта.

Бастиану был оказан пышный прием. Весь штат Башни был на ногах. На всех зубцах крепостных стен трубили в трубы, жонглеры показывали фокусы, звездочеты предсказывали Бастиа-

ну счастливое будущее, кондитеры пекли торты, министры и сановники сопровождали носилки сквозь толпу встречающих — по Главной улице наверх до дворцовой части. Бастиан вышел из носилок и отправился со свитой дальше по лестницам и мостикам, через залы и коридоры, спеша к Магнолиевому павильону. Но цветок оказался закрытым, и невозможно было преодолеть последний участок пути — гладкую отвесную стену.

Бастиан вспомнил, что все, попадавшие наверх, не знали, как очутились там. Но ему, Бастиану, этот последний отрезок пути не должен быть дарован как милость, скоро он сам будет оказывать эту милость другим.

— Приведите сюда мастеров! — приказал он. — Пусть сделают мне ступени или лестницу или придумают что-нибудь еще. Я буду жить там, наверху.

— Господин, — отважился обратиться к нему старый советник. — Но там живет Золотоглазая Повелительница Желаний, когда она у нас.

— Делайте, что я вам приказал! — оборвал его Бастиан.

Сановники побледнели и отпрянули назад. Но возражать не посмели. Привели мастеров с молотками и зубилами. Но как те ни старались, не могли не только отколоть хотя бы кусочек от гладкой стены, но даже оставить на ней царапину.

— Придумайте что-нибудь еще, — велел Бастиан, — но помните, мое терпение может скоро кончиться.

А пока он вернулся в дворцовый зал и собрал всех сановников. Он возвестил им, что Золотоглазая Повелительница Желаний передала всю

полноту власти ему, и потребовал от них присяги верности.

— Верности даже тогда, когда мои приказы будут казаться вам непостижимыми. Потому что я не такой, как вы все.

Он назначил коронацию через семьдесят семь дней и велел разослать послов во все края, чтобы созвать на церемонию представителей всех племен.

С этими словами он удалился, а сановники не знали, что делать. Все услышанное здесь звучало для их слуха чудовищно, но, посовещавшись, они решили следовать указаниям Бастиана, раз он носит АУРИН.

Все приготовления к коронации Бастиан переложил на Ксаиду, а сам дни напролет почти неподвижно сидел в своих покоях, пытаясь что-нибудь пожелать или придумать хоть какую-нибудь историю для собственного развлечения. Ему ничего не приходило на ум. Он чувствовал себя пустым, как полые панцирные великаны.

Бастиан пытался пожелать возвращения Лунианы. Ведь если он всесилен на самом деле, должно исполниться и это его желание. Ночь напролет он шептал: «Луниана, приди! Ты должна вернуться. Я приказываю тебе вернуться!» И пытался представить ее взгляд, который, словно светящееся сокровище, хранился в глубине его сердца. Но она не приходила. И чем больше он напрягался, призывая ее, тем тусклее становился свет ее взгляда — пока не погас окончательно.

Бастиан внушал себе, что все пойдет по-другому, как только он попадет в Магнолиевый павильон. Он то и дело подходил к мастерам и подгонял их то просьбами, то угрозами. Но все было тщетно. Лестницы ломались, зубила отскакивали от стены, гвозди гнулись.

Рыцари Хисбальд, Хидорн и Хикрион добрались до винных погребов и проводили там целые дни, играя в кости, потягивая вино и распевая песни. Иногда они ссорились, и дело доходило до поножовщины. А то выходили на Главную улицу и приставали к феям да ведьмам.

Когда Бастиан пытался их урезонить, они разводили руками:

— Что ты хочешь, господин? Дай нам какое-нибудь стоящее дело!

Он просил их потерпеть до коронации, хотя и сам не знал, что от этого изменится.

Погода портилась день ото дня, небо затянуло тучами, и солнце не проглядывало уже ни на час.

Приближался день коронации. Разосланные послы вернулись назад. Многие привели с собой делегатов, а кое-кто вернулся ни с чем: некоторые племена отказались принять участие в церемонии. Кое-где, оказывается, были тайные, а то и явные протесты и ропот.

— Со всем этим, — сказала Ксаида, — ты покончишь, когда станешь Королем Фантазии.

— Детской Королеве все подчинялись добровольно.

Но Ксаида не слушала, она спешила по делам.

И вот наступил день коронации, который, однако, войдет в историю Фантазии как день кровавой битвы за Башню Слоновой Кости.

Уже с утра небо было тяжелым и мрачным. Ксаида с сорока церемонимейстерами подготовила большую праздничную программу. На всех улицах появились музыканты, но их музыка была не такой, какую здесь привыкли слышать. Она была дикая, пронзительная и монотонная. Каждый, слыша ее, начинал невольно дергать нога-

ми, приплясывать и прыгать. Никто не знал музыкантов, которые были в черных масках, никто не знал, откуда они здесь появились.

Все здания и фронтоны украсили флагами, но они бессильно повисли, так как не было ни дуновения ветерка. Всюду были видны портреты Бастиана.

Магнолиевый павильон так и остался неприступным, и Ксаида подготовила другое место для трона: в конце Главной улицы, перед воротами во дворец.

Тысячи золотых курительниц источали какой-то дурманящий фимиам, он сползал вниз, проникая во все улицы и переулки Башни.

Повсюду стояли черные великаны в насекомовидных панцирях. Никто не знал, как Ксаиде удалось пятерых оставшихся воинов умножить в сотни раз. Более того, примерно пятьдесят из них были теперь верховые, на таких же полых железных конях. Эти черные рыцари сопровождали по Главной улице наверх триумфальное шествие трона, который скользил сам по себе — никто его не подталкивал и не тянул. Он был громадный, как церковный портал, и весь состоял из зеркал разной величины.

Трон установили, Бастиан взобрался на него — и оказался в его недрах совсем крохотным, как кукла. Толпа зрителей разразилась ликованием, но оно звучало почему-то визгливо и пискляво.

Потом началась длинная утомительная процедура: делегаты разных племен, выстроившись в длинную очередь до самого основания Башни, должны были, упав перед троном, трижды коснуться лбом пола, поцеловать правую ступню Бастиана и сказать: «Именем моего народа и моего племени я прошу тебя, о великий, которо-

му мы обязаны своим существованием, венчаться на Детского Короля Фантазии!»

Все это длилось уже два или три часа, как вдруг по рядам пронеслась тревога: вверх по улице протискивался молодой фавн — видно было, что он бежит из последних сил, пошатываясь и спотыкаясь. Он упал перед Бастианом ниц, еле переводя дух.

— Что случилось? Как ты посмел нарушить церемонию? — недовольно спросил Бастиан.

— Война, о господин! — выдохнул фавн. — Атрей собрал восставших и ведет их сюда. Они хотят, чтобы ты сложил с себя АУРИН, и если ты не снимешь его добровольно, они возьмут его силой.

Воцарилась тишина. Подхлестывающая музыка и визгливое ликование смолкли. Побледнев, Бастиан смотрел прямо перед собой.

Прибежали три обрадованных рыцаря.

— Наконец-то нам найдется дело, господин! — кричали они наперебой. — Продолжай церемонию, а битву поручи нам. Мы соберем отважных воинов и отразим нападение. Мы их проучим так, что запомнят надолго.

Среди присутствующих фантазийцев было много таких, что не годились для войны. Но нашлись и носящие оружие: дубины, мечи, луки, а то и просто когти и зубы. Они собрались вокруг трех рыцарей, образовав войско, и ушли, а Бастиан с оставшимися продолжал церемонию. Но теперь он не мог сосредоточиться на ней и то и дело обращал взгляд к горизонту. Большая туча пыли, показавшаяся вдалеке, говорила о том, как велико войско Атрея.

— Не беспокойся, — сказала Ксаида, — ведь есть же панцирные воины, они защитят Башню,

против них бессильны все, кроме тебя и твоего меча.

Несколько часов спустя появились первые донесения с поля боя. На стороне Атрея сражались почти все зеленокожие, сотни две кентавров, пятьдесят восемь скалоедов, пять везучих драконов, целый полк белых орлов с гор Судьбы, еще много других существ и даже несколько единорогов. Хоть числом они были гораздо меньше войска, предводительствуемого тремя рыцарями, но воевали с такой решимостью, что войско Бастиана постепенно оттеснялось к Башне Слоновой Кости.

Бастиан хотел сам возглавить свою армию, но Ксаида отговорила его.

— Подумай, господин и мастер, ведь вмешиваться в битву — для твоего нового ранга Короля Фантазии — не очень уместно. Предоставь это твоим подданным.

Битва длилась весь остаток дня. Каждая пядь яростно оборонялась войском Бастиана. Поле битвы было обильно полито кровью. К вечеру нападающие подступили к подножию Башни.

И тут Ксаида выслала своих панцирных воинов — пеших и конных.

Подробное описание битвы за Башню составить невозможно. Сколько участников, столько сказаний и легенд, они до сих пор ходят по Фантазии, передаваясь из уст в уста. Некоторые утверждают, что на стороне Атрея были колдуны, искусные в белой магии, — они и противостояли Ксаиде. Точных сведений нет. Но так или иначе, войску Атрея удалось одолеть Башню, невзирая на черных панцирных воинов. А может, все дело в том, что Атрей сражался не за себя, а за друга, которого он должен был победить, чтобы спасти.

Ночь давно опустилась, беззвездная, наполненная гарью и дымом. Брошенные на пол факелы и опрокинутые лампы вызвали пожары. Бастиан носился среди языков пламени, отбрасывая призрачную тень. Вокруг него были звон оружия и рев битвы.

— Атрей! — кричал он охрипшим голосом. — Атрей, покажись! Выйди на поединок со мной! Где ты?

Но меч Булат прочно сидел в ножнах и не двигался.

Бастиан метался по залам дворца, наступая на осколки зеркального трона, а потом, взобравшись на высокую стену, он увидел Атрея, стремящегося ему навстречу с другой стороны. В руке у него был меч.

И вот они стоят друг против друга, глаза в глаза. Булат не шевелится в ножнах.

Атрей приставил острие меча к груди Бастиана:

— Отдай мне знак, отдай по собственной воле!

— Предатель! — кричал Бастиан. — Ведь ты же мое создание! Все здесь вызвал к жизни я! И тебя тоже! А ты обратил против меня оружие! На колени и проси пощады!

— Ты сошел с ума! — отвечал Атрей. — Ты не создал здесь ничего. Ты всем обязан Детской Королеве! Отдай мне АУРИН!

— Отними, если сможешь!

Атрей медлил.

— Бастиан, — сказал он, — почему ты принуждаешь меня победить тебя, чтобы спасти?

Бастиан рванул свой меч. Благодаря неимоверной силе, ему удалось вытянуть Булат из ножен. Но в тот же миг, как это произошло, раз-

дался грохот, прозвучавший так страшно, что даже сражающиеся внизу прекратили битву и подняли головы вверх. Бастиан узнал этот грохот — он слышал его, когда Граограман превращался в камень. И свечение Булата в тот же миг угасло. У Бастиана пронеслась в голове мысль о предостережении Граограмана — не использовать это оружие по собственной воле.

Но теперь он уже не мог остановиться и ринулся на соперника. Атрей попытался своим мечом отразить удар, но Булат достал до груди Атрея. Кровь полилась из раны, Атрей сделал шаг назад, оступился и упал со стены. Тут в воздухе мелькнуло белое змеистое пламя, скользнул белый дракон Фухур и подхватил Атрея на лету.

Бастиан стер своим плащом пот со лба и увидел, что плащ стал черным, как ночь. Он все еще держал Булат в руке и так спустился со стены и пошел вниз по Главной улице.

Как только Атрей был побежден, счастье изменило нападавшим. Войско восставших, совсем было одолевшее Башню, пустилось в бегство. Бастиан был как в страшном сне. Победа была горька ему, как желчь, но вместе с тем он испытывал зловещую радость.

Завернувшись в черный плащ, держа в руке окровавленный меч, он шагал вниз, а Башня уже пылала, как факел. Он шел сквозь рев пламени, ничего не замечая, пока не столкнулся с остатками своего войска. Они ждали его в Лабиринте, превращенном в кровавое поле битвы. Кругом лежали трупы.

Хикрион, Хисбальд и Хидорн были ранены, Иллуан погиб. Ксаида стояла над его телом, держа в руке пояс Гемуль:

— Это он спас для тебя, господин и мастер.

Бастиан взял пояс, сунул в карман, медленно обвел взглядом спутников. Мало их уцелело. Выглядели они устало и опустошенно. Отблески пожара бросали тени на их лица.

Все повернулись к Башне, которая рушилась на глазах. Магнолиевый павильон наверху пылал, лепестки раскрылись, и было видно: цветок пуст. Потом и он исчез в пламени.

Бастиан указал своим мечом на пылающую Башню:

— Это дело рук Атрея. И за это я буду преследовать его до конца! — Он вскочил на черного железного коня и крикнул: — За мной!

Жеребец встал на дыбы, но, принужденный волей Бастиана, вскачь понесся вперед.

Глава XXIII
ГОРОД СТАРЫХ КОРОЛЕЙ

Через некоторое время стало ясно, что спутникам не поспеть за Бастианом, ведь многие из них были ранены или просто измотаны битвой. Устали даже панцирные воины — видимо, истощенной воли Ксаиды уже не хватало для управления ими. Коралловые носилки Ксаиды сгорели, и для нее наскоро соорудили новые из обломков оружия и досок — но у этих носилок был жалкий вид. Рыцари Хидорн, Хисбальд и Хикрион, потерявшие в битве своих коней, шли пешком, поддерживая друг друга. Догнать Бастиана уже никто не пытался.

А Бастиан скакал сквозь тьму, черный плащ реял за ним, суставы железного коня скрипели и скрежетали, но могучие копыта продолжали сотрясать землю.

— Но! — погонял Бастиан. Ему все казалось, что он скачет слишком медленно. Он хотел догнать Атрея и Фухура любой ценой. Он жаждал мести! Если бы не Атрей, сейчас бы его желание

осуществилось! Бастиан так и не стал Королем Фантазии, и за это Атрей должен поплатиться!

Бастиан гнал своего железного коня, не замечая скрежета его суставов, а мыслями все чаще возвращался к той минуте, когда они с Атреем стояли друг против друга, обнажив мечи. Впервые перед Бастианом встал вопрос: почему Атрей медлил, почему не разил его, чтобы отнять АУРИН? И тут же Бастиан вспоминал рану, которую сам нанес Атрею.

Забрезжило утро, он скакал по степи с редкими зарослями можжевельника. И вдруг конь под Бастианом распался на части. Бастиан на полном скаку рухнул вместе с обломками и отлетел в кусты. Повсюду валялись железные куски, будто взорвалась конная статуя.

Бастиан встал, завернулся в плащ и побрел вперед, навстречу восходу.

В кустах осталась валяться одна блестящая штуковина: пояс Гемуль. Зря спасал его джинн Иллуан ценой своей жизни. Несколько дней спустя блестящий пояс схватила сорока и унесла его к себе в гнездо. Из этого вышла целая история, но мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

К полудню Бастиан дошел до высокого земляного вала. Поднявшись на него, он увидел похожую на кратер котловину. Там друг на друге громоздились какие-то постройки, но если это и был город, то самый безумный, какой приходилось видеть Бастиану. Все дома стояли в нем беспорядочно, будто их кучей вытряхнули из мешка. Да и сами дома выглядели в высшей степени странно: входная дверь где-нибудь на крыше, лестница там, где она никуда не может вести. Или по ней можно было взойти разве что вниз головой. Иные лестницы обрывались в пус-

тоту, башни стояли косо, балконы висели на стенах как отломленные. Окна были вместо дверей, стены вместо пола, а все мосты наполовину не достроены.

Потом Бастиан увидел жителей. Это были обыкновенные люди — мужчины, женщины и дети, но на головах у них горшки, абажуры, кастрюли, корзины и коробки, а вместо одежды — скатерти, ковры или просто бумага.

Многие толкали или тащили за собой тележки, полные странного скарба: разбитых ламп, посуды, тряпья, осколков. Некоторые несли такое же барахло в тюках за спиной.

Но, похоже, никто из жителей толком не знал, куда ему надо. Бастиан несколько раз видел, как человек, поспешно кативший тележку вперед, вдруг останавливался и с такой же сосредоточенностью толкал ее назад. Бастиан попытался обратиться к одному с вопросом:

— Как называется этот город?

Тот остановил тележку, потер себе лоб, задумался, потом пошел прочь, забыв и про тележку тоже, через несколько минут подошла какая-то женщина, подхватила эту тележку и повезла куда-то. Бастиан спросил, ее ли это вещи. Она погрузилась в раздумья и тоже ушла прочь.

Бастиан сделал еще несколько попыток заговорить, но ему так никто и не ответил. Вдруг он услышал чей-то голос:

— Бесполезно их спрашивать, они ничего тебе не скажут.

Бастиан повернулся на голос и увидел на кривой стене серую обезьянку. На голове ее красовалась академическая шапочка с кисточкой, она что-то считала на пальцах своей ноги.

— Извините, минутку, я только посчитаю, — сказала она.

— Кто ты? — спросил Бастиан.

— Меня зовут Аргакс, очень приятно! — ответила обезьянка, приподнимая шапочку. — С кем имею честь?

— Я Бастиан Балтазар Букс.

— Очень, очень рад.

— А как называется этот город?

— У него, собственно, нет названия. Но его можно назвать городом Старых Королей.

— Город Старых Королей? — тревожно повторил Бастиан. — Почему? Я нигде не встретил никого похожего на короля.

— Да? — обезьянка захихикала. — Тем не менее все, кого ты здесь видишь, были в свое время Королями Фантазии. Или, по крайней мере, хотели ими стать.

Бастиану стало страшно.

— Откуда ты это знаешь, Аргакс?

Обезьянка снова приподняла шапочку и ухмыльнулась:

— Я, собственно говоря, смотритель этого города.

Бастиан огляделся. Поблизости какой-то человек вырыл яму, поставил в нее зажженную свечку и снова стал засыпать ее.

— Не угодно ли осмотреть город? Так сказать, беглое знакомство с будущим местом жительства, — хихикнула обезьянка.

— Нет, — сказал Бастиан. — О чем ты говоришь?

— Идем! — обезьянка прыгнула ему на плечо. — Это бесплатно. Ты уже все заплатил, что требуется для входа в этот город.

Больше всего Бастиану хотелось сбежать отсюда. Он чувствовал себя неуютно, и это чувство нарастало с каждым шагом. Он обратил внимание, что люди совсем не разговаривают друг с другом. Как будто не видят никого кругом.

— Что это с ними? — спросил Бастиан. — Почему они так странно себя ведут?

— Ничего странного, — захихикала обезьянка ему на ухо. — Они такие же, как ты, а вернее сказать, были такими же, как ты, в свое время.

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что это люди?

От радости Аргакс стал прыгать на спине Бастиана:

— Ага, так оно и есть!

Бастиан увидел женщину, сидящую на дороге. Она пыталась штопальной иглой накалывать горошины с тарелки.

— Как они очутились здесь? Что они здесь делают?

— О, во все времена находятся люди, которые не могли найти дороги в свой собственный мир. Когда-то они не хотели, а теперь уже не могут.

Бастиан посмотрел на маленькую девочку, которая с великим старанием катила кукольную коляску с квадратными колесами.

— Почему они не могут теперь?

— Потому что должны прежде всего захотеть этого. А они больше не могут ничего хотеть. Они израсходовали свое последнее желание на что-то другое.

— Свое последнее желание? — спросил Бастиан побелевшими губами. — Но разве нельзя желать сколько угодно? Разве количество желаний имеет предел?

Аргакс снова захихикал. Он попытался стащить с головы Бастиана тюрбан, чтобы водрузить его на себя.

— Прекрати! — крикнул Бастиан. Он попытался стряхнуть с себя обезьянку, но она крепко вцепилась и посмеивалась от удовольствия.

— Нет уж, нет уж! Желать ты можешь лишь до тех пор, пока что-то помнишь о себе и своем мире. А эти здесь потеряли все свои воспоминания. У кого нет прошлого, тот лишен и будущего. Поэтому они не стареют. Посмотри, они живут здесь уже тысячи лет, но остаются такими же. Для них ничто не может измениться, потому что сами они не меняются.

Бастиан увидел мужчину, который намылил зеркало и стал его брить. В другое время его бы это насмешило, но теперь он ужаснулся. Озноб пробежал по спине. Он быстро зашагал дальше и тут только заметил, что углубляется в город. Хотел повернуть назад, но какая-то сила как магнитом влекла его вперед. Он побежал, пытаясь сорвать с себя обезьянку, но та сидела крепко и даже подгоняла его:

— Оп, оп, быстрее!

Бастиан понял, что ему не избавиться от нее.

— И что же, — спросил он, задыхаясь, — все они были когда-то Короли Фантазии?

— Ну да, всякий, кто не может вернуться к себе, когда-то был или хотел быть королем. Не каждому удалось этого добиться, поэтому здесь два сорта дураков. Но результат, так сказать, один и тот же!

— Какие два сорта? Объясни мне все, Аргакс!

— Спокойно! Только спокойно! — хихикала обезьянка, крепче обхватывая шею Бастиана. — Одни из них постепенно растрачивали свои воспоминания, и когда теряли последнее, АУРИН больше не мог исполнить им ни одного желания. Желаний просто больше не возникало, и они сами по себе пришли сюда. Другие, которым удалось стать королями, теряли все воспоминания единым махом. Они тоже оказались

здесь и теперь никуда больше не могут двинуться.

— Значит, все они обладали в свое время АУРИНОМ?

— Разумеется! Но он не мог им больше ничем помочь, бедным дуракам.

— Его у них... — он помедлил, — его у них отняли?

— Нет, — сказал Аргакс. — У тех, кто становится королем, он исчезает сам по себе. Это же ясно: разве можно применить могущество Детской Королевы для того, чтобы отнять у нее же это могущество?

Бастиан вдруг почувствовал слабость, такую, что присел бы где-нибудь отдохнуть, но обезьянка не позволила:

— Нет, нет, мы еще не осмотрели город! Самое главное впереди!

Бастиан увидел мальчика, который тяжелым молотком забивал гвозди в чулок, расстеленный на земле. Толстый мужчина пытался наклеить почтовую марку на мыльный пузырь, всякий раз пузырь лопался, но мужчина продолжал надувать новые.

— Смотри! — обезьянка повернула голову Бастиана. — Погляди туда, разве это не смешно?

В стороне стояла большая группа людей, мужчин и женщин, молодых и старых, но они не разговаривали между собой. На земле валялось множество игральных костей, на каждой грани стояли буквы. Люди снова и снова бросали кости и подолгу всматривались в то, что выпало.

— Что они делают? — прошептал Бастиан. — Что это за игра?

— Игра в любое, — ответил Аргакс. Он помахал играющим рукой и крикнул: — Молодцы! Давайте дальше! Не прекращайте!

Потом он повернулся к Бастиану:

— Они больше ничего не могут рассказать. Они лишились языка. Поэтому я придумал для них эту игру. Подумай только, ведь все истории на свете состоят всего из тридцати двух букв, которые просто меняют свой порядок. Из этих букв получаются слова, из слов фразы, потом главы, а из глав целые истории. Посмотри, что там у них выпало?

Бастиан подошел и прочитал:

т и в п р н л д ж б ю ё
ь т м у ц ф х о б в
в п ш я ц д э в у ц ь а

— Да, — хихикнул Аргакс, — так всегда и получается. Но если играть очень долго, годами, можно случайно получить слова. Не особенно богатые смыслом, но всё же. «Шпинатные морщины», например, или «щеточная колбаса», или «воротниковый сок». А если играть тысячи лет, сто тысяч лет, то однажды случайно выпадет целая история. Или стихотворение. А если играть вечно, то выпадут все мыслимые истории и даже та, которую мы сейчас разыгрываем между собой. Логично, не так ли?

— Это ужасно, — сказал Бастиан.

— О, это еще как посмотреть. Видишь ли, эти игроки хоть чем-то заняты. А иначе что им всем делать?

Бастиан долго смотрел на играющих, потом тихо спросил:

— Аргакс, ты ведь знаешь, кто я?

— А как же! Кто в Фантазии не знает твоего имени!

— Скажи мне одно, Аргакс. Если бы я вчера стал королем, я бы уже очутился здесь?

— Сегодня, или завтра, или через неделю, но ты бы обязательно очутился здесь.

— Тогда, значит, Атрей спас меня?

— Этого я не знаю.

— А если бы ему удалось забрать у меня АУРИН, что бы произошло?

— Ты все равно очутился бы здесь.

— Но почему?

— Потому что АУРИН нужен тебе, чтобы найти обратную дорогу. Но, честно говоря, я не верю, что ты найдешь ее.

Обезьянка похлопала в ладоши, приподняла шапочку и хмыкнула.

— Скажи мне, Аргакс, что я должен делать?

— Найти желание, которое привело бы тебя в твой мир.

— А сколько у меня еще осталось желаний?

— Не очень много. На мой взгляд, не больше трех-четырех. Ты немного поздновато спохватился. Тебе может не хватить этих желаний, чтобы выбраться. Ведь тебе еще предстоит переправиться через море тумана, а это тоже будет стоить тебе желания. А что дальше — я не знаю. Никто в Фантазии не знает, где пролегает дорога в ваш мир. Может быть, ты отыщешь горняка Йора и его штольню Минроуд, это последняя возможность для таких, как ты. Хотя, боюсь, для тебя уже слишком поздно. Впрочем, из города Старых Королей ты еще сумеешь выбраться.

— Спасибо, Аргакс! — сказал Бастиан.

— До свидания, Бастиан Балтазар Букс! — ухмыльнулась обезьянка и одним прыжком исчезла в каком-то доме, прихватив тюрбан Бастиана.

Все, что Бастиан узнал здесь, потрясло его. Все его планы разрушились единым махом. Все,

чего он хотел, было его гибелью, а что ненавидел, наоборот, спасением.

Одно было ясно: скорее прочь из этого города! Он стал выбираться, но оказалось, что это не так-то просто. Он все время сбивался с пути и вновь и вновь приходил к центру города. Лишь к вечеру он выбрался за земляной вал, в изнеможении упал под куст можжевельника и уснул. Во сне в нем погасло воспоминание о том, что когда-то он сочинял истории.

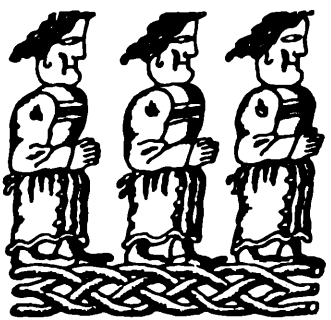
Всю ночь его преследовал сон: раненный им Атрей стоял перед ним, и рана его кровоточила.

Бастиана разбудил удар грома. Его окружала глубокая тьма, прорезаемая вспышками молний. Земля дрожала, кусты прибило к земле, потоки дождя низвергались с неба сплошной стеной. Бастиан встал, по его лицу струилась вода. Молния ударила в дерево прямо около него и расщепила ствол. Дерево загорелось, но дождь тут же потушил огонь. Бастиана швырнуло на землю. Он встал на колени, вырыл руками ямку, положил в нее меч и зарыл его.

— Булат, я навсегда с тобой прощаюсь, — сказал он тихо. — Ты больше не будешь виновен из-за меня ни в одном несчастье. И никто не найдет тебя, пока не узнает, что мы с тобой наделали!

Булат и по сей день лежит в земле. Его возьмет в далеком будущем лишь тот, кто без опаски сможет прикоснуться к нему, но это уже другая история, и мы расскажем ее как-нибудь в другой раз.

Глава XXIV
МОРЕПЛАВАТЕЛИ ТУМАНА



ла пятая ночь с тех пор, как Бастиан покинул город Старых Королей и начал свое долгое одиночное странствие. Теперь он знал, что ищет путь домой. Но не знал, где его искать.

Где-то должны быть ворота, дверь, граница, которая выведет его...

Но сил уже не оставалось даже на то, чтобы что-нибудь пожелать. Кроме того, он должен теперь экономить действие АУРИНА, чтобы не растратить впустую последние уцелевшие воспоминания.

Да и желания, оказывается, не возникают только потому, что они кому-то понадобились. Они вырастают в человеке незаметно, сами по себе, как трава из земли.

И еще одно теперь заботило Бастиана. Из-за долгого одиночества ему вдруг захотелось побыть с такими же, как он сам. Не господином или победителем, а просто товарищем.

И вот однажды он вышел на берег моря. Так ему, по крайней мере, казалось. Только потом он

разглядел, что белые застывшие валы были туманом. Они медленно двигались, тут были свои течения и завихрения, но почти незаметные глазу, как ход минутной стрелки по кругу. Это было туманное море!

Бастиан шел по берегу, стояло теплое, ласковое утро, солнце освещало бескрайнюю даль. К полудню Бастиан очутился в городке на сваях, который выдавался далеко в море. Длинный подвесной мост соединял его с берегом и материком. Мостик тихо закачался, когда Бастиан ступил на него.

Домики в городе были маленькие, всё в них было как будто детское, и люди на улицах оказались ростом не выше Бастиана, хотя это были взрослые мужчины с бородами и женщины с высокими прическами. Бросалось в глаза, что все они очень похожи друг на друга. Они кивали Бастиану, но не заговаривали с ним. И вообще вокруг стояла тишина Безмолвия, лишь изредка слышался оклик или слово. Многочисленные прохожие двигались только группами, держась за руки. Одиноких пешеходов не было вовсе.

Бастиан заметил, что все дома сплетены из лозы, и мостовая на дорогах тоже из лозы, да и одежда людей — куртки, брюки, юбки и шляпы — всё из той же лозы, только тонко обработанной. Тут и там Бастиан видел мастерские ремесленников, где занимались плетением. Там делали обувь, кружки, лампы, чашки, зонтики — все из лозы. И никто не работал в одиночку, только артелью. При этом они напевали простую мелодию без слов.

Город был маленький, вскоре Бастиан вышел из него и очутился на морском причале. Здесь покачивались подвешенные на крюках корабли и лодки. Под ними была пустота. Далеко

внизу под их днищами клубился туман. Почему-то не было у этих кораблей ни парусов, ни мачт, ни рулей, ни винтов.

Бастиан перегнулся через перила набережной. По длине теней, отбрасываемых на белую поверхность тумана, можно было судить о высоте свай, на которых стоял город.

— Ночью туман поднимается до уровня города, — вдруг услышал Бастиан. — Тогда мы можем выходить в море. А днем солнце разъедает туман, и уровень его сильно падает. Ведь ты именно это хотел узнать, чужеземец, не так ли?

Рядом с Бастианом стояли трое мужчин и приветливо смотрели на него. Из разговора Бастиан узнал, что город называется Искал, или Плетеный город. Жители его зовутся искалнары. Это слово означает «сообща».

Все трое были моряками. Бастиану не хотелось называть свое имя, и он назвался Одиночкой. Моряки объяснили ему, что у них вообще нет имен для каждого. Они все называются искалнары, и этого им достаточно. Они пригласили его пообедать, и он с благодарностью принял приглашение. За время обеда в харчевне он многое узнал об их городе.

Туманное море называлось Скайдан, никто не знал, какова его глубина, никто не знал, откуда оно взялось. В тумане, правда, можно было дышать и можно было забредать от берега вглубь, — но только привязанными на канате, чтобы тебя могли вытащить назад. Потому что туман лишал всех способности ориентироваться. Погибли уже многие отважные, пытавшиеся перейти Скайдан пешком по дну. Перебраться на другую сторону можно только одним способом — на корабле.

Лоза, из которой было сплетено все в городе,

росла на дне океана недалеко от берега, но добыча ее была делом трудным и опасным. Потому что, гибкая на воздухе, она в тумане становилась жесткой, острой, как железный прут. Она была легче тумана, потому-то и могли корабли, сплетенные из нее, держаться на поверхности. Из этой лозы плели также спасательные жилеты на случай, если моряк упадет в туман.

Бастиан отметил, что искалнары никогда не употребляют слова «я», они говорят только «мы». Почему это так, обнаружилось позднее.

Из разговора моряков Бастиан узнал, что сегодня ночью они уходят в плавание, и попросился с ними. Они объяснили ему, что всякое плавание не похоже на предыдущее, никогда не знаешь, сколько оно продлится и куда в конце концов приплывешь. Бастиан сказал, что ему все равно, куда плыть, и они согласились взять его.

Опустилась ночь, туман стал подниматься и к полуночи достиг уровня Плетеного города. Все подвешенные корабли теперь оказались на плаву. Корабль Бастиана медленно отчалил от пристани. Бастиан сразу спросил, каким образом движется судно, потому что не было ни гребцов, ни парусов. Паруса, как оказалось, бесполезны в туманном море, потому что ветра не бывает вообще, не помогают также весла и винт. Сила, двигающая корабль, была совсем другого рода.

На середине палубы возвышалась круглая площадка, там посменно стояли моряки — по двое, иногда по трое или по четыре. Обнявшись, они смотрели вперед и медленно и согласно покачивались, словно исполняли танец, и при этом напевали однообразную, простую мелодию, нежную и приятную.

Бастиан сначала принял это за какую-то церемонию, смысла которой не понимал. Когда же

на третий день он спросил обо всем у моряков, те удивились его вопросу и объяснили, что корабль движется вперед силой воображения.

Бастиан не совсем понял, он сперва решил, что люди на возвышении двигают какое-то невидимое колесо.

— Нет, — ответили ему. — Ведь если ты хочешь двинуть своей ногой, тебе не нужен специальный привод, тебе достаточно только представить это.

Все различие между собственным организмом и кораблем состояло лишь в том, что для движения корабля требовалось никак не меньше двух искалнаров. Чтобы увеличить скорость, приходилось увеличивать число искалнаров на площадке. Оказалось, это очень трудная работа, требующая непрерывной концентрации внимания, и моряки часто сменяли друг друга. Это и был единственный способ передвижения по морю Скайдан.

Бастиан тоже научился этой тайне единства: танцу и пению без слов. Это было необыкновенное чувство самозабвения и гармонии, когда ты знаешь, что сила твоего воображения сливается с воображением других и двигает вперед корабль. Но одновременно с этим новым чувством в памяти Бастиана погасло еще одно воспоминание: что в том мире, откуда он пришел и куда должен найти обратную дорогу, есть люди, имеющие каждый свое отдельное имя, отдельное представление и свое особое отношение ко всему. Единственным, что еще смутно помнил Бастиан, был его дом и его родители.

А в глубине сердца у него уже зародилось новое желание. Это случилось в тот день, когда он обнаружил, что единство искалнаров достигает-

ся тем, что все они совершенно одинаковые. И это единство не стоит им никаких усилий.

Напротив, для них было невозможно поссориться или разъединиться. Никто из них не ощущал себя чем-то отдельным. Наоборот, разъединение потребовало бы усилий. Это стало Бастиану в конце концов надоедать, а однообразная мелодия их песен больше не радовала его слух. Он чувствовал, что ему чего-то недостает среди них, но не знал чего.

Это он понял, когда однажды увидел в небе больших туманных коршунов, опасных хищных птиц. Искалнары, завидев их, испугались и попрятались под палубу. Но один не успел скрыться, чудовищная птица напала на него и унесла в когтях.

Когда опасность миновала, искалнары снова выбрались наверх и возобновили свое пение и танец, как будто ничего не случилось. Гармония не нарушилась, они не проронили ни слова по поводу несчастья.

— Нет, — ответил один из них на вопрос Бастиана, — мы никого не потеряли. О чем нам печалиться?

Один у них был не в счет. А поскольку они не отличались друг от друга ни внешне, ни внутренне, то незаменимых быть не могло.

Но Бастиан хотел быть незаменимым и единственным. Он хотел, чтоб его любили именно таким, каков он есть. В единстве искалнаров была гармония, но не было любви.

Он больше не хотел быть самым великим, самым сильным или самым умным. Все это осталось позади. Он хотел теперь, чтобы его любили такого, какой он есть — хороший ли, плохой ли, умный или глупый, красивый или не очень,

со всеми его недостатками — и, может, как раз за них.

Но какой же он на самом деле?

Теперь он не знал этого. Он получил в Фантазии много даров и за всеми этими дарами потерял самого себя.

С этого времени он больше не участвовал в танцах и пении искалнаров. Он одиноко сидел на носу корабля и смотрел вдаль.

Наконец показался берег. Корабль причалил, Бастиан поблагодарил моряков и простился с ними.

Перед ним была земля, полная цветущих роз. Целый Розовый лес, и в глубь его уводила тропинка. Бастиан зашагал по ней.

Глава XXV
МАМА АЙОЛА

то очень легко рассказать, как погибла Ксаида, но только понять это почти невозможно. Ученые до сих пор безуспешно ломают головы. Некоторые берут под сомнение даже факты или пытаются истолковывать их по-другому. Наше же дело рассказать все как было, а объяснит пусть каждый как сможет.

К тому времени, когда Бастиан подходил к городу Искалу, Ксаида со своими черными панцирными носильщиками наконец достигла того места, где Бастиан свалился с распавшегося на скаку черного коня. В этот момент она уже догадывалась, что больше никогда не увидит Бастиана. Когда же немного позднее она очутилась у земляного вала, где отпечатались его следы, то окончательно поняла, что все ее планы рухнули. Если он остался в городе Старых Королей, то уже не способен ничего пожелать. А если вырвался из него, то давно отказался от власти и величия. В обоих случаях для Ксаиды игра была проиграна.

Она приказала своим носильщикам остановиться, но они не подчинились. Тогда она выпрыгнула на землю и загородила им дорогу. Вслед за носильщиками шагали воины. Ни один из них не замедлил шага, и они растоптали Ксаиду. И только когда волшебница испустила дух, они все разом встали, как часы, у которых кончился завод.

Когда позднее подоспели три рыцаря с остатками войска и увидели, что произошло, они не могли ничего понять, ведь железные воины двигались волей Ксаиды, значит, не могли растоптать ее против ее же воли. Впрочем, рыцари не особенно были сильны в размышлениях и оставили эту загадку другим. Посовещавшись, они распустили остаток войска по домам, а сами, верные присяге, данной Бастиану, решили искать его дальше по всей Фантазии. Но, не сойдясь во мнении, куда направиться, решили идти поодиночке каждый своей дорогой. Все трое пережили много опасных приключений, но это уже другая история, и мы ее расскажем как-нибудь в другой раз.

А черные пустые воины так и стоят до сих пор в степи вблизи города Старых Королей. С годами они проржавели от дождей и ветров, многие разрушились. Путешественники обходят это место стороной. Оно считается проклятым.

Но вернемся к Бастиану.

Проходя по тропинке Розового леса, он заметил указатель, на котором было написано: «К Дому Перемен». Бастиан неспеша пошел в указанном направлении, вдыхая запах роз и чувствуя нарастающую радость — словно его ждал праздник.

Он вышел к аллее из пышных яблонь со спелыми плодами, и в конце аллеи увидел домик,

похожий на тыкву, под островерхой крышей. На домике виднелись кое-где шишки и наросты, и это придавало ему очень уютный вид. Окна и двери выглядели так, будто их не очень старательно прорезали в коре тыквы.

Мало того, дом, оказалось, непрерывно изменяется. С медлительностью улитки на правом боку дома вытягивались какие-то отростки, — и постепенно возникла башня. Одновременно слева затянулось и заросло окошко. На крыше выросла труба, а над дверью образовался балкончик.

Бастиан остановился и с удовольствием наблюдал за переменами. Изнутри домика послышался женский голос. Он пел:

Мы тебя так долго ждем,
Просто больше нету силы.
Проходи скорее в дом.
Что ж ты медлишь, путник милый?
И хороший, и плохой,
Трус ты или полон славы,
На любовь и на покой
Все равно имеешь право.

«Ах, — подумал Бастиан, — что за голос! Хотел бы я, чтоб такую песню пели мне!»

А голос продолжал:

Прикоснусь к тебе рукой,
Утолю тоску и жажду.
На любовь и на покой
Право тут имеет каждый.
Ты пришел в такую рань,
Я тебе помочь могла бы,
На мгновенье только стань
Снова маленьким и слабым.

Голос был так ласков и нежен, что Бастиан не сомневался — он принадлежит очень доброй женщине. Он постучал, и голос отозвался:

— Входи! Входи, мой мальчик!

Он открыл дверь и увидел небольшую уютную комнату. В середине стоял круглый стол, а на нем вазы с незнакомыми фруктами. За столом сидела женщина, сама похожая на аппетитное яблочко — такая же румяная, круглая и здоровая.

С первой секунды Бастиан чуть не бросился к ней на шею с криком: «Мама! Мама!» Но взял себя в руки. Его мама умерла давно и уж, конечно, она не могла очутиться в Фантазии. Правда, у этой женщины была такая же улыбка и такой же нежный взгляд, но его мать была худенькой, а эта дама — большая и полная, в широкополой шляпе, по краям украшенной цветами и листьями. Ее платье тоже было все в цветах.

У Бастиана возникло чувство, которого он уже давно, очень давно не испытывал — наверное, с раннего детства.

— Садись, мой хороший! — сказала женщина и указала ему на стул. — Ты ведь проголодался с дороги, поешь сначала!

— Извините, — сказал Бастиан. — Вы ждете гостя, а я тут случайно.

— В самом деле? — посмеивалась женщина. — Ну ничего, все равно поешь. А я тебе тем временем расскажу маленькую историю. Не заставляй себя долго упрашивать!

Бастиан снял свой черный плащ, повесил его на стул, сел и набросился на фрукты.

— А ты? Ты почему не ешь? Или ты не любишь фрукты?

Женщина весело и сердечно рассмеялась.

— Хорошо, если ты настаиваешь, я составлю тебе компанию, но на свой лад. Не пугайся только.

Она взяла кувшин, который стоял с нею рядом на полу, и полила сама себя, как цветок.

— Ах! Как освежает!

Теперь смеялся Бастиан. Потом он заметил ей, что таких вкусных фруктов еще никогда не ел.

— Вкусно? — спросила женщина, а Бастиан только кивнул с набитым ртом. — Я рада. Специально старалась. Ешь сколько хочешь! А я буду тебе рассказывать. Ты только ешь, не останавливайся.

Бастиан и сам не мог оторваться от этих фруктов.

— В давние, давние времена наша Детская Королева была тяжело больна, ей требовалось новое имя, которое мог дать ей только человеческий ребенок. Но люди больше не приходили в Фантазию, никто не знал почему. И вот однажды человек все же пришел — это был маленький мальчик, он назвал королеву Лунианой. Она снова выздоровела и в благодарность пообещала мальчику, что все его желания будут исполняться — до самого последнего, истинного. Мальчик долго путешествовал — от одного желания к другому, и каждое исполнялось. Это были не только хорошие, но и плохие желания, а Детская Королева не делала различия между ними, для нее все одинаково важно в ее королевстве. И даже когда разрушали Башню Слоновой Кости, она не противилась этому. Однако с исполнением каждого желания мальчик забывал часть того, что он помнил о своем мире. Его это не огорчало, потому что он не хотел возвращаться. И так он постепенно истратил все свои воспоминания, а без них ничего нельзя пожелать. Он уже почти совсем стал фантазийцем. Но путь привел его в Дом Перемен, и он должен оставаться тут до тех пор, пока не почувствует в себе свое истинное желание. Ведь Дом Перемен не только

сам меняется, тут меняется и тот, кто в нем живет.

Она прервала рассказ, заметив, что Бастиан сидит с надкушенным плодом, глядя на нее.

— Если не нравится, спокойно отложи его и возьми другой.

— Что? О нет, очень вкусно!

— Тогда все в порядке, — сказала женщина довольно. — Но я забыла сказать, как звали мальчика, которого так долго ждали в Доме Перемен. Многие в Фантазии называли его просто Спаситель, другие звали его Господин и Повелитель или Великий Знаток. Но его настоящее имя было Бастиан Балтазар Букс.

Она с улыбкой глядела на гостя, он проглотил кусок и тихо сказал:

— Так зовут меня.

— Ну вот видишь! — совсем не удивилась женщина.

Почки на ее шляпе распустились все разом и расцвели.

— Но в давние-давние времена меня еще не было в Фантазии.

— О, на самом деле мы ждали тебя гораздо дольше, — ответила женщина. — Еще моя бабушка и бабушка моей бабушки ждали тебя.

Бастиан вспомнил слова Граограмана о том, что и новые истории могут повествовать о давних-давних временах. Давно Граограман говорил ему это — в самом начале его путешествия. Теперь ему казалось, что и в самом деле прошло сто лет.

— Впрочем, я ведь тебе еще не сказала, как меня зовут. Я — мама Айола.

Бастиан ел фрукты, и каждый следующий был вкуснее предыдущего. Наконец в вазе остался последний плод.

— Хочешь еще? — спросила мама Айола и, когда Бастиан кивнул, нарвала новых плодов со своего платья и со шляпы.

— Разве плоды растут на твоей шляпе? — ошеломленно спросил Бастиан.

— Почему же на шляпе? — Мама Айола не понимала, о чем речь. Потом поняла и рассмеялась: — Ах, ты думал, что это на мне шляпа? Нет, малыш, это все растет из меня. Как волосы. Видишь, я рада, что ты пришел, и сразу расцвела. А когда я печалюсь, на мне все увядает.

— А разве можно есть то, что из кого-то растет? — сомневался Бастиан.

— Почему же нет? Маленькие дети пьют молоко своей матери.

— Да, но только пока маленькие.

— Ну, тогда и ты стань снова маленьким, мой хороший.

Бастиан ел, а мама Айола радовалась и расцветала. Потом она заметила:

— Мне кажется, он хочет, чтобы мы перешли в другую комнату. Кажется, он там что-то приготовил.

— Кто? — Бастиан оглянулся.

— Дом Перемен.

И действительно, происходило нечто удивительное. Комната незаметно преобразилась. Потолок снизился, стены с трех сторон стали теснить стол, и только с четвертой стороны еще оставалось место, — там возникла дверь, и она открылась.

— Идем! — мама Айола поднялась, и стало видно, какая она большая. — У него свои причуды. Если он что-то придумал, сопротивляться бессмысленно. Но он добрый, плохого не сделает.

Бастиан пошел за ней, прихватив вазу с

фруктами. Комната показалась Бастиану странным образом знакомой, только все предметы в ней, вся мебель, были огромные, Бастиан вряд ли вскарабкался бы на стул.

— Смотри-ка, всегда что-нибудь придумает. На сей раз он сделал комнату, какой она видится маленькому ребенку.

— А что, этого зала не было прежде? — спросил Бастиан.

— Конечно, ведь Дом Перемен живой. Он на свой лад участвует в нашей беседе. Я думаю, он хочет таким образом что-то сказать.

Они сели, Бастиан никак не мог взобраться на стул, пришлось маме Айоле подсадить его. Носом он едва доставал до края стола. Очень кстати, что ваза с фруктами была у него на коленях.

— Часто тебе приходится так переезжать? — спросил он.

— Нет, не очень. Раза три-четыре в день. Иногда он шутит и все переворачивает вверх тормашками: пол вместо потолка. Но поругаешь его, пожуришь — и он снова становится благоразумным. Мы с ним весело живем.

— А это не опасно? Если, например, спишь, а комната сожмется?

— Ну что ты, малыш, он добр к тебе. Он рад, что ты пришел.

— А если кого невзлюбит?

— Не знаю. Сюда еще никто не приходил, кроме тебя.

— Значит, я первый гость? — Бастиан огляделся. — Странно, что такая большая комната помещается внутри такого маленького домика, — ведь снаружи он выглядит совсем маленьким.

— Правильно, этот дом изнутри больше, чем снаружи.

Между тем смеркалось, Бастиан откинулся на стуле, чувствуя сонливое блаженство.

— Почему ты так долго ждала меня, мама Айола?

— Я всегда мечтала о ребенке, маленьком ребенке, которого можно баловать, который нуждается в моей ласке и заботе — как ты, мой хороший.

Ее голос звучал убаюкивающе, Бастиан зевнул.

— Но ты сказала, что и твоя мать, и твоя бабушка тоже ждали меня.

— Да, и они мечтали о ребенке. Но только у меня ты наконец появился.

У Бастиана слипались глаза, но он все-таки спросил:

— Как же так, ведь у твоей матери была ты, когда была маленькая. А у твоей бабушки была твоя мать. Значит, у них были дети!

— Нет, малыш, у нас все по-другому. Мы не умираем и не рождаемся. Мы все время одна и та же мама Айола. Когда моя мать постарела, она засохла, листья ее опали, как с дерева осенью. А потом однажды снова появились листья, цветы и плоды — и это была уже я. Так же моя мать появилась у моей бабушки. Мы, Айолы, получаем потомство, только увянув. Поэтому я так рада тебе.

Все это Бастиан слушал уже в полусне. Он почувствовал, как она встала, склонилась над ним, поцеловала в лоб, взяла на руки и ласково отнесла в постель, потом раздела и спела песенку:

Гаснут медленно огни.
Спи, мой маленький, усни.

Много дел ты переделал,
Завтра снова ждут они.
От работы отдохни,
Спи, мой маленький, усни.

Проснувшись наутро, он нашел себя в уютной комнате в детской кровати — правда, в очень большой. То есть в кроватке, какой она видится маленькому ребенку. Бастиану приятно было чувствовать себя ребенком, ведь вся сила, которую подарила ему Фантазия, еще оставалась при нем. И знак был при нем.

Он встал, умылся, оделся и вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, он попал в большую столовую. Мама Айола за столом поджидала его с готовым завтраком. Все на ней цвело, она пела и пританцовывала, а после еды отправила его гулять, чтоб он дышал свежим воздухом.

В Розовом лесу, видимо, царило вечное лето. Бастиан слушал птиц, играл с ящерицами, вдыхал запах роз и ни о чем не думал.

Так проходили дни, он не замечал времени. Мама Айола не могла на него нарадоваться, и он весь предался ее материнской заботе и ласке. Оказалось, он так натосковался по этой заботе, что никак не мог насытиться ею.

Он множество раз облазил весь дом с подвала до чердака. Это не могло ему наскучить, ведь дом все время менялся, стараясь развлечь гостя. Он создавал то игровые комнаты, то железную дорогу, то кукольный театр, каток или даже карусель.

Далеко от дома Бастиан уйти не мог: голод скоро возвращал его к фруктам мамы Айолы. Вечерами они подолгу беседовали. Он рассказывал ей о Граограмане, о Перелине, о Ксаиде, об Атрее, которого он ранил, а может, и убил.

— Я все делал неправильно, — сказал он. —

Луниана так щедро наградила меня, а я распорядился ее дарами так, что принес несчастье и себе, и Фантазии.

Мама Айола долго смотрела на него.

— Нет, — сказала она, утешая. — Ты шел дорогой желаний, а этот путь не бывает прямым. Ты сделал большой крюк, но это был ТВОЙ путь. Ты из тех, кто возвращается, только если найдет источник Живой Воды. А это самое таинственное место Фантазии. Туда нет прямого пути. — И, помолчав, добавила: — Любой путь, который приводит туда, в конце концов оказывается верным.

Вдруг Бастиан заплакал. Он сам не знал почему. Как будто узелки в его сердце развязались и вышли слезами. Он всхлипывал и не мог успокоиться. Мама Айола взяла его на колени и стала нежно гладить, а он зарылся лицом в цветы на ее груди и наплакался вдоволь.

На следующий день Бастиан снова заговорил о вчерашнем:

— А ты знаешь, где источник Живой Воды?

— На границе Фантазии.

— Но ведь у Фантазии нет границ.

— Есть, они не снаружи, а внутри. Там, откуда Детская Королева черпает все свое могущество, но куда сама она попасть не может.

— И я должен разыскать это место? Еще не поздно? — спросил Бастиан.

— Тебя выведет туда только одно желание — последнее.

Бастиан испугался.

— Мама Айола, при каждом исполнении моего желания я что-нибудь забывал. И сейчас будет так же?

Она кивнула.

— Но я ничего не замечаю!

— То, что ты уже забыл, ты не можешь заметить как утрату.

— А что я забуду теперь?

— Я скажу, когда придет время. Иначе ты не сможешь забыть и желание твое не наберет силу.

— А вдруг это мое последнее воспоминание?

— Что делать. В мире ничто не утрачивается совсем, оно лишь преображается во что-нибудь другое. Твое воспоминание должно превратиться в желание.

— Но тогда, наверное, я должен поторопиться?

Она погладила его по волосам:

— Не беспокойся. Все длится, сколько нужно. Когда последнее желание появится, ты это сразу почувствуешь. И я тоже.

С этого дня действительно что-то стало меняться, хотя Бастиан ничего не замечал. Сказывалась преображающая сила Дома Перемен, хотя все происходило постепенно — так растут растения из земли.

Бастиан все еще наслаждался летом и заботами мамы Айолы, и фрукты ее все еще были ему по вкусу, хотя постепенно он начал наедаться. Она заметила это, но ничего не сказала. И лаской ее он уже насытился. Теперь в нем появилось новое, незнакомое желание: самому кого-нибудь полюбить.

С удивлением и грустью он обнаружил, что пока не любил никого. Но желание любить становилось все сильнее. И в один из вечеров он заговорил об этом с мамой Айолой. Она слушала, взгляд ее выражал то, чего Бастиан не понимал.

— Вот ты и нашел свое последнее желание, — сказала она. — Твоя истинная воля — любить.

— Но почему я не могу этого, мама Айола?

— Ты это сможешь только тогда, когда напьешься Живой Воды. И тебе захочется поделиться этой водой с кем-то еще. Это и будет любовь.

— А ты, — смущенно спросил Бастиан, — ты пила ее?

— Нет, — сказала мама Айола. — У меня все иначе. Мне необходимо кому-нибудь отдавать мой избыток.

— Но ведь это и есть любовь?

— Да, если хочешь, — сказала мама Айола, немного подумав.

— А кому в Фантазии доступна Живая Вода?

— Не знаю. В некоторых предсказаниях говорится, что наступит такое время, когда люди принесут в Фантазию любовь. Тогда два наши мира соединятся. Но я не знаю, что это значит.

— Мама Айола, — напомнил Бастиан. — Ты обещала, когда придет время, рассказать мне, что я забыл в обмен на мое истинное желание.

— Ты забыл отца и мать. Теперь у тебя больше ничего нет, кроме твоего имени.

— Отца и мать? — задумался Бастиан. Но эти слова больше ничего не значили для него. — Что мне делать теперь?

— Ты должен покинуть меня. Твое время в Доме Перемен истекло.

— И куда мне идти?

— Тебя поведет твое последнее желание. Не теряй его!

— Я должен идти сейчас же?

— Завтра утром. У тебя осталась последняя ночь в Доме Перемен. Бастиан встал и подошел к ней, чтобы проститься на ночь. Только вблизи он заметил, что все ее цветы увяли.

— Не беспокойся. И завтра утром не оглядывайся, а иди своим путем!

Когда наутро он спустился из своей комнаты, мама Айола сидела на прежнем месте. Все

листья, цветы и плоды опали с нее. Глаза ее были закрыты, и она походила на засохшее, умершее дерево. Бастиан долго стоял перед нею, потом открыл дверь и вышел наружу.

За ночь наступила зима. Снег лежал по колено, от цветущих роз остались только голые кусты. Было холодно и очень тихо.

Бастиан хотел вернуться в дом за плащом, но двери и окна исчезли. Весь дом зарос наглухо.

Бастиан поежился от холода и двинулся в путь.

Глава XXVI
РУДНИК СНОВИДЕНИЙ

жный ветер так же холоден, как и северный, если он дует в снежной долине, где живет слепой горняк Йор.

Однажды ранним утром горняк вышел из хижины, уловив среди полной тишины скрип шагов дальнего путника.

Йор был уже старик, но без бороды и без морщин, волосы у него посерели, как камень, и весь он казался высеченным из куска застывшей лавы. Только в глубине его слепых глаз иногда вспыхивал огонь.

Подойдя, Бастиан — а это именно его шаги заслышал издалека Йор — сказал:

— Здравствуй. Я заблудился. Я ищу источник Живой Воды. Не мог бы ты мне помочь?

— Ты не заблудился, — прошептал горняк. — Но говори тише, иначе ты разрушишь мои картины.

Он жестом пригласил Бастиана в хижину. Она состояла из одной комнаты, очень просто обставленной: стол, два стула, лежанка и полка

для посуды и еды. В очаге пылало пламя, в котелке дымился суп.

Йор поставил две тарелки, налил в них супу и жестом пригласил гостя поесть. Завтрак прошел в молчании.

Потом горняк откинулся, глаза его смотрели сквозь Бастиана.

Он прошептал:

— Кто ты?

— Меня зовут Бастиан Балтазар Букс.

— А, значит, свое имя ты еще помнишь.

— Да. А ты кто?

— Я Йор, меня еще называют слепым горняком. Но я слеп только на свету. Под землей в моем руднике в полной темноте я могу видеть.

— Что это за рудник?

— Он называется Минроуд. Это рудник сновидений.

— Рудник сновидений? — удивленно повторил Бастиан. — Про такое я не слыхал.

Йор, казалось, постоянно к чему-то прислушивался.

— Он существует специально для таких, как ты, — тихо сказал Йор. — Для людей, которые не могут найти дорогу к источнику Живой Воды.

— И что же это за сновидения?

Йор закрыл глаза, и Бастиан не знал, повторить ли ему вопрос.

— Ничто в мире не исчезает бесследно. Ты видел когда-нибудь сны, которые утром не мог вспомнить?

— Да, часто.

Йор задумался, кивнул, потом пригласил Бастиана следовать за ним.

— Только ни слова, ни звука, понятно? То, что ты сейчас увидишь — моя работа за многие годы. Любой шум может их разрушить. Поэтому молчи и ступай очень осторожно.

За хижиной находился деревянный шахтный копер, они прошли мимо него в огромную заснеженную долину. И тут Бастиан увидел картины, которые лежали на белом снегу, как драгоценности на белом шелке ювелирных коробочек.

Это были тонкие, как дуновение, прозрачные стекла разных форм и размеров, прямоугольные и круглые, мозаичные и гладкие, иные величиной с церковные витражи, другие — как миниатюры на вазочках. Они лежали рядами, группируясь по величине и форме, покрывая снежную равнину до горизонта. Тут были изображены какие-то фигуры в птичьем гнезде, часы, похожие на растекшийся расплавленный сыр, куклы на ярко освещенном пустом пространстве, головы и морды зверей и целые пейзажи, составленные из голов, морд и лиц. Но были и обыкновенные портреты, были мужчины, косившие пшеницу, женщины, сидящие на балконе, горные деревушки и морские виды, военные сцены и цирковые представления, улицы и комнаты, снова лица, старые и юные, мудрые и придурковатые, шуты и короли. Были страшные картины — казни, пляски смерти; были портреты молодых дам в седле, и был нос, разгуливающий сам по себе, принимая приветствия от встречных.

Целый день Бастиан бродил среди картин, но так и не понял, какое они имеют отношение к нему. Ни одна из картин его не трогала.

Опустились сумерки, и они вернулись в хижину. Только когда дверь за ними закрылась, Йор смог произнести:

— Было там хоть что-нибудь, что бы ты узнал?

— Нет. А что это за картины?

— Это забытые сновидения из человеческого мира. Сон не может исчезнуть, раз уж он при-

снился. Но если человек, который видел сон, не сохранил его в памяти, он попадает сюда, в Фантазию, в глубину нашей земли. Там лежат тонкими слоями все забытые сны, один над другим. Чем глубже, тем плотнее. Вся Фантазия покоится на плитах из забытых снов.

— Там есть и мои? — спросил Бастиан.

— Хоть один есть наверняка. Одного бы хватило.

— Но для чего?

Старый горняк повернул к нему лицо, слабо освещенное огнем очага. Его слепые глаза снова смотрели сквозь Бастиана.

— Слушай, Бастиан Балтазар Букс, я не люблю разговаривать. Тишина мне милее. Но один раз я скажу. Ты ищешь Живую Воду. Ты хотел бы научиться любить, чтобы вернуться в твой мир. Любить — это прекрасно. Но Живая Вода спросит тебя: кого? Ведь нельзя любить вообще, не зная кого. Но ты все забыл, ты помнишь только свое имя. А если ты не сможешь ответить, ты не напьешься. Тебе помог бы забытый сон. Он привел бы тебя к источнику Живой Воды. Но за это тебе придется забыть последнее, что ты еще удерживаешь в памяти: себя самого. Тебе предстоит долгая терпеливая работа. Запомни все, что я сказал, повторять я не буду.

Потом он лег на свою лежанку и заснул, и Бастиану ничего не оставалось, как лечь на голом холодном полу, но он был вынослив.

— Чтобы полюбить кого-то, надо забыть самого себя, — засыпая, повторил Бастиан слова Йора.

Когда он проснулся утром, горняка уже не было. Видимо, он спустился в штольню. Бастиан налил себе горячего супу, надеясь согреться по-

сле холодной ночи, но суп не особенно ему понравился: соленый, как слезы и пот.

Он вышел в снежную равнину и снова целый день бродил среди картин, но все они оставили его безучастным.

К вечеру вернулся из штольни Йор. Он вынес из глубины новые картины и осторожно выкладывал свою добычу на снег. На одной картине — мужчина, у которого вместо груди была птичья клетка. На другой — каменная женщина верхом на черепахе. На третьей — бабочка с узором из букв на крыльях. Ни одна из них не говорила Бастиану ни о чем.

— А что будет, когда снег растает? — спросил он Йора, вернувшись в дом.

— Здесь вечная зима.

Это была вся их беседа за вечер.

Три последующих дня Бастиан искал картину, которая задела бы его сердце и означала бы для него хоть что-нибудь, — но тщетно. Вечерами в хижине они молчали. Бастиан охотно перенял у Йора это обыкновение молчать, равно как и осторожную поступь без звука.

— Вот, я просмотрел все картины, — сказал однажды Бастиан. — Я ничего не нашел.

— Плохо, — ответил Йор.

— Что теперь делать? Ждать новых, когда ты принесешь их наверх?

— Я бы на твоем месте сам спустился в рудник Минроуд и искал бы там.

— Но у меня нет твоих глаз, я не вижу в темноте.

— Разве тебе не дали в дорогу какого-нибудь света? — спросил Йор, глядя сквозь Бастиана. — Какой-нибудь светящийся камень, который помог бы тебе?

— Дали, — печально сознался Бастиан. — Да я употребил Аль-Таир совсем на другое...

— Плохо, — повторил Йор с каменным лицом.

— Что ты посоветуешь мне?

— Будешь работать в темноте.

Бастиану стало страшновато. Правда, он все еще обладал силой и бесстрашием, дарованными ему в Фантазии, но при одном представлении о том, что он будет лежать в черной глубине тесной штольни, мороз пробирал его до костей. Он ничего не сказал, и они легли спать.

На следующее утро горняк потряс его за плечо:

— Ешь свой суп и идем.

Они вместе пришли к шахте и стали спускаться в подъемнике вниз. Давно уже померк свет, что пробивался сверху в узкое отверстие шахтного колодца, а они спускались все ниже и ниже. Давно уже подъемник двигался в полной темноте. Наконец толчок показал, что они достигли дна.

Здесь было очень тепло по сравнению со снежной равниной, и скоро Бастиан весь взмок от пота. Он шел за Йором, боясь потерять его в темноте. Они проходили сквозь бесчисленные штольни, коридоры, ходы и пещеры, которые Бастиан угадывал по гулкому эху. Бастиан несколько раз спотыкался о какие-то выступы, но Йор не обронил ни слова.

Несколько дней Йор молча, на ощупь учил его отслаивать тонкие картины не то деревянными, не то роговыми лопаточками, которые они не забирали с собой наверх. Бастиан все лучше ориентировался внизу в полной темноте и уже узнавал знакомые ходы и пещеры. Наконец однажды Йор послал его работать в одиночку в узкий тесный ход среди многослойных спрессованных залежей. Он лег там, свернувшись кала-

чиком, как нерожденный ребенок, и терпеливо отслаивал друг от друга чьи-то забытые сны. Ничего не видя в вечной тьме подземелья, он выбирал картины наугад, рассчитывая только на подсказку случая или на подарок судьбы. Вечер за вечером он извлекал наверх только чужие сны. Но Бастиан не роптал. Он стал равнодушен к себе, тих и терпелив. И хотя силы его были неисчерпаемы, часто он возвращался в изнеможении.

Трудно сказать, сколько это длилось. Такую работу не измеряют днями и месяцами. Но однажды наступил вечер, когда при виде одной картины Бастиан даже отпрянул и едва сдержал восклицание, которое могло бы разрушить хрупкое стекло. На картине размером в книжную страницу был ясно и отчетливо виден мужчина в белом халате, он держал в руке гипсовую челюсть. Наклон его головы и печальное выражение лица тронули Бастиана до самого сердца. Но больше всего ему было больно оттого, что этот человек был изображен вмерзшим в глыбу прозрачного льда. Когда Бастиан разглядывал эту картину, в нем нарастала тоска по этому человеку, которого он не знал.

Чувство возникло в какой-то далекой дали и разрасталось в нем все больше — так речка, впадающая в океан, незаметно берет начало ручейком и лишь много позже разливается в могучий поток. Бастиан чуть не утонул в этом потоке тоски. Сердце его болело, тоска уже не помещалась в нем. И в этом потоке утонуло и исчезло последнее, что он знал о себе: его собственное имя.

Когда он вернулся в хижину к Йору, он ничего не сказал. Горняк тоже молчал, но долгим взглядом поглядел — снова сквозь него, снова вдаль, — и впервые улыбка чуть тронула его лицо.

В эту ночь мальчик, у которого больше не было имени, не мог уснуть, несмотря на усталость. Все время он видел перед собой ту картину. Ему хотелось обнять глыбу льда, в которую вмерз тот незнакомый человек, — чтобы растопить лед своим теплом. Потом ему почудилось, что он даже слышит его голос:

— Помоги мне! Не оставь меня в беде! Одному мне не выбраться из этого льда. Помоги мне! Ты один можешь меня освободить — только ты!

На следующее утро мальчик без имени сказал Йору:

— Сегодня я больше не спущусь с тобой в рудник Минроуд.

— Ты уходишь?

— Пойду искать источник Живой Воды.

— Ты нашел картину, которая поведет тебя?

Мальчик кивнул.

— Покажи.

Они вышли наружу, подошли к картине, мальчик смотрел на нее, а Йор направил свой слепой взгляд не на картину, а на мальчика — и сквозь него вдаль. Он долго прислушивался, потом кивнул.

— Возьми ее, — прошептал он. — И не потеряй. Если ты ее потеряешь или разобьешь, для тебя все кончено. Ты понимаешь, что это значит.

Мальчик, у которого больше не было имени, тихо сказал:

— Спасибо, Йор, за все, чему ты научил меня.

Они пожали друг другу руки.

— Ты был хорошим подручным, — прошептал Йор, — и работал старательно.

С этими словами он отвернулся и пошел к руднику.

Мальчик без имени поднял картину и зашагал в снежную даль.

Он шел уже много часов. Хижина Йора давно скрылась из виду, а вокруг не было ничего, кроме снежной равнины. Мальчик чувствовал, что картина, которую он бережно держит в руках, таинственным образом выведет его из этой холодной пустыни.

Вдруг откуда-то сверху донесся шум. Это был далекий гам и грай большой стаи. Подняв голову, мальчик увидел темное облако, похожее на стаю птиц. Только когда этот рой приблизился, он понял, кто это. Мороз прошел по его коже.

То были озорники, клоуны-мотыльки!

«Силы небесные! — взмолился мальчик без имени. — Хоть бы они не заметили меня. Их крики разрушат картину!»

Но они его заметили. С непомерным ликованием они обрушились на него и как горох рассыпались вокруг по снегу.

— Ура! — орали они, кривя свои рты. — Наконец-то мы снова нашли нашего благодетеля!

Они кувыркались в снегу и кидались снежками, играли в чехарду и делали стойку на голове.

— Тихо! Пожалуйста, тихо! — отчаянно шептал мальчик без имени.

Весь хор воодушевленно вопил:

— Что он сказал? Он сказал, что мы слишком тихие! Такого нам еще никто не смел говорить!

— Что вам от меня надо, почему вы не оставите меня в покое?

Все вокруг него порхало и металось.

— Великий благодетель! Великий благодетель! Помнишь, ты нас расколдовал, когда мы были несчастными безобразными ахараями. Но

в нашей жизни тогда было утешение и смысл — мы строили серебряные дворцы. А теперь мы сами себе надоели. То, что ты сделал из нас, вначале было очень весело, а теперь наскучило нам до смерти. Мы летаем попусту, мы даже играть ни во что не можем, потому что не признаем правил. Ты превратил нас в посмешище. Ты обманул нас, великий благодетель!

— Я хотел, как лучше, — с ужасом прошептал мальчик.

— Конечно, сам от себя ты в полном восторге, — орали озорники хором, — тебе очень хочется считать себя добрым, а нам приходится расплачиваться за такое добро!

— Что мне делать? Что вы от меня хотите?

— Мы искали тебя, — орала толпа с искаженными клоунскими рожами, — мы боялись, что ты сбежишь. И вот мы догнали тебя. Мы не оставим тебя в покое, пока ты не станешь нашим предводителем. Ты должен стать обер-озорником, нашим глав-озорником, нашим генерал-озорником.

— Но зачем, для чего? — с мольбой шептал мальчик.

— Мы хотим, чтобы ты командовал нами и заставлял что-нибудь делать. Мы хотим, чтобы наше существование хоть кому-нибудь было нужно!

— Но зачем вам я? Выберите одного из вас!

— Нет, нет, мы хотим только тебя, великий благодетель! Ведь ты сделал из нас то, что мы теперь есть.

— Но я должен идти. Мне надо вернуться в свой мир.

— Не так скоро, великий благодетель! — орали клоуны. — Ты от нас не сбежишь! Так просто от нас не отделаться!

— Но со мной все уже кончено! — заверял мальчик.

— А с нами? Что будет с нами?

— Сами ищите выход!

— Тогда верни нам прежний вид! — кричали пронзительные голоса. — Пусть мы снова будем ахараи. Наши слезы высохли, Амаргант стоит теперь на суше, и больше некому ткать серебряную филигрань. Мы хотим снова стать ахараями.

— Но я не могу, у меня больше нет могущества!

— Тогда мы заберем тебя с собой! — вихрем кружилась толпа.

Сотни маленьких ручек вцепились в него и пытались поднять в воздух. Мальчик сопротивлялся изо всех сил, а мотыльки налетали на него, как разъяренные осы.

И вдруг в этот шум и гам ворвался издали негромкий, но мощный звук, похожий на гул бронзового колокола.

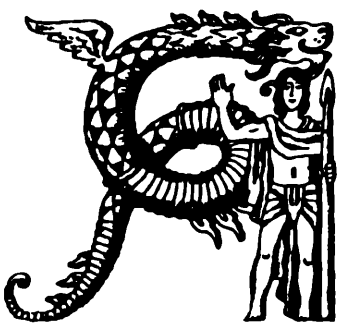
И в мгновение ока озорники разлетелись врассыпную и темной тучей понеслись в другую сторону.

Мальчик, у которого больше не было имени, стоял в снегу на коленях. Перед ним лежала картина, распавшаяся в прах. Все было потеряно. Не было больше ничего, что привело бы его к источнику Живой Воды.

Когда он поднял голову, то сквозь слезы разглядел неподалеку две неясные фигуры, большую и маленькую. Он протер глаза и взглянул еще раз.

То были Атрей и Фухур, белый везучий дракон счастья.

Глава XXVII
ЖИВАЯ ВОДА



сное лицо Атрея было спокойно и внимательно. Рана на его груди зажила.

Мальчик, у которого больше не было имени, сделал навстречу ему несколько шагов. Они долго стояли друг против друга, не говоря ни слова. Было так тихо, что слышался каждый вздох.

Медленно мальчик без имени снял с шеи золотую цепь с АУРИНОМ и осторожно сложил на снег перед Атреем. При этом он в последний раз поглядел на двух змей, светлую и темную, заглатывающих друг друга с хвоста, образуя овал.

В то же мгновение АУРИН засиял с необычайной силой, все зажмурились, будто глядели на солнце. Когда мальчик снова открыл глаза, он увидел, что стоит в сводчатом золотом гроте. Посередине лежали две змеи, громадные, словно городские стены.

Атрей, Фухур и мальчик без имени стояли рядом на стороне темной змеиной головы, которая держала в своей пасти хвост светлой змеи.

Ее зрачок неподвижно глядел на них. По сравнению с ней они были совсем крохотные, даже Фухур казался маленьким, как червяк.

Тела змей поблескивали, будто были сделаны из неведомого металла, темного, как ночь, и светлого, как день. Но их можно было не опасаться, потому что они держали друг друга в плену и не могли отпустить, иначе мир бы рухнул, это было очевидно.

Взаимно не выпуская друг друга из плена, они в то же время охраняли Живую Воду. Ибо в самой середине окруженного ими пространства шумел фонтан. Он лучился, и лучи его составляли причудливые узоры. Вода разбивалась в туман, в котором золотой свет разворачивался в радугу. Звуки падающей воды походили на пение и смех, ликование и зов и тысячи радостных восклицаний.

Мальчик без имени глядел на эту воду так, словно умирал от жажды. Она была недосягаема: змеи не шевелились.

Вдруг Фухур поднял голову. Его рубиновые глаза засверкали.

— Вы понимаете, что говорит вода? — спросил он.

— Нет, — ответил Атрей. — Я — нет.

— Не знаю, как это происходит, — прошептал Фухур, — но я различаю слова. Может, потому, что я счастливый дракон, а все языки радости родственны между собой. — Фухур прислушался и повторил: — «Я вода жизни! Источник, который бьет сам из себя и наполняется оттого, что из него пьют». — Он снова прислушался и продолжил: — Она все время зовет: «Пей, пей, пей! Делай что хочешь!»

— Но как нам подойти? — спросил Атрей.

— Она спрашивает, как наши имена.

— Я Атрей!

— Я Фухур!

Мальчик без имени промолчал. Атрей посмотрел на него, взял за руку и крикнул:

— Это Бастиан Балтазар Букс!

— Она спрашивает, — перевел Фухур,— почему он не говорит сам.

— Он не может, — сказал Атрей. — Он все забыл.

Фухур еще вслушался в шум воды.

— Без воспоминаний, говорит она, он не может приблизиться. Змеи не впустят его.

— Я помню за него все! — отчаянно воскликнул Атрей. — Все, что он рассказал мне о своем мире. Я буду за него!

— Она спрашивает, — перевел Фухур, — по какому праву?

— Я его друг! — воскликнул Атрей.

— Кажется, не пропустят, — прошептал Фухур, вслушиваясь. — Она говорит о твоей ране. Она хочет знать, как это могло случиться.

— Мы оба заблуждались, — объяснил Атрей. — Но теперь Бастиан сам отдал АУРИН.

Фухур прислушался и потом кивнул:

— Да, теперь они пропустят его. Это место и есть АУРИН. Она говорит, добро пожаловать. АУРИН — это дверь, которую Бастиан искал. Он с самого начала носил ее с собой. Но змеи не впустят ничего принадлежащего Фантазии. Поэтому Бастиан должен отдать все дары, что получил от Детской Королевы. Иначе он не напьется Живой Воды. Здесь кончается власть Лунианы. Сама она никогда не ступала на это место. Она не может войти внутрь АУРИНА, как нельзя войти внутрь самого себя. — Фухур прислушался еще. — Теперь вода спрашивает, готов ли Бастиан.

— Да, — ответил Атрей, — он готов.

В тот же миг темная змея начала медленно поднимать голову, не выпуская при этом хвост светлой змеи. Могучие тела изогнулись, образовав свод, наполовину темный, наполовину светлый, как переход из ночи в день.

Атрей повел Бастиана за руку к фонтану, Фухур провожал их. С каждым шагом Бастиан терял по одному дару Фантазии. Из красивого, сильного и бесстрашного героя он снова стал маленьким, толстым, испуганным мальчиком. Даже его одежда, которая в руднике Минроуд истрепалась в клочья, исчезла теперь и растворилась в воздухе, так что он стоял обнаженный перед золотым кругом, в середине которого бил фонтан Живой Воды.

В тот момент, когда он уже не обладал никакими дарами Фантазии, а о себе самом пока еще ничего не вспомнил, он пережил состояние полной неопределенности, не зная, есть ли он вообще на свете.

Но потом он вошел в воду. Он плескался в ней и подставлял себя сверкающему дождю. И пил, долго пил, пока не утолил жажду. Радость наполнила его с головы до ног. Радость жить на свете и быть тем, что ты есть. Теперь он уже знал, кто он и какому миру принадлежит. Он заново родился. И самым прекрасным было то, что он хотел быть только тем, что он есть. Если бы ему пришлось сейчас выбирать для себя из множества возможностей, он не выбрал бы ничего другого. Теперь он знал: в мире тысячи радостей, но главная из них — уметь любить.

И потом, когда Бастиан вернулся в свой мир, когда он стал уже совсем взрослым, а затем состарился, он никогда больше не терял этой радо-

сти. И в самые трудные времена у него оставалась эта радость сердца, которая придавала ему силы и приносила утешение другим.

— Атрей! — крикнул он другу, который стоял с Фухуром у края фонтана. — Иди тоже сюда! Иди! Пей! Это так здорово!

— Нет, на сей раз мы только провожаем тебя! — с улыбкой покачал головой Атрей. — Мы с Фухуром уже были здесь однажды. Мы вспомнили это место. В тот раз нас принесли сюда во сне и во сне унесли отсюда.

Бастиан вынырнул из воды.

— Теперь я снова знаю, кто я, — сказал он радостно.

— Да, — крикнул Атрей, — теперь и я тебя узнал. Таким ты был в зеркале!

Бастиан глянул вверх на пенистую воду.

— Я хотел бы унести немного этой воды для моего отца, но как?

— Боюсь, это невозможно, — ответил Атрей. — Из Фантазии ничего нельзя вынести.

— Бастиану можно! — воскликнул везучий дракон, послушав Живую Воду. — Ему разрешили!

— Потому что ты везучий дракон! — сказал Бастиан.

— Вода говорит, — снова прислушался Фухур к тысячеголосому шуму, — нам пора уходить.

— Куда должен идти я? — спросил Бастиан.

— В противоположные ворота, — перевел Фухур.— Там, где голова светлой змеи.

— Но светлая голова не поднимается!

— Вода спрашивает тебя, — объяснил Фухур, — все ли истории, которые ты начал в Фантазии, ты довел до конца?

— Нет, — ответил Бастиан. — Не все.

Фухур прислушался. Лицо его омрачилось.

— Она говорит, тогда светлая змея не выпустит тебя. Ты должен вернуться в Фантазию и всё довести до конца.

Все истории? — растерялся Бастиан. — Тогда я уже никогда не смогу вернуться назад. Из каждой истории рождается новая. Такое задание никому не выполнить!

Фухур напряженно вслушивался.

— Она говорит, ничего не поделаешь, разве что найдется кто-нибудь, кто согласится выполнить это задание за тебя.

— Я сделаю это! — воскликнул Атрей.

Бастиан молча смотрел на него. Потом обнял за плечи:

— Атрей, Атрей! Я никогда не забуду этого!

Атрей улыбнулся, по-братски шлепнул его, потом быстро повернулся и прошел в ворота темной змеи.

— Фухур, — сказал Бастиан,— как же вы доведете до конца все, что я вам оставил?

— С помощью везенья, мой мальчик! Не бойся, доведем! — и с этими словами отправился за другом.

Бастиан поглядел им вслед, оба оглянулись и помахали ему с той стороны Фантазии. Темная голова змеи медленно опустилась. Больше Бастиан не мог видеть Атрея и Фухура.

Теперь он был один.

Он повернулся в другую сторону и увидел, что голова светлой змеи медленно поднимается, образуя свод.

Он быстро зачерпнул пригоршню воды и побежал к этому своду. Там было темно. Бастиан бросился в эту тьму — и упал в пустоту.

— Папа! — кричал он. — Папа! Это я, Бастиан!

— Папа! Папа! Это я, Бастиан!

Все еще крича, он очнулся на чердаке школы, откуда давным-давно, много дней или лет назад, началось его путешествие в Фантазию. Бастиан сразу узнал это место по тем предметам, которые окружали его: чучелам животных, скелету и картинам. Он увидел свой школьный портфель и семисвечье с потухшими огарками.

Сколько же времени прошло с тех пор, как он отправился в Бесконечную Книгу? Недели? Месяцы? Может, годы? Он читал как-то про человека, который провел один час в волшебной пещере, а когда вышел из нее, то оказалось, что прошло сто лет и из людей, которых он знал, в живых остался лишь один, который в то время был ребенком, а теперь стал древним стариком.

Сквозь слуховое окно падал свет, но трудно было определить время дня. На чердаке было холодно, совсем как в ту ночь, когда Бастиан отправился отсюда в путешествие.

Он откинул пыльные серые одеяла, в которые был завернут, надел свои ботинки, пальто и с удивлением обнаружил, что они еще мокрые, как в тот день, когда шел такой сильный дождь.

Бастиан поискал книгу, которую когда-то украл и из-за которой все началось. Он твердо решил вернуть ее этому неприветливому господину Кореандру. Пусть его накажут за воровство, пусть делают, что хотят: человека, пережившего такие приключения в Фантазии, трудно чем-нибудь устрашить. Но книги нигде не было. Бастиан искал и искал, он перерыл все одеяла и заглянул в каждый уголок. Бесконечная Книга исчезла.

— Ну хорошо, — решил Бастиан, — так и скажу. Он мне, конечно, не поверит. Но будь что будет. Правда, помнит ли он о книге теперь, ког-

да прошло столько времени? Может, и лавки давно уже не существует.

Сейчас он пройдет по школе и все выяснит: если учителя и ученики будут незнакомые, значит, прошло много лет.

Но школа оказалась пуста. Часы на башне пробили девять. Значит, утро, занятия давно должны были начаться.

Бастиан выглянул на улицу: там ходили люди и ездили машины. Значит, мир, по крайней мере, еще не вымер.

Он сбежал по лестнице, но входная дверь была заперта. Ждать, пока кто-нибудь придет, Бастиан не мог. Он хотел к отцу, — правда, он расплескал Живую Воду. Ему пришло в голову вылезти через окно, но на первом этаже все окна в решетках. Через второй этаж по водосточной трубе? Бастиан сперва замер от этой мысли, но потом вспомнил, что господин Перелина не должен бояться высоты. Он осторожно спустился, немного поцарапав ладони, но на такие мелочи можно было не обращать внимания.

Бастиан побежал к дому. Сумка била его по спине, в боку кололо, но он бежал, не останавливаясь. Он торопился к отцу.

Перед домом, где когда-то жил, он остановился и поглядел на окна, за которыми располагалась отцовская лаборатория. И вдруг ему стало страшно: что, если отца там больше нет?

Но отец оказался дома и, заслышав на лестнице шаги Бастиана, даже выбежал ему навстречу. Бастиан бросился к нему, отец подхватил его на руки и внес в квартиру.

— Бастиан, мальчик мой, — повторял он, — хороший мой, славный малыш, ну где же ты пропадал? Что случилось?

И только когда они сидели на кухне и Басти-

ан пил горячее молоко с булочками, которые отец намазал для него медом, Бастиан заметил, как отец побледнел и осунулся. Глаза у него были красные, а подбородок небритый. Но в остальном он был такой же, как в тот день, когда Бастиан видел его в последний раз. И Бастиан сказал ему об этом.

— Такой же, как тогда? — переспросил отец. — Что ты имеешь в виду?

— А сколько прошло времени?

— Со вчерашнего дня? С тех пор, как ты ушел в школу? Когда ты не вернулся, я позвонил учителю и узнал, что ты вообще не был на занятиях. Я искал тебя день и ночь, мой мальчик. Я поднял на ноги полицию, я уже предполагал самое худшее, я чуть с ума не сошел. Господи, Бастиан, где же ты был?

И тут Бастиан стал рассказывать, что он пережил. Он рассказывал все подробно, и на это ушло несколько часов.

Отец слушал так, как он еще никогда не слушал. Он понимал все, что рассказывал ему Бастиан.

К обеду он прервал его, но лишь для того, чтобы позвонить в полицию и сообщить, что мальчик нашелся. Потом оба пообедали, и Бастиан продолжил рассказ. Уже наступил вечер, когда Бастиан дошел до Живой Воды, которую он хотел принести отцу, но по дороге расплескал.

В кухне стало совсем темно. Отец сидел неподвижно. Бастиан встал и включил свет. И тут он увидел то, чего никогда прежде не бывало.

Это были слезы на глазах его отца.

И он понял, что все-таки донес до отца Живую Воду.

Отец молча притянул его к себе, посадил на колени и обнял.

Посидев так, отец вздохнул, посмотрел на Бастиана и стал смеяться. Это был счастливый смех, самый счастливый, какой Бастиану приходилось слышать.

— Теперь, — сказал отец изменившимся голосом, — теперь все у нас пойдет по-другому.

И Бастиан кивнул. Сердце его было слишком переполнено, чтобы говорить.

На следующее утро выпал первый снег. Он лежал, чистый и мягкий, на подоконнике комнаты Бастиана. Все звуки с улицы были приглушены.

— Знаешь что, Бастиан, — сказал отец за завтраком. — Не устроить ли нам с тобой сегодня праздник? Такой день, как сегодня, случается не часто. У некоторых так и вообще не случается. Поэтому я не буду сегодня работать, а ты не пойдешь в школу. Я напишу учителю записку. Ты не возражаешь?

— В школу? — спросил Бастиан. — А разве она еще работает? Вчера там было пусто.

— Но ведь вчера было воскресенье.

Мальчик задумчиво помешал свое какао, потом сказал:

— Я думаю, мне надо сперва ко многому привыкнуть.

— Конечно, — согласился отец. — Для этого мы и устроим сегодня выходной. Что тебе хотелось бы? Мы можем сходить в зоопарк, потом позволим себе где-нибудь королевский обед, а после пойдем и купим тебе, что хочешь. А вечером — ну, хочешь, отправимся в театр?

У Бастиана заблестели глаза. Но он решительно сказал:

— Только сперва я должен сходить к господину Кореандру и рассказать, что я украл у него книгу, а она пропала.

— Послушай, Бастиан, хочешь, я сделаю это сам?

— Нет, я сам. И лучше, если сейчас же.

Он встал и надел пальто. Отец ничего не сказал, но во взгляде его появилось удивление и уважение, которого раньше не было. Никогда еще он не видел сына таким решительным.

— Я думаю, — сказал он наконец, — что мне тоже понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть...

— Я скоро вернусь, — сказал Бастиан уже с порога.

Когда он очутился перед лавкой господина Кореандра, ему снова отказало мужество. Сквозь стеклянную дверь было видно, что в лавке посетитель, и Бастиан решил подождать. Он ходил по улице взад и вперед. Снова пошел снег.

Наконец покупатель вышел.

— Теперь! — приказал себе Бастиан. Он вспомнил, как встретил в Цветной пустыне Граограмана, и решительно нажал на ручку двери.

За перегородкой из книг послышался кашель. Бастиан подошел ближе и предстал перед господином Кореандром — немного бледный, но серьезный. Он ждал, что господин Кореандр в гневе накинется на него и закричит: «Вор! Преступник!» — или что-нибудь в этом роде. Но старик стал раскуривать трубку, разглядывая мальчика сквозь свои смешные очки. Когда трубка наконец разгорелась, он проворчал:

— Ну? Что опять?

— Я, — начал Бастиан, запинаясь, — я украл у

вас книгу. Я хотел вернуть, но оказалось, ее больше нет.

Господин Кореандр перестал курить и вынул трубку изо рта.

— Что за книга? — спросил он.

— Та, которую вы как раз читали, когда я был здесь. Я взял ее. Вы ушли говорить по телефону, она осталась лежать в кресле, и я ее просто взял...

— Так-так, — господин Кореандр задымил трубкой. — Но у меня не пропало ни одной книги. Как она называлась?

— Бесконечная Книга. Она в таком медно-цветном шелке и переливается. Там две змеи, светлая и темная. А напечатана двумя красками.

— Действительно, странное дело! — сказал господин Кореандр. — Такой книги у меня никогда не было. Так что ты не мог у меня ее украсть. Может, ты стянул ее где-то в другом месте?

— Нет! — уверял Бастиан. — Вы должны ее помнить! Она... волшебная. Когда я ее читал, я сам попал в нее, а когда выбрался назад, книги уже не было.

Господин Кореандр глядел на Бастиана поверх очков.

— А ты не разыгрываешь меня?

— Нет, — отвечал Бастиан в отчаянии, — это чистая правда!

— Тогда расскажи мне все по порядку. Садись и рассказывай!

Теперь рассказ Бастиана не был таким подробным, но поскольку господин Кореандр очень увлекся и все время задавал вопросы, рассказ растянулся все же часа на два. Неизвестно почему, но за это время их не потревожил ни один покупатель.

Долгое время господин Кореандр молча попы-

хивал своей трубкой. Потом испытующе взглянул на Бастиана и сказал:

— Ясно одно: ты не украл у меня эту книгу, потому что она не принадлежит ни мне, ни тебе, ни кому бы то ни было. Если я не ошибаюсь, она сама происходит из Фантазии. Кто знает, может, сейчас ее держит в руках кто-нибудь другой и читает.

— Значит, вы верите мне?

— Ну конечно. Любой разумный человек поверит.

— Честно говоря, — признался Бастиан, — я не рассчитывал на это.

— Есть люди, которые никогда не попадут в Фантазию, — сказал господин Кореандр. — И есть люди, которые попадут, но останутся там навсегда. И есть немногие, которые могут бывать там и возвращаться обратно. Такие, как ты. Они-то и делают оба эти мира здоровыми.

— Ах, — сказал Бастиан и покраснел. — Не знаю, могу ли я это. Я чуть было не остался там. Я был на волосок от гибели. Если бы не Атрей, торчать бы мне сейчас в городе Старых Королей.

— Да, — задумчиво пробормотал господин Кореандр, — тебе повезло, что у тебя такой друг в Фантазии. Такой достается не каждому.

— Господин Кореандр, — осторожно спросил Бастиан, — а откуда вы все это знаете? Я хочу сказать, вы тоже бывали в Фантазии?

— Разумеется.

— Но тогда... Тогда вы должны знать Луниану!

— Да, я знаю Детскую Королеву, только под другим именем. Я называл ее иначе. Но это не имеет значения.

— Но тогда вы должны знать и Бесконечную

Книгу! — воскликнул Бастиан. — Ведь вы тоже ее читали!

Господин Кореандр отрицательно покачал головой.

— Любая настоящая книга — бесконечная. — Он окинул взглядом книги на полках и продолжил: — Есть много дверей в Фантазию, мой мальчик. И множество волшебных книг. Но многие люди не замечают этого. Все зависит от того, кто держит книгу в руках.

— Значит, Бесконечная Книга для каждого своя?

— Именно так. И, кроме того, есть другие пути в Фантазию, не только книги. Ты еще узнаешь это.

— Вы думаете? — с надеждой спросил Бастиан. — Но тогда мне придется еще раз встретиться с Лунианой, а каждый может увидеть ее лишь однажды.

Господин Кореандр наклонился вперед и понизил голос:

— Мой мальчик, послушай старого, опытного путешественника в Фантазию! Это тайна, которую там не знает никто! Если ты задумаешься, ты поймешь, почему это так. К Луниане ты не сможешь попасть дважды, это верно. Пока она Луниана. Но если ты дашь ей новое имя, ты снова увидишь ее. И пока это будет тебе удаваться, всякий раз это будет первый и единственный раз!

По бульдожьему лицу господина Кореандра пробежало сияние, сделавшее его на миг молодым и красивым.

— Спасибо, господин Кореандр! — сказал Бастиан.

— Это я должен благодарить тебя, мой мальчик, — отвечал тот. — Было бы замеча-

тельно, если бы ты иногда показывался, чтобы мы взаимно углубили наши познания. Не так уж много на свете людей, которые понимают толк в таких вещах. Договорились? — он протянул Бастиану руку.

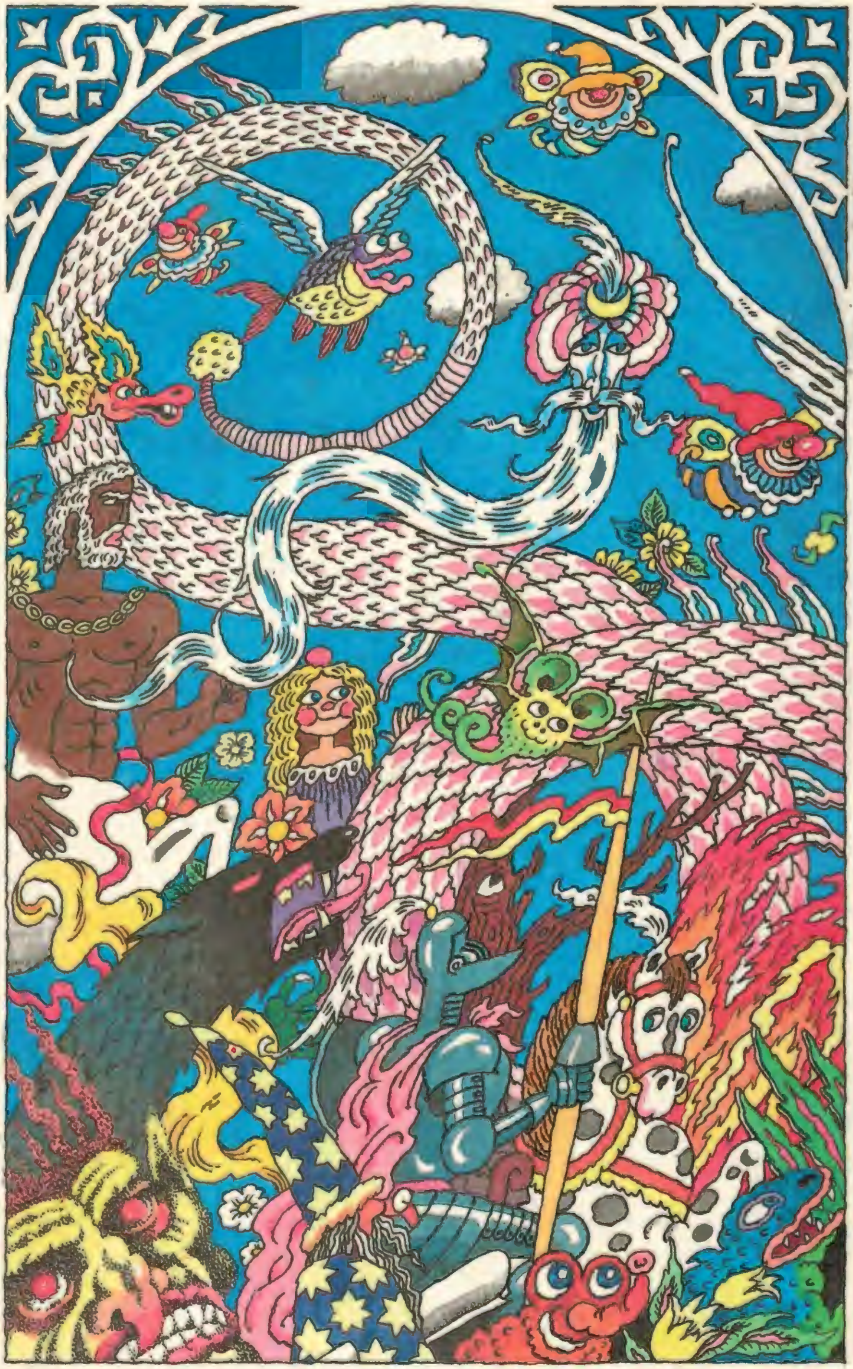
— Договорились! — ответил Бастиан на рукопожатие. — А теперь мне надо идти. Меня ждет отец. Но я еще вернусь.

Господин Кореандр проводил его до двери. Когда они подошли к ней, Бастиан увидел сквозь стекло с зеркально повернутой надписью отца, который стоял на другой стороне улицы и ждал его. Лицо его сияло.

Бастиан распахнул дверь, так что латунный колокольчик принялся звонить, и побежал навстречу отцу.

Господин Кореандр осторожно придержал дверь и поглядел вслед обоим.

— Бастиан Балтазар Букс, — пробормотал он. — Если я не ошибаюсь, ты покажешь дорогу в Фантазию еще кое-кому, чтобы и он зачерпнул Живой Воды.

И господин Кореандр не ошибся.

Но это уже другая история, и мы расскажем ее как-нибудь в другой раз.